

**FRAZEOLOGIA A REPRODUKOWALNOŚĆ
W TEORII I W PRAKTYCE KOMUNIKACYJNEJ**

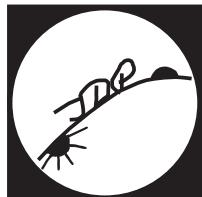
PROBLEMY – METODY ANALIZY – OPIS

VOLUME SIX

INTERCONTINENTAL DIALOGUE ON PHRASEOLOGY
University of Białystok, Poland

**FRAZEOLOGIA A REPRODUKOWALNOŚĆ
W TEORII I W PRAKTYCE KOMUNIKACYJNEJ**
PROBLEMY – METODY ANALIZY – OPIS

VOLUME SIX

UNIVERSITY OF BIAŁYSTOK PUBLISHING HOUSE
BIAŁYSTOK 2020

IDP Series Editor:
Joanna Szerszunowicz

Editors:
Wojciech Chlebda
Jadwiga Tarsa

Reviewers:
Andrzej Charciarek
Krzysztof Kusal
Aleksander Gadomski

© Copyright by University of Białystok, Białystok 2020

Typesetting: Stanisław Żukowski

The volume has been financed by the Philological Department
of the University of Białystok

ISBN 978-83-7431-643-9

University of Białystok Publishing House
15-328, Białystok, 20B Świerkowa Street
phone number: 857457120, e-mail: wydawnictwo@uwb.edu.pl,
<http://wydawnictwo.uwb.edu.pl>

Printed and bound by: volumina.pl Daniel Krzanowski

SPIS TREŚCI

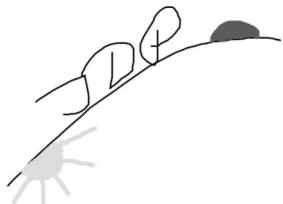
<i>Wojciech Chlebda, Jadwiga Tarsa</i>	
Wstęp	7
<i>Olga Abakumova</i>	
Воспроизведимость семантики и структуры пословицы при ее употреблении в художественном тексте	11
<i>Wojciech Chlebda</i>	
Reprodukowalność, reprodukcja, reprodukty	27
<i>Olga Meshcheryakova</i>	
Коммуникативная культура как объект воспроизведимости в русских пословицах с антропонимом	51
<i>Elena Nichyporczyk</i>	
Воспроизведимое и вариативное в текстовых реализациях паремий	65
<i>Olga Orlova</i>	
Тема рождения и её табуирование в русских и английских фразеологизмах	89
<i>Alicja Pstyga</i>	
Reprodukowalność jednostek frazeologicznych w dyskursie prasowym	105
<i>Archana Sarkar</i>	
Исходные положения воспроизведимости и долголетие фразеологических оборотов	121
<i>Jadwiga Tarsa</i>	
Воспроизведимость сетевых фразеологизмов – универсальное и национальное	133

Marta Wójcicka

Reprodukcia wytworów i praktyk jako warunek pamięci zbiorowej 145

Włodzimierz Wysoczański

Сложности воспроизведимости. Репродуктивность фразем
в свете инноваций (на материале выбранных единиц) 165

Wstęp

We frazeologii teoretycznej reprodukowalność („odtwarzalność ciągów wyrazowych w gotowej postaci”), która uważana jest za jedno z konstytutywnych kryteriów frazeologiczności, traktowana jest najczęściej jako zjawisko oczywiste, zrozumiałe samo przez się, dlatego z reguły nie poświęca się jej odrębnych studiów analitycznych. Tymczasem reprodukowalność jest zjawiskiem, po pierwsze, wielorako złożonym, po drugie, zależnym od wielu różnorodnych czynników, po trzecie, pełniącym różne funkcje, po czwarte wreszcie – wymagającym zróżnicowanych metod i technik analizy. Otwiera to przed badaczami szerokie pole problemowe, w którym jest miejsce nie tylko dla frazeologów i paremiologów, ale także dla specjalistów szeregu specjalizacji badawczych powiązanych na różne sposoby z fenomenem powtarzania i odtwarzania w języku i kulturze.

Niniejsze opracowanie jest pokłosiem dyskusji przeprowadzonej w dniach 10–12 września 2018 roku w ramach Sekcji Slawistycznej Międzynarodowej Konferencji Naukowej EUROPHRAS zorganizowanej przez Uniwersytet w Białymostku pod hasłem „Reproducibility from a phraseological perspective: Structural, functional and cultural aspects”. Organizatorzy konferencji postawili przed referentami następujący zespół zagadnień:

- What does the term *reproducibility* – of which several definitions exist – really mean in phraseological studies?
- How can reproducible language units be detected and analysed in corpora?
- How should they be described in mono- and bilingual dictionaries?
- What is their importance from the translational point of view?
- How to view them from a didactic perspective?
- How to discuss them in a cross-linguistic and cross-cultural context?

Autorzy niniejszego opracowania podjęli część tych zagadnień i dodali nowe, rozpatrując na materiale języków słowiańskich takie aspekty fenomenu reprodukowalności, jak:

1. środowisko, w którym zachodzi reprodukcja (folklor, Sieć, proces przekładu, teksty różnych gatunków mowy, dyskursy);
2. związki z innymi fenomenami (reprodukcia w świecie ożywionym, moltiplikacja w środowisku maszynowym, praktyki rytualne w świecie folkloru, formuliczność w produkcji tekstów, psychologia twórczości, odwórcza postawa człowieka wobec rzeczywistości, pamięć indywidualna i zbiorowa, tabu);
3. status reprodukowalności (reprodukcia mechaniczna *vs* reprodukcja nowacyjna, reprodukcja systemowa *vs* reprodukcja tekstowa, reprodukcja w słowniku *vs* reprodukcja w wypowiedzi, reprodukcja absolutna *vs* reprodukcja sytuacyjna, inwariancja *vs* wariacyjność);
4. funkcje reprodukowalności (biologiczna, perswazyjna, mnemotechniczna, ekonomiczna, artystyczna, poznawcza);
5. metody analizy (ilościowe i jakościowe, opisowe i zautomatyzowane, holistyczne i interdyscyplinarne).

Za wspólny mianownik zawartych w niniejszym opracowaniu rozważań można uznać myśl, że reprodukcja wielowyrzazowych jednostek języka w aktach mówienia nie może być sprowadzona do mechanicznej moltiplikacji istniejących w umyśle mówiącego wzorców. Po pierwsze, każdy doraźny akt reprodukcji takiej jednostki języka jest jedynie cząstkowym (szczególnym) przejawem fenomenu reprodukowalności obecnego w nader różnorodnych manifestacjach w całym świecie ożywionym i powinna być rozpatrywana na jego tle czy w odniesieniu do niego. Po drugie, reprodukcja taka nie ma charakteru absolutnego, lecz winna być relatywizowana do warunków danego aktu mówienia (do określonej sytuacji komunikacyjnej). Oznacza to, że odtwarzane jednostki języka mają charakter względny: ich reprodukowalność da się orzec tylko względem takich płaszczyzn odniesienia, jak miejsce, czas, wspólnota, a nawet jednostka ludzka, wybrany gatunek czy styl wypowiedzi itp. Po trzecie, reprodukcja może przybrać postać dokładnego odtworzenia, kopii danego wzorca, ale może być niedokładna, przybliżona, plastycznie dostosowująca się do aktualnych warunków mówienia. Jeżeli reprodukowalne ciągi wyrazowe nazwać „reproduktami”, to odtwarzalne jednostki języka wydają się tworzyć dwie zasadnicze grupy: produkty statyczne (duplikaty), wynikłe z mechanicznego powielania wzorca w wyniku nieświadomych działań ludzkich (ale także wskutek odpowiedniego zaprogramowania eksceptorów komputerowych), oraz produkty dynamiczne, będące zwykle rezultatem świadomych decyzji mówiącego. Duplikaty są

pochodną odtwórczej postawy człowieka wobec rzeczywistości, reprodukty dynamiczne – jego postawy twórczej.

Prezentacja tak szerokiego spektrum aspektów fenomenu reprodukowalności i tak wielu możliwości analitycznych podejść do jego poznania pozwala sobie uświadomić aktualny stan wiedzy o reprodukowalności i tym samym zarysować obszary naszej niewiedzy o tym fenomenie, wytyczając kierunki dalszych wysiłków badawczych.

Redaktorzy

Ольга Абакумова

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

Россия

<https://orcid.org/0000-0001-9488-1440>

Воспроизведимость семантики и структуры пословицы при ее употреблении в художественном тексте

Аннотация. Статья посвящена проблемам воспроизведимости пословиц в художественном тексте. Существуют разные взгляды на природу пословиц и их языковой статус: одни исследователи считают их прецедентными текстами, другие – прецедентными высказываниями. Но языковой статус не имеет значения, когда речь идет о функционировании языковых единиц в тексте. Автор статьи дает анализ существующих точек зрения на воспроизведимость вообще и предлагает читателю рассмотреть некоторые результаты анализа воспроизведимости семантики и структуры пословиц на примере произведения В. Высоцкого *Правда и ложь*. Используя свою когнитивно-дискурсивную модель актуализации смысла пословицы в дискурсе на данном материале, автор приходит к следующим выводам. Элементы семантической структуры пословицы, в первую очередь традиционные образные предикативные и атрибутивные сочетания, целенаправленно повторяющиеся в соответствующих контекстах в художественном тексте, вызывают в сознании читателя, носителя данной культуры, определенные образы и фреймы, которые с опорой на обобщенный фрейм, символы и установки культуры, способствуют восстановлению базовой формы пословицы в силу ее прецедентности. Количество пословиц, которые носитель языка способен восстановить и воспроизвести, зависит от его культурной компетентности и знаний в области народного фольклора.

Ключевые слова: воспроизводимость, пословица, прецедентные феномены, художественный текст, когнитивно-дискурсивная модель актуализации смысла пословицы в дискурсе

1. Введение

В.П. Жуков так определял пословицу: “Под пословицами в широком смысле мы понимаем краткие народные изречения, имеющие одновременно буквальный и переносный (образный) план или только пе-

реносный план и составляющие в грамматическом отношении законченное предложение" (Жуков 1991: 11). Поговорками он назвал краткие народные изречения, имеющие только буквальный смысл. Между пословицами и поговорками находятся переходные единицы – пословично-поговорочные изречения, в составе которых часть слов используется в прямом, а часть в переносном смысле. Единицы с открытой структурой типа *глаза на лоб лезут (у кого)* он относит к фразеологизмам. Пословицы и поговорки как законченные предложения при таком подходе в состав фразеологии не включаются. Другие исследователи (Кунин, Добровольский, Баранов 2010) рассматривают пословицы в составе фразеологии. А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский, например, определяют пословицы как фразеологизмы со структурой предложения, обобщенным значением и дидактической функцией и говорят о сложности (даже невозможности) разграничения пословиц и поговорок. Г.Л. Пермяков указывает на тройственную природу пословиц, которые одновременно указывают и называют ситуацию, являются языковым знаком, художественным текстом и логическим суждением одновременно, он предлагает выделить для них отдельный паремиологический уровень в структуре языка (Пермяков 1975: 251).

Н. Норрик понимает пословицу как знак и как фольклорный текст одновременно и описывает ее как косвенный речевой акт, поскольку утвердительное по форме пословичное высказывание может быть императивным по своей иллоктивной силе (Norrik 1994).

В работе Л.Б. Савенковой *Русская паремиология* (2002)дается определение пословицы как языкового знака с элементами иконизма, включающего текстовые характеристики. Она замечает: "Во вторичном языковом знаке, в том числе пословичном, видимо, означающее не тождественно форме. В пословичном знаке в положении означающего оказывается дискурсивный, речевой знак (переменное предложение, составляющее в соединении своей формы и значения деривационную базу пословицы), так как именно он используется для передачи пословичного значения" (Савенкова 2002: 93).

Анализируя английские фразеологизмы с точки зрения их использования в художественном тексте, А. Насиционе предлагает использовать следующие основные понятия: базовая форма (base form), ядерное употребление (core use) и инстанциальное употребление (instantial form), под которым понимается конкретное стилистическое использование фразеологизма в дискурсе, которое приводит к изменениям его формы и значения под влиянием контекста (Naciscione 2001). Инстанциальное употребление – безграничный ресурс для творческой деятельности говорящего.

го или пишущего. Автор выделяет основные модели инстанциального использования ФЕ в художественном тексте, основанные на таких его характеристиках, как когезия и когерентность: развернутая метафора, каламбур, расщепление, аллюзия.

Мы определяем пословицу как гибридный знак с текстовыми характеристиками и прагматическими функциями, имеющий структуру предложения и используемый как тактическое средство реализации определенной коммуникативной стратегии говорящего (Абакумова 2012).

Художественный текст понимается в данной статье как возникающее из специфического (эгоцентрического) внутреннего состояния художника душевное чувственно-понятийное постижение мира в форме речевого высказывания (см. Адмони 1994), которое осуществляется средствами национального языка, отражающего как универсально-человеческий, так и национально-культурный опыт народа.

2. Понятие воспроизведимости

Предметом исследования в нашей статье является понятие воспроизведимости. Приведем несколько определений воспроизведимости и обоснем выбор нашего понимания термина.

В своем понимании воспроизведимости исследователи часто исходили в основном из традиций системно-структурного подхода, пользуясь его понятийным аппаратом и методологическими ресурсами. Наша трактовка воспроизведимости выходит за рамки традиционной, вытекающей из дилеммы “язык – речь” и наделяющей данным свойством лишь “канонические” единицы языка (слова, фразеологизмы и т.п.). Мы придерживаемся позиции, что “воспроизведимостью могут обладать и обладают самые разные единицы, в том числе и те, которые традиционно считаются производимыми, т.е. создаваемыми в речи путем свободного комбинирования других единиц. Ведь создаются они с учетом определенных ограничений концептуального, социального и языкового характера, создаются как средство для выполнения некоторой функции, и это средство может быть востребовано не один раз” (см. напр. Шекотихина 1996: 9).

К воспроизведимым сочетаниям помимо классических фразеологизмов относят выражения, которые в разных источниках трактуются либо как разновидности ФЕ, либо как свободные словосочетания, либо как сочетания особого рода: *традиционные сочетания* (А.И. Смирницкий), *слитные речения* (Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов), *составные терми-*

ны (В.В. Виноградов), *фразеологические выражения* (Н.М. Шанский), *лексикализованные сочетания* (С.И. Ожегов), *аналитические слова* (О.С. Ахманова), *аналитические наименования* (Э. Лотко), *аналитические лексические коллокации* (В.Н. Телия), *фраземы*, или *фразеоматические сочетания* (Н.А. Амосова, И.П. Сусов, А.В. Кунин), *развернутые устойчивые номинации* (В.И. Макаров), *устойчивые фразеоматические сочетания* (Е.Г. Беляевская), *устойчивые словосочетания нефразеологического характера* (Н.Е. Котлер), *номинемы* (В.М. Никитевич), *коллокации* (Е.Г. Борисова), *синлексы* (Г.И. Климовская) и др.

В рассматриваемую область единиц входят и “связанные” синтаксические конструкции, именуемые также *устойчивыми синтаксическими конструкциями*, *почти фразеологизированными конструкциями*, *фразеосхемами*, *синтаксическими фразеологизмами*, *синтаксическими идиоматизмами и т.п.* (Д.Н. Шмелев, В.Л. Архангельский, Н.Ю. Шведова, Т.А. Тулина, Т.В. Булыгина и др.). К подобным конструкциям относят построения, организующим центром которых является либо застывшая форма, оторвавшаяся от парадигмы соответствующего слова и в той или иной степени утратившая свое лексическое и категориальное значение (например, форма “чем” в конструкции *Чем не жених?*), либо грамматическая форма, оторвавшаяся именно в грамматическом плане от соответствующей парадигмы и детерминирующая структуру предложения (*Всем молодцам молодец; Без тебя и праздник не праздник*).

Исследователи также указывают на воспроизводимость *коммуникативных структур* (актуального членения) *предложений*, в которых “за каждым синтаксически охарактеризованным компонентом предложения или лексической единицей закрепляется определенная коммуникативная роль” (Янко 1995: 158).

Феномен воспроизводимости охватил, по выражению В.И. Телии, “территорию” *прецедентных текстов и прецедентных феноменов* в целом (Телия 2005: 4). Под воспроизводимостью в данном случае понимается “(потенциально) частотная возобновляемость того или иного феномена в процессе общения (как непосредственного, так и дистанцированного во времени и пространстве)” (Красных 2016: 122). Таким образом, свойство воспроизводимости проявляют “не только устойчивые языковые или дискурсные единицы (т.е. те единицы, которые, как правило, имеют свои собственные «тела знаков» – фразеологизмы, некоторые прецедентные феномены и под.), но и свободные, «знаково нефиксированные» апелляции к фиксированным в сознании образно-смысловым структурам (к таковым можно отнести некоторые дискурсные единицы – прецедентные феномены и стереотипы, не имеющие «фиксированного име-

ни», а также феномены несколько иной природы, например, эталоны и символы” (Красных 2016: 123).

Можно также говорить о воспроизведении *типовых стратегий, тактик, ходов, приемов* в речевом (коммуникативном, дискурсивном) поведении личности, когда она [личность] следует определенным рече-поведенческим образцам (моделям, формату) в соответствии с существующими нормами, традициями (Г.П. Грайс, Дж. Лич, И.А. Стернин, Е.Ю. Прохоров, В.И. Карасик, Л.В. Куликова и др.).

В целом можно сказать, что даже такие крупные и сложноорганизованные объекты, как текст и дискурс, обладают способностью к воспроизведению. Однако в зависимости от природы объекта данное свойство проявляет себя по-разному. В принципе, воспроизводимость понимается как способность к повторению в одном и том же виде, как способность к извлечению из памяти в качестве готового (а не создаваемого) средства. Как отмечает И.Н. Щекотихина, “готовый вид не означает буквальность, неизменность единицы (средства) в каждом случае использования, а некоторое *постоянство основных характеристик* в пределах ее вариативной области” (Щекотихина 1996: 21).

Если же мы взглянем на явление воспроизводимости с когнитивной и/или психофизиологической точки зрения, то увидим, что “готовность” языковых знаков обусловлена особенностями человеческой лингво-когнитивной деятельности. Индивид хранит в памяти переработанный речевой опыт в виде “следов” употребления языковых знаков, так называемых паттернов активации (энграмм в нейрофизиологии), компоненты которых объединены довольно прочными связями, актуализируемыми единым комплексом. Такой след, как живое знание (по В.П. Зинченко), представляет собой “процесс и результат взаимодействия телесного и духовного, перцептивного, когнитивного, аффективного, вербального и невербального, индивидуального и социального опыта” (Н.О. Швец 2005: 46). Сила связи между компонентами определяет степень «монолитности» следа и возможность воспроизведения языкового знака в единстве всех его составляющих и характеристик.

Возможность удержания в памяти крупных языковых/речевых образований обусловлена способностью мозга реагировать на однотипные комплексные воздействия среды не как на ряд отдельных изолированных раздражителей, а как на целостную систему (см. работы И.П. Павлова, А.А. Ухтомского, П.К. Анохина, Е.Н. Соколова, К.В. Судакова и др.). Таким образом, в нейронной сети замыкается “сильная” временная связь, образуя взаимно подкрепляющую группу узлов, функционирующую по принципу динамического стереотипа, т.е. способную

воспроизводиться в полном объеме при наличии даже ограниченного числа стимулов, бывших актуальными на момент его формирования. Сила связи зависит как от характеристик стимула, так и от внешних факторов (коммуникативная/функциональная прецедентность стимула, его значимость (объективная и субъективная), естественность связи вещей в объективной реальности и пр.) (см. Щекотихина 2017).

В концепции Б.М. Гаспарова такой целостный прототипический образ высказывания получает название коммуникативного контура высказывания (Гаспаров 1996). Этот образ носит не жесткий и четкий, а контурный, эскизный характер. Он имеет коммуникативную окрашенность, определенный тематический и жанровый потенциал употребления и включает в себя ритмико-интонационный образ, опорные выражения (реальные фразы-прецеденты разной степени неполноты и приблизительности) и композиционные лакуны (размытые, не вполне воплощенные участки высказывания, в которых проглядывает, с разной степенью отчетливости, притягиваемый ими языковой материал). Обращается внимание на тот факт, что данные единицы могут быть члеными с точки зрения морфо-синтаксических параметров метаязыковой модели, но не расчленяемыми и целостными с точки зрения того, как говорящие представляют себе этот отрезок языковой ткани и обращаются с ним. Единицы такого рода, будучи “коммуникативно заряженными частицами языковой ткани”, различаются объемом, фактурой, разной степенью отчетливости и законченности и хранятся в памяти “в полусплавленном, ассоциативно подвижном, текущем состоянии” (Гаспаров 1996: 104). Это могут быть “осколки” словоформ, “форма которых не обязательно соответствует морфемному членению” (Гаспаров 1996: 120); “отдельные словоформы, каждая в окружении целого поля более или менее очевидных сочетательных возможностей; готовые словесные группы, в каждой из которых просматриваются различные возможности модификации, расширения, усечения, замены отдельных элементов; синтактико-интонационные фигуры, лишь частично заполненные отдельными опорными словами, в окружении целых полей словоформ и словосочетаний, пригодных для их полного воплощения целые готовые реплики-высказывания (опять-таки с возможностями их модификации); различные риторические «жесты», за которыми проглядывают более крупные речевые блоки и даже целые тексты, ассоциируемые с такими «жестами»; наконец, отдельные куски текстов и речений, устных или письменных, прозаических и поэтических, относящихся к различным сферам и жанрам языкового существования, которые говорящий помнит с разной степенью отчетливости – будь то точное знание наизусть, или при-

близительное, размываемое лакунами воспоминание, или смутный, едва просвечивающий в памяти образ" (Гаспаров 1996: 104–105).

По своей сути представления Б.М. Гаспарова о природе единиц языковой памяти согласуются с психолингвистическим /когнитивным взглядом на эту проблему. Ср., например, идеи А.А. Залевской о принципах организации единиц речевого опыта, среди которых называется наличие "расплывчатых" множеств с нечеткими границами и взаимопереесечением по разнообразным основаниям (Залевская 2003). Ссылаясь на свидетельства П. Ладегофеда, Е.С. Кубрякова писала: "В каком-то смысле можно утверждать известный приоритет целостного восприятия и целостного хранения, а также целостного извлечения из памяти готовых единиц номинации, даже тех, которые для говорящих сами по себе легко разлагаются на части и членятся" (Кубрякова 1991: 136). Мы согласны с И.Н. Щекотихиной, которая полагает, что данное утверждение справедливо не только по отношению к единицам номинации, но и к образованиям коммуникативного характера разной степени сложности организации (см. Щекотихина 2017).

Сегодня воспроизведимость успешно изучается представителями лингвокультурологии, которые в центр внимания ставят не столько сами воспроизведимые единицы (языка и дискурса), но и те знаки "языка" культуры, "телами" которых данные единицы служат, те смыслы, которые за ними стоят (см. работы В.Н. Телия (см. например, Телия 2004) и представителей ее школы, например, *Большой фразеологический словарь* 2006, *Словарь и грамматика лингвокультуры* В.В. Красных 2016 и *Словарь лингвокультурологических терминов* М.Л. Ковшовой и Д.Б. Гудкова 2018). Единицей анализа в таком случае является единица лингвокультуры, означающим которой является тело знака естественного языка, означаемым – знак "языка" культуры.

Психолингвокультурологический подход, который предлагает В.В. Красных, с опорой на этнопсихолингвистику и лингвокультурологию, позволяет предположить, что когнитивной основой воспроизведимости может быть признан образ, под которым понимается результат максимального сгущения первоначального представления, образно-эмоционально-смысловая свертка "ментальной картинки", формирующейся на основе эмоционально-образного восприятия информации, поступающей по одному или нескольким сенсорным каналам (Красных 2016: 126). В.В. Красных выдвигает гипотезу, суть которой сводится к тому, что именно образ создает основы и основания для феномена воспроизведимости. Данная гипотеза требует, по мнению автора, дополнительных исследований, подтверждающих или опровергающих ее.

Мы полагаем, что в основе воспроизведимости действительно лежит образ, который связан в сознании носителей языка с культурными установками, о которых пишут В.Н. Телия, В.В. Красных, М.Л. Ковшова, но не менее значимыми факторами являются коммуникативная стратегия говорящего и культурно-коммуникативная компетенция слушающего, его желание и способность инферировать то, что имеет в виду говорящий. В этой связи уместно будет упомянуть когнитивно-дискурсивную модель актуализации смысла пословицы в дискурсе, предлагаемую автором данной статьи (см. Абакумова 2012), которая включает коммуникативную, когнитивную, экспрессивную и регулятивную составляющие.

Инстанциальное употребление фразеологических единиц, а в нашем случае и паремиологических, представляет собой безграничный ресурс для творческой деятельности говорящего и/или пишущего человека в рамках культуры. А. Насиционе (Nascione 2001) выделяет основные модели инстанциального употребления фразеологизмов в художественном тексте, основанные на таких характеристиках текста, как когезия и когерентность: развернутая метафора, каламбур, расщепление, аллюзия. Полагаем, эти модели актуальны и для пословиц.

3. Воспроизводимость пословиц в художественном тексте (на материале стихотворения-притчи В. Высоцкого *Правда и Ложь*)

Рассмотрим возможности воспроизведения структуры и семантики паремических единиц при восприятии художественного текста на материале стихотворения-притчи В. Высоцкого *Правда и Ложь*. Обратимся к анализу текста и тех образов, которые лежат в основе воспроизводимости и языковых единиц и смыслов в данном контексте. В песне аллегорически представлены отношения между двумя феноменами, которые на бытовом уровне вызывают у читателя с одной стороны, аллюзии с притчей XIX века, а с другой – с пословичными текстами русского и зарубежного фольклора.

Правда и Ложь

Нежная Правда в красивых одеждах ходила,
Принарядившись для сирых, блаженных, калек.
Грубая Ложь эту Правду к себе заманила, –
Мол, оставайся-ка ты у меня на ночлег.

И легковерная Правда спокойно уснула,
Слюни пустила и разулыбалась во сне.
Хитрая Ложь на себя одеяло стянула,
В Правду впилась и осталась довольна вполне.

И поднялась, и скроила ей рожу бульдожью, –
Баба как баба, и что её ради радеть?
Разницы нет никакой между Правдой и Ложью,
Если, конечно, и ту и другую раздеть.

Выплела ловко из кос золотистые ленты
И прихватила одежды, примерив на глаз,
Деньги взяла, и часы, и ещё документы,
Сплонула, грязно ругнулась и вон подалась.

Только к утру обнаружила Правда пропажу
И подивилась, себя оглядев делово, –
Кто-то уже, раздобыв где-то чёрную сажу,
Вымазал чистую Правду, а так – ничего.

Правда смеялась, когда в ней камни бросали:
– Ложь это всё, и на Ажи – одеянье моё!..
Двое блаженных калек протокол составляли
И обзываю дурными словами её.

Стервой ругали её и похуже, чем стервой,
Мазали глиной, спустили дворового пса:
– Духу чтоб не было! На километр сто первый
Выселить, выслать за двадцать четыре часа.

Тот протокол заключался обидной тирадой,
(Кстати, навесили Правде чужие дела):
Дескать, какая-то мразь называется Правдой,
Ну а сама, вся как есть, пропилась догола.

Голая Правда божилась, клялась и рыдала,
Долго болела, скиталась, нуждалась в деньгах.
Грязная Ложь чистокровную лошадь украла
И ускакала на длинных и тонких ногах.

Впрочем, легко уживаться с заведомой ложью,
Правда колола глаза и намаялись с ней.
Бродит теперь, неподкупная, по бездорожью,
Из-за своей наготы избегая людей.

Некий чудак и поныне за Правду воюет, –
Правда, в речах его – правды на ломаный грош:
– Чистая Правда со временем восторжествует,
Если проделает то же, что явная Ложь.

Часто разлив по сто семьдесят граммов на брата,
Даже не знаешь, куда на ночлег попадёшь.
Могут раздеть – это чистая правда, ребята!
Глядь, а штаны твои носит коварная Ложь.
Глядь, на часы твои смотрит коварная Ложь.
Глядь, а конём твоим правит коварная Ложь.

Первый куплет песни уже содержит языковые единицы, которые заставляют русскоязычного читателя вспоминать традиционные тексты пословиц: *Правда краше солнца; Правда-матушка светла живет, ложь под тыном прячется; Устами младенцев да юродивых глаголет истина; Птицу кормом, а человека словом обманывают.*

Нежная Правда в красивых одеждах ходила,
Принарядившись для сирых, блаженных, калек.
Грубая Ложь эту Правду к себе заманила, –
Мол, оставайся-ка ты у меня на ночлег

В европейском фольклоре 19 века Ложь встречает Правду на улице в жаркую погоду и предлагает ей искупаться в колодце, а потом ворует ее одежду и скрывается из виду. С тех пор Правда ходит голой по миру. Высоцкий переносит действие в современную ему действительность (1977 г.) и использует для передачи своего главного послания читателю бытовую ситуацию обмана доверчивого человека бессовестным подлецом, подчеркивая таким образом отсутствие веры и нравственности в обществе.

И легковерная Правда спокойно уснула,
Слюни пустила и разулыбалась во сне.
Хитрая Ложь на себя одеяло стянула,
В Правду впилась и осталась довольна вполне.

Второе четверостишие вызывает в памяти пословицу *Правда истомилась, лжи покорилась, а также Ложь Правду не любит.*

И поднялась, и скроила ей рожу бульдожью, –
Баба как баба, и что её ради радеть?
Разницы нет никакой между Правдой и Ложью,
Если, конечно, и ту и другую раздеть.

Образ собаки наделяется в славянских народных представлениях двойственной символикой и различными демоническими функциями. Собака как домашнее животное метафорически соотносится с диким

зверем волком, выступает его символическим соответствием. Наряду с известными быличками о заклятии колдуном человека на определенный срок в волка существуют и рассказы о превращении его в собаку. В сербской легенде волк создан дьяволом. В белорусской корильной песне с бесхвостым псом сравнивают холостого мужчину. Русские считают собаку животным нечистым. Символическая амбивалентность собаки проявляется и в ее роли в русских легендах: по одной, она создана Богом из грязи, которой дьявол обмазал сотворенного Богом человека, чтобы охранять его от дьявола; по другой – она была стражем на границе ада и рая (*Славянская мифология* 2002: 440).

*Выплела ловко из кос золотистые ленты
И прихватила одежды, примерив на глаз,
Деньги взяла, и часы, и ещё документы,
Сплюнула, грязно ругнулась и вон подалась*

Волосы в народных представлениях – средоточие жизненных сил человека. Они символизируют множество, богатство, изобилие, счастье. Непокрытые женские волосы могут принести вред людям, хозяйству, урожаю (*Славянская мифология* 2002: 88). Ситуация кражи вызывает в памяти следующие пословицы: *Кто лжет, тот и крадет; Врун, так и обманщик, обманщик, так и плут, плут, так и мошенник, мошенник, так и вор; Лжса что ржас: тлит; Ложь света боится; У лжи длинные ноги.*

*Только к утру обнаружила Правда пропажу
И подивилась, себя оглядев делово, –
Кто-то уже, раздобыв где-то чёрную сажу,
Вымазал чистую Правду, а так – ничего.*

В русской традиции черным цветом мазали ворота нечестной девушки. В сознании по ассоциации возникает пословица: *Клевета что уголь: не обожжет, так замарает; Добрая слава лежит, а худая далеко бежит; Как себя ни поведешь, от напраслины не уйдешь.*

*Правда смеялась, когда в неё камни бросали:
– Ложь это всё, и на Лжи – одеянье моё!..
Двою блаженных калек протокол составляли
И обзванивали дурными словами её.*

У верующих христиан сразу возникает цитата из Библии: Кто без греха, пусть первым бросит в нее камень. В славянском фольклоре находим следующие пословицы и речения: *Правда суда не боится; Правда сама*

*себя хвалит и величает; Правда права сама собой; Ложь в правду рядилась;
Где не выслушивают, там правда пропадает; Брань, Ложь Правду не любят.*

Стервой ругали её и похуже, чем стервой,
Мазали глиной, спустили дворового пса:
 – Духу чтоб не было! На километр сто первый
 Выслать за двадцать четыре часа.
 Тот протокол заключался обидной тирадой,
(Кстати, навесили Правде чужие дела):
 Дескать, какая-то мразь называется Правдой,
 Ну а сама, вся как есть, пропилась догола.

Мазать глиной имеет те же негативные ассоциации и коннотации, что и черная сажа. Об амбивалентности образа собаки мы уже писали выше. *Сто первый километр и выслать задвадцать четыре часа* имеют отношение к определенному периоду нашей истории, когда люди подвергались гонениям и репрессиям за неугодное поведение без доказательства вины. Есть и подходящая пословица этого периода: *За Правду-матку ссылают на Камчатку; Ходит и правда в кандалах.*

Голая Правда божилась, клялась и рыдала,
 Долго болела, скиталась, нуждалась в деньгах.
Грязная Ложь чистокровную лошадь украла
 И ускакала на длинных и тонких ногах.

В данном четверостишии используются устойчивые выражения в базовой форме *Голая Правда* и *Грязная Ложь*, которые противопоставлены как антонимы. Заслуживает внимания образ лошади, коня, который, как и образ собаки, имеет амбивалентную символику. Характерен общеславянский фольклорный мотив образа вещего коня, предсказывающего смерть своему хозяину. Конь, лошадь в народной традиции – одно из наиболее мифологизированных животных, воплощение связи с миром сверхъестественного, “тем светом”, атрибут мифологических (эпических) персонажей (Славянская мифология 2002: 245). Наиболее известные пословицы, связанные с этим отрывком: *Хороша Правда, да не перед людьми; Правда не стоит, а по миру ходит; Правда в лаптях, а Кривда в сапогах; У Лжи ноги длинны; От молвы не уйдешь.*

Впрочем, легко уживаешься с заведомой ложью,
Правда колола глаза, и намаялись с ней.
 Бродит теперь, неподкупная, по бездорожью,
Из-за своей наготы избегая людей.

В инстанциональной форме здесь представлены следующие пословицы, которые легко опознать: *Не плачь по Правде, обживаися с Кривдой; Правда глаза колет; Правда ненависть родит; Правдой не обуешься, правдой не оденешься. Была когда-то правда, да вся вышла.*

*Некий чудак и поныне за Правду воюет, –
Правда, в речах его – правды на ломаный гроши:
– Чистая Правда со временем восторжествует,
Если проделает то же, что явная Ложь.*

В этом четверостишии опять встречаем инстанциональную форму пословицы, но смысл ее меняется на противоположный, благодаря замене оценочной именной группы *истый герой* на *некий чудак* (Ср. *Кто за Правду горой, тот истый герой*). Другая пословица также использована в инстанциональной форме, поскольку наречие *всегда* заменяется на *со временем* (Ср. *Правда всегда восторжествует*), и простое предложение превращено в сложное с придаточным условия (...если проделает то же, что явная Ложь).

*Часто разлив по сто семьдесят граммов на брата,
Даже не знаешь, куда на noctleg попадёшь.
Могут раздеть – это чистая правда, ребята!
Глядь, а штаны твои носит коварная Ложь.
Глядь, на часы твои смотрит коварная Ложь.
Глядь, а конём твоим правит коварная Ложь.*

В последних строках стихотворения-притчи обычно передается мораль, главное послание автора читателю. Эти шесть строк содержат аллюзии на следующие пословицы: *Правда свята, а мы люди грешные; Всяк человек ложь, и мы то же; Правда к Петру и Павлу ушла, а Кривда по земле пошла; Свет спокон веку неправдой стоит.* Завершает песню-притчу образ коня, амбивалентную символику которого мы уже отмечали. Конь в данном контексте символизирует связь с “тем светом” и знанием Судьбы человека, который не должен доверять людям, но рассчитывать только на себя.

Анализ стихотворения-притчи с позиций модели КДМ можно представить следующим образом:

Коммуникативная составляющая: автор стихотворения использует собственно-коммуникативное действие, рассчитанное на взаимопонимание и совместную последующую деятельность: он хочет заставить читателя задуматься о состоянии нравственности в обществе. Фокусом ин-

тереса говорящего являются образы Правды и Лжи, представленные в виде аллегорических персонажей.

Когнитивная составляющая: наложение трех типов фреймов и развертывание пословичного сценария.

Образный фрейм (фреймы) представляют динамическую ситуацию, в центре которой находятся персонифицированные образы Правды и Лжи, находящиеся в отношениях оппозиции.

Обобщенный фрейм представляет отношения между двумя сущностями, связанными между собой, но одна из них обладает определенным свойством, а другая нет, поэтому первая сущность предпочтительнее второй. См. 4ю модель по классификации Г.Л. Пермякова (Пермяков 1975).

Окказиональный фрейм представлен в данном контексте бытовыми отношениями мужчины и женщины, в которых мужской персонаж проявляет неприемлемые в обществе качества: обманывает и обкрадывает беззащитную женщину.

Экспрессивная составляющая связана с выражением аксиологической модальности с отрицательной оценочностью и констатацией фактов обмана и кражи.

Регулятивная составляющая указывает на нарушение принятых в данной культуре этических норм социального поведения и содержит рекомендации: Следует узнавать и ценить Правду в любом обличье и избегать и/или быть готовым противостоять Лжи.

4. Выводы

Таким образом, способность человека целостно воспринимать языковые/речевые факты создает возможность их целостного хранения в памяти для последующего извлечения и использования в виде готовых "блоков", "образцов-стереотипов", символов и эталонов. Свойство воспроизводимости может реализовать себя в разной степени: от реализации максимального набора признаков фрагмента языкового опыта (в единстве формы, содержания, функции) до использования каких-либо признаков в качестве порождающей основы для различных речемыслительных операций.

Анализ текста показал использование и развитие четырех типов моделей изменения базовой формы пословицы в художественном тексте: развернутая метафора получила форму аллегории, каламбур имел место в двух случаях через лексические замены, которые привели к измене-

нию смысла на противоположный, расщепление структуры пословицы также встречалось около двух раз, доминирующую роль играла аллюзия как наиболее частотный способ воспроизведения пословиц в данном тексте. В основе воспроизведимости лежат культурно-детерминированные образы Правды и Лжи, противоречивая оценка которых представлена амбивалентными символами коня и собаки.

Библиография

- Абакумова, Ольга Б. 2012. *Пословицы в языке, сознании и коммуникации*. Санкт-Петербург: Издательский центр «Алеф-Пресс».
- Адмони, Владимир Г. 1994. *Система форм речевого высказывания*. Санкт-Петербург: Российская Академия наук. Институт лингвистических исследований.
- Баранов, Анатолий Н., Добровольский, Дмитрий О. 2010. *Классификация фразеологизмов: новый взгляд на классическую проблему*, в: Слово, фразеологизм, текст в литературном языке и в говорах. – Орел: Изд. ОГУ, 2010. 80–87.
- Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. 2006. Отв. ред. В.Н. Телия. 2 изд-е. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА (Фундаментальные словари).
- Гаспаров, Борис М. 1996. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. Москва: Новое литературное обозрение. Вып. IX.
- Жуков, Влас П. 1991. Предисловие к Словарю русских пословиц и поговорок. Москва: Русский язык.
- Залевская, Александра А. 2003. Языковое сознание и описательная модель языка. В: Методология современной психолингвистики. Москва–Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета.
- Ковшова, Мария Л., Гудков, Дмитрий Б. 2018. Словарь лингвокультурологических терминов. Москва: Гнозис.
- Красных, Виктория В. 2016. Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии. Москва: Гнозис.
- Кубрякова, Елена С. 1991. Особенности речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона. В: Человеческий фактор в языке и речи: Язык и порождение речи. Москва: Наука. 82–140.
- Пермяков, Григорий Л. 1975. К вопросу о структуре паремиологического фонда. В: Типологические исследования по фольклору. Москва: Наука. 247–274.
- Савенкова, Людмила Б. 2002. *Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты*. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета.
- Славянская мифология. Энциклопедический словарь. 2002. Отв. ред. С.М. Толстая. Изд. 2-е. Москва: Международные отношения.

- Телия, Вероника Н. 2004. *Фактор культуры и воспроизведимость фразеологизмов – знаков-микротекстов*. В: *Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой. Отв. ред. Ю.Д. Апресян*. Москва: Языки славянской культуры.
- Шекотихина, Ирина Н. 1996. *Воспроизведимость текста (на материале русского и английского языков)*: дис. канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19. Орел.
- Шекотихина, Ирина Н. 2017. О понятии “воспроизведимость” (размышления двадцать лет спустя). В: *Вестник Орловского государственного университета*. Серия: Новые гуманитарные исследования. № 1. 82–88.
- Швец, Наталия О. 2005. *Роль языка в структурировании знания*: дисс. кандидата филолог. наук. 10.02.19. Тверь.
- Янко, Татьяна Е. 1995. *Клишированные коммуникативные структуры*, в: *Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии*. Москва: Институт славяно-ведения и балканистики РАН.
- Naciscione, A. 2001. *Phraseological Units in Discourse: towards applied stylistics*. Riga: Latvian Academy of Culture.
- Norrik, Neal R. 1994. *Proverbial Perlocutions: How to Do Things with Proverbs*, in: *Wise Words: Essays on the Proverb*. – New York: Garland Publishing. 143–157.

Reproducibility of semantics and structure of proverb in the text of fiction

Summary

The paper deals with reproducibility of proverbs in fiction. Different views exist on the problem of reproducibility and language status of proverbs: some scholars consider them to be precedent texts, others indicate them as precedent utterances. But language status does not matter much when proverbs are analyzed from the point of view of their usage and functioning in the text/discourse. The author offers theoretical analysis of points of view on the nature of reproducibility and discusses the reproducibility of proverbs in the poem by Vladimir Vysotsky “Truth and Lie”. The author makes use of her cognition-discourse model of proverb’s sense actualization in discourse and comes to the following conclusion. Some elements of proverb’s semantics and structure, mostly figurative predicative or attribute combinations when intentionally repeated in the suitable contexts of the text of fiction, call forth certain culturally determined images and frames in the minds of native speakers, that cause to restore the whole base forms of the proverbs due to their precedent nature, symbols and deontic norms typical of certain culture. The amount of proverbs a person is able to recall depends on his or her cultural competence and knowledge of folklore.

Wojciech Chlebda

Uniwersytet Opolski

Polaska

<https://orcid.org/0000-0001-8242-4808>

Reprodukowalność, reprodukcja, reprodukty

Abstrakt. Autor rozpatruje triadę pojęć związanych z produkowalnością, przeходząc od ujęć najszerzzych (produkowalność w różnorodnych sferach aktywności człowieka), stopniowo zwężając pole obserwacji (reprodukcja w komunikacji między ludźmi) i kończąc charakterystyką produktów jako operacyjnych jednostek komunikacji. Za podstawowe kryterium klasyfikacji aktów reprodukcji w komunikacji autor uznał intencjonalność powtórzenia (odtworzenia) wzorca, a same akty replikacji intencjonalnych dzieli na odtwórcze, regularne i twórcze. W zakończeniu autor postuluje szereg dalszych kroków badawczych, m.in. powiązanie frazematyki (paradygmatu frazeologii pragmatycznej operującej pojęciem produktu) z memetyką, a pojęcia frazemu (produkту) – z pojęciem memu.

Słowa kluczowe: *produkowalność, reprodukcja, produkt, komunikacja, intencjonalność, memetyka*

1. Produkowalność. Rozważania wprowadzające

W kręgu rozważań frazeologicznych odnoszenie pojęcia „produkowalność” do frazeologii językowej wydaje się rzeczą naturalną, wręcz oczywistą, choć przecież trudno zakładać, by fenomen produkowalności miał mieć naturę wyjątkową i zamykać się wyłącznie granicami frazeologii. Mniej trywialne jest przypuszczenie, że i sama frazeologia nie tworzy obszaru zamkniętego granicami języka, że nie jest lingualną enklawą w sferze aktywności ludzkich. Co prawda łączenie frazeologii z werbalnością uważamy za naturalne, nawet oczywiste, przyjmuje się nawet (choć nie powszechnie), że frazeologia tworzy swoisty wyodrębniony poziom systemu językowego. Natomiast włączanie frazeologii językowej we wzmiarkowane „aktywności ludzkie” w szerokim ich rozumieniu, w tym odnoszenie jej do płaszczyzn

pozajęzykowych, do aktywności jedynie stycznych – bezpośrednio bądź tylko pośrednio – z językiem, nie jest powszechnne. Także i w sferze frazeologii teoretycznej „lingwocentryczny” wektor badań zdaje się dominować nad wektorem odśrodkowym, prowadzącym badaczy od języka w stronę zagadnień społecznych, światopoglądowych, ideologicznych, etycznych, filozoficznych. Jednak sprowadzanie zjawiska reprodukowalności tylko do sfery zjawisk i problemów frazeologicznych *sensu stricto* wywołałoby, według mnie, nie tylko istotne zubożenie treści pojęcia „reprodukowalność”, ale też pociągnęłoby za sobą zubożenie treści samego pojęcia „frazeologia”, pozbawiając je szerszej perspektywy i zaplecza, względem którego może, a nawet powinno być rozpatrywane.

Gdyby na początek chcieć mimo to pozostawać w kręgu frazeologii standardowej w jej zwyczajowym wydaniu lingwalnym i lingwistycznym, za punkt wyjścia trzeba byłoby przyjąć, że reprodukowalność frazeologizmu, częściej nazywana u nas „odtwarzalnością” (w Rosji – „воспроизведимостью”), jest w teoriach frazeologicznych uważana za czynnik konstytuujący samo istnienie jednostki frazeologicznej, jej cechę kategorialną, a w konsekwencji – za jedno z definicyjnych kryteriów wyodrębniania jednostki frazeologicznej. To kryterium, wzmacniane zwykle dodatkiem „w gotowej postaci” („в готовом виде”¹), jest przywoływanie tak często, że stało się czymś oczywistym, zrozumiałym samo przez siebie; w efekcie w żadnej ze znanych mi prac teoretycznych odtwarzalności frazeologicznej nie poświęcono odrębnej uwagi, zwykle nie ma też ona swego odrębnego hasła w encyklopediach i leksykonach branżowych². Tymczasem posługiwanie się tym kryte-

¹ Por.: „Воспроизведимость Ф.[разеологии] – проявление устойчивости в речи: употребление Ф. либо в «готовом виде» [...], либо в соответствии с закономерностями лексически и семантически связанного выбора слов со связанным значением” (Лингвистический энциклопедический словарь, ред. В.Н. Ярцева, Москва 1990, с. 559). Zjawisku poświęcono 13 krótkich wersów pod koniec hasła ФРАЗЕОЛОГИЗМ (autorką artykułu hasłowego jest Weronika Telija).

² Nie zawierają go takie na przykład kompendia, jak *Słownik terminologii językoznawczej* Zbigniewa Gołęba, Adama Heinza i Kazimierza Polańskiego (Warszawa 1970), *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego* pod red. Kazimierza Polańskiego (Wrocław 1993), *Encyklopedia języka polskiego* pod red. Stanisława Urbańczyka i Mariana Kucały (wyd. 3., Wrocław 1999) czy wspomniana rosyjska encyklopedia lingwistyczna. Definicję odtwarzalności można natomiast znaleźć w słowniku terminologii lingwistycznej Olgi Achmanowej („Воспроизведимость – регулярное использование (употребление) в речи как основная форма существования единиц (компонентов) языка”; Ахманова 1966: 86–87) oraz w specjalnym słowniku rosyjskiej terminologii frazeologicznej („1. Признак фразеологизмов, заключающийся в их способности не создаваться в речи, а извлекаться из памяти в готовом виде; 2. Регулярная повторяемость, возобновляемость в речи языковых единиц разной степени сложности [...]; 3. Предварительное, дотекстовое бытие языковых сочетаемостей, выбор которых при создании текста

rium w praktyce badawczej frazeologa i praktyce wykonawczej frazeografa pokazuje, że reprodukowalność jest pojęciem złożonym, wieloaspektowym, istotnym nie tylko dla teorii frazeologii, ale i dla teorii języka, co więcej: dla nauk o wspomnianych tu już dwukrotnie aktywnościach ludzkich w ogóle, jest więc pojęciem zasługującym na odrębne, i to interdyscyplinarne studium.

Interdyscyplinarność przywołuję dlatego, że reprodukowalność – i jako zjawisko, i jako pojęcie – bynajmniej nie ma charakteru wyłącznie frazeologicznego: natykamy się na nie w wielu innych obszarach doświadczenia i wiedzy. Pod różnymi nazwami fenomen ten odnajdujemy m.in. w genetyce, biologii, demografii, psychologii, ekonomii, teorii nauk eksperymentalnych, teorii sztuki, w muzykologii, w informatyce itd. Także w naukach o zapamiętywaniu i pamięci, wreszcie o uczeniu się i nabywaniu wiedzy, skoro *repetitio est mater studiorum*. Ta wieloobszarowość zjawiska sprawiła, że sam termin „reprodukowalność” stał się członkiem licznej rodziny określeń, spośród których różne dyscypliny wiedzy oddają preferencję to temu, to innemu terminowi. Rodzina ta liczy ponad 30 członków o różnym stopniu pokrewieństwa i powinowactwa między nimi; wymienię przykładowo (nie wdając się w eksplikowanie różnic): *odtwarzalność, powtarzalność, repetytywność, rekursywność, duplikacja, replikacja, multiplikacja, zdwijanie, dublowanie, powielanie, kopiowanie, imitacja, odwzorowywanie, wzawianie, rekonstruowanie, zwielokrotnianie, kliszowanie* itp., a w przejawach rozmaitych działań konkretnych – *przedrukowywanie, reprint, facsimile, lustrzane odbicie, cytowanie, przywoływanie, autoreferencja, naśladowanie, parafraza, pastisz, remake, retake, seria, plagiat* (i *autoplagiat*) oraz, gdzieś na obrzeżach tego pola, może także *nawiązywanie, reminiscencja, aluzja, nawet mimikra i kamuflaż*, wreszcie *wariacja* (w muzycznym sensie „tematu z wariacjami”), także w takich konkretnych gatunkach muzycznych, jak *passacaglia* i *chaconne*). To wysunięcie na koniec przykładu repetytywności muzycznej ma ją w moim odczuciu wyróżniać, gdyż w sferze narracji muzycznej powtórzenia w sensie strukturalnym i motywicznym są czynnikiem szczególnym, organizującym sam przebieg, nawet status kompozytorskiej wypowiedzi³. Jak przy tym dowodzi Aleksandra Hirschfeld, kategoria powtórzenia jest tak ważnym czynnikiem strukturalnym całej kultury współczesnej, że zasadne jest wręcz mówienie o „zwrocie

возможен лишь в пределах имеющихся в языке вариантов”; Бирих, Волков, Никитина 1993: 9). Zgodnie z konwencją tego słownika poszczególne znaczenia odnoszone są do funkcjonujących w lingwistyce autorskich koncepcji (1. do frazeologicznych koncepcji S.G. Gawrina i A.G. Nazariana, 2. do W.P. Żukowa, 3. – do M.M. Kopylenki i Z.D. Popowej).

³ W szczególnym stopniu uwaga ta odnosi się do muzyki polifonicznej, której fundamentem i swoistą racją bytu jest imitacja (powtarzanie motywu czy tematu w innym głosie lub głosach tego samego utworu) od prostego dwugłosowego kanonu po wielogłosową fugę.

repetytywnym” w tej dziedzinie (badaczka analizuje ten zwrot na przykładzie „działan na obrazie”; Hirschfeld 2015).

Gołym okiem widać, że pod szyldem hiperonimu REPRODUKOWALNOŚĆ zebrane są tu zjawiska niejednakowe, częściowo zasługujące na miano kohiponimów, częściowo zaś wiążące się z reprodukowalnością bardziej pośrednio lub bardziej złożonymi relacjami. A jednak, jeśli wyliczone tu zjawiska potraktować jako występujące w umownym „liczniku”, to da się dla nich znaleźć wspólny mianownik. Tworzy go stan, w którym pewien twór przeistaje być traktowany jako pojedynczy i unikatowy, nadaje mu się zaś (będz zyskuje on) status wzorca (modelu, matrycy), według którego wytwarza się (lub powstaje) co najmniej jeden egzemplarz tworu niebędącego tym wyjątkowym (tworu pochodnego, wtórnego). Rezultaty działań dokonywanych (zachodzących) w sytuacjach, które tworzy ów stan, dają się ująć w następujące opozycje:

- ‘wcześniejszys vs późniejszy’;
- ‘pojedynczy vs mnogi’;
- ‘oryginalny vs pochodny’;
- ‘wyjątkowy vs powszechny’;
- ‘macierzysty vs potomny’.

Ten układ wydaje się niezależny od substancji tworu macierzystego i od sfery jego bytowania – w tym także sensie, że podstawą powstania duplikatu może być każdy twór, a możliwość tę powinno się wpisać w samą tego tworu istotę. W głośnym eseju z lat 30. *Dzieło sztuki w dobie reprodukcji technicznej* Walter Benjamin (1996) uznał reprodukowalność za strukturalną możliwość wpisaną w dzieło sztuki i mogącą się aktualizować; sądzę że można pójść jeszcze dalej i uznać reprodukowalność za potencję bycia reprodukowanym obecną w każdym tworze materialnym, niezależnie, jak już zostało powiedziane, od jego substancji, sposobów przejawiania się i sfery bytowania. Realizacją tej potencji jest jej aktualizacja, czyli akt reprodukcji.

2. Reprodukowalność w komunikacji

W tym momencie zawężę pole obserwacji i przejdę do jednej ze sfer, w której reprodukowalność jest aktualizowana: do ludzkiej komunikacji. Jest rzeczą niemożliwą objęcie w ramach jednego szkicu całej tej sfery w jej pełni; powiem tylko, że powtórzenia są bardzo ważnym sposobem organizowania wypowiedzi, a spektrum repetycji rozciąga się od wyrafinowanych zdwojeń i strojeń dźwiękowych i/lub leksykalnych w poezji (rymy, aliteracje, repetycje rytmiczne; anafora, anastrofa, konkatenacja, poliptoton, paronomazja, także

refren) przez różnorodne zdwojenia i paralelizmy na składniowym i kompozytym poziomie wypowiedzi po dyskursywną praktykę retoryczną (por. aksjomat propagandowy *Kłamstwo powtórzone tysiąc razy staje się prawdą*). Siłą rzeczy – ograniczony tematycznymi ramami niniejszej pracy – skupię się na produkowalności ciągów wyrazowych w jej dającym się uchwycić bezpośrednim lub pośrednim związku z frazeologią. Jednak, by nawiązać do początkowych myśli tego szkicu, tak jak produkowalność językowa jest tylko szczególnym przejawem tej produkowalności, którą obserwujemy w szeroko rozumianej aktywności człowieka i w otaczającej go naturze, tak też produkowanie frazeologiczne jest tylko cząstkowym przejawem powtarzania ciągów wyrazowych w całej naszej przestrzeni komunikacyjnej.

I w całej jej rozciągłości czasowej, obejmującej nie tylko stosunkowo krótki (ok. 5 tysięcy lat) okres komunikacji piśmiennej, poświadczonej różnymi w formie zapisami aktów wypowiadania się, ale także ciągnący się przez dziesiątki tysięcy lat okres przedpiśmienny, zwany przez Waltera J. Ong'a oralnością pierwotną (Ong 1992: 32). Nie pozostał po tym okresie żaden materialny ślad – poza współczesną frazeologią i paremiologią⁴. Jeśli wyniki badań Milmana Parry'ego czy Alberta B. Lorda (zob. Lord 2010, Bartmiński 1990) nad eposami homeryckimi i pieśniami guslarów bałkańskich ekstrapolować na inne jeszcze obszary aktywności komunikacyjnej ludzi przedpiśmennych, dojdziemy do wniosku, że cała komunikacja ludzka musiała być objęta mechanizmami formuliczności, wiążącymi powtarzalne sensy ze stałymi, a więc również powtarzalnymi, kształtami verbalnymi, których organizacja strukturalna (w tym liczba komponentów, rytm, rymy itp.) była czynnikiem mnemotechnicznym ułatwiającym zapamiętywanie formuł, a ich produkowalność w długich przedziałach czasowych zapewniała ciągłość tradycji kulturowej i kumulację wiedzy. Dzisiejsza frazeologia w jej najszerzym (frazematycznym) pojmowaniu jest świadectwem formulicznej organizacji całej przedpiśmiennej komunikacji ludzkiej.

W dalszym ciągu tekstu w omawianiu replikacji verbalnych będę się posługiwał określeniami „ciąg macierzysty” i „ciąg pochodny” (ewentualnie „ciągi pochodne”); wyrazów *multiplikacja*, *replikacja* i *repetycja* będę używał w zasadzie zamiennie, starając się odróżniać je od wyrazu *reprodukcia*⁵.

⁴ Tezę tę szczegółowo rozwijam w pracy: W. Chlebda, *Nieskończona frazeologia. Esej o początkach*, [w:] *Polsko-rosyjski słownik par przekładowych. Tom zbiorczy „Podręcznego idiomatykonu polsko-rosyjskiego”* (z. 6–10), red. W. Chlebda (w druku).

⁵ Zdaję sobie bowiem sprawę z subtelnego zróżnicowania znaczeniowego tych wyrazów. Chociaż definicje słownikowe eksplikują te różnice w nikim stopniu (lub nie eksplikują ich w ogóle), w strukturach znaczeniowych trzech pierwszych wyrazów (*multiplikacja*, *replikacja*,

Już na wstępie należy jednak dokonać w tym momencie istotnego rozróżnienia. W obszarze repetytywności językowej istnieje rozległa połać powtórzeń (leksykalnych) o postaci już zleksykalizowanej – w tym sensie, że elementy podwojone czy potrojone stały się (są już) obligatoryjnymi składowymi wielowyrazowych jednostek języka (np. *jota w jote*, *koniec końców*, *klin klinem*, *od deski do deski*, *od słowa do słowa*, *raz po raz* itp.). Oprócz takich jednostek – leksykalnie ustalonych, wypełnionych, czy, jak je kiedyś nazwałem, „leksykalnie zamkniętych” (Chlebda 2010: 16) – istnieją też zawierające zdwojenia wielowyrazowce leksykalnie półotwarte, których część komponentów jest zadana przez system języka, część natomiast ma jedynie swoje wyznaczone w strukturze jednostki miejsca, zapełniane leksykalnie w zależności od aktualnej sytuacji wypowiadania się (np. *ani __, ani __; i tak __, i tak __; już to __, już to __; ni to __, ni to __; raz __, raz __* itp.). Istnieją wreszcie wielowyrazowce odtwarzalne (także z repetycjami w składzie) o postaci leksykalnie otwartej, „których wszystkie komponenty leksykalne występują w zapisie *in absentia*, co oznacza, że materialnie czy fizycznie w ogóle się w zapisie [...] nie pojawiają: reprodukowana jest pewna matryca składniowa, abstrakcyjny wzorzec, wedle którego w akcie tworzenia wypowiedzi łączymy konkretne elementy leksykalne” (tamże: 17). W słownikach ogólnych jednostki takie z reguły nie pojawiają się; jako pierwszy zaczął je leksykograficznie (w tzw. sondach słownikowych) utrzymać Andrzej Bogusławski i jego współpracownicy (np. Bogusławski, Wawrzyńczyk 1993, Bogusławski, Danieliewiczowa 2005), a więcej uwagi poświęcili im autorzy *Słownika reduplikacji i powtórzeń polskich*, wyodrębniając w nim dział „Operacje repetycyjne” (Dobaczewski, Sobotka, Żurowski 2018: 199–261); to modele typu: **N_{nom} za N_{instr}** (np. *rok za rokiem*), **jak V_{inf}, to V_{inf}** (np. *jak szaleć, to szaleć*) itp.

Koncepcja wielowyrazowców (odtwarzalnych) leksykalnie zamkniętych, leksykalnie półotwartych i leksykalnie otwartych⁶ jest w dużej mierze pokrewna koncepcji repetycji zleksykalizowanych, kodowych i niekodo-

repetycja) zdaje się przeważać efekt czynności powielania, zdwijania, mnożenia egzemplarzy (czegoś), podczas gdy w pojęciu *reprodukci* do głosu dochodzi bardziej czynność i efekt odnoszenia (się lub czegoś) do pewnego wzorca i jego kopowania czy naśladowania. Zgodnie z wcześniejszą zapowiedzią nie będę w tym szkicu eksplikował różnic znaczeniowych między członkami rodziny wyrazów związanych z reprodukwalnością, bo powinno się to stać przedmiotem specjalnych odrębnych dociekań semantycznych, ale sygnalizuję obecność tej różnicy i intuicyjnie będę to zróżnicowanie wykorzystywał w dalszych partiach tekstu.

⁶ Mówię tu o swojej koncepcji, *explicite* zarysowanej w pracy Chlebda 2010 (wcześniej w Chlebda 1991), ale pojęciami otwartości i zamkniętości w odniesieniu do frazeologii posługuje się też – w innym znaczeniu – Piotr Müldner-Nieckowski w swojej *Frazeologii poszerzona* (2007). Problem (nie)wypełnienia leksykalnego podnoszą też autorzy koncepcji nieswobodnych grup syntaktycznych Małgorzata Gębka-Wolak i Andrzej Moroz (2014).

wych, Adama Dobaczewskiego (2018), która pole zamkniętości, półotwartości i otwartości zawęża, sprowadzając ich zawartość do leksykalnych elementów repetytywnych. Ale tę właśnie koncepcję pozostawiam w tym miejscu na uboczu, interesuje mnie bowiem nie fakt powtarzania się elementów leksykalnych wewnątrz wielowyrazowców jako już ukształtowanych jednostek języka, lecz powtarzalność samych wielowyrazowców (powtórzmy: już zadanych przez system) w aktywności komunikacyjnej człowieka – niezależnie od tego, czy wielowyrazowce te zawierają elementy repetytywne, czy nie. Jest więc znacząca różnica między reduplikacjami zleksykalizowanymi w rozumieniu Adama Dobaczewskiego (*koniec końców, jak V_{inf}, to V_{inf}*) a reduplikowaniem wielowyrazowców (i tego typu, i innych) w tekstach naszych wypowiedzi, czyli w czasie i w przestrzeni. Repetytywność leksykalna w obrębie wielowyrazowców zleksykalizowanych, jak ją rozumie Dobaczewski, nie wpisuje się w żadną z pięciu opozycji, którymi wcześniej charakteryzowałem stan reprodukowalności. Można by się było wprawdzie upierać, że artykulacja np. wielowyrazowca *krok za krokiem* (co można by też zapisać w postaci *krok₂ za krokiem₁*) powoduje, iż duplikowany komponent *krokiem₁* wymawiany jest o ułamek sekundy później od komponentu *krok₂*, co odpowiadałoby opozycji 'wcześniejszym vs późniejszym', ale reprodukowanie „w czasie i w przestrzeni”, któremu chcę poświęcić dalszą część refleksji, dotyczy odcinków czasowych zupełnie odmiennych od ułamków sekund, obejmujących np. dni, tygodnie lub lata (nawet stulecia)⁷, a także odcinków przestrzennych wykraczających poza rozmiar (granice) jednej grupy wyrazowej wydrukowanej w tekście – a więc przestrzenie obejmujące połać np. regionu czy całego kraju (choć także i jednego tekstu). Ujmując rzecz w inne słowa: o ile w ujęciu Adama Dobaczewskiego repetytywność leksykalna zamyka się granicami jednej wielowyrazowej jednostki języka, o tyle w moim ujęciu chodzi o repetytywność wielowyrazowców co najmniej w ramach jednego tekstu (granica dolna), praktycznie zaś – w intertekstualnej przestrzeni komunikacyjnej. Tu i dalej interesować mnie więc będzie powtarzalność (i powtarzanie

⁷ Odnoszę przy tym wrażenie, że czynnik temporalny nie został we frazeologii teoretycznej należycie doceniony. Kwestia dotyczy czasu, który mija (musi minąć) od artykulacji ciągu macierzystego do artykulacji ciągu pochodnego oraz między poszczególnymi artykulacjami ciągów pochodnych, by zapewnić mówiącym poczucie ciągłości, a tym samym tożsamości, danej jednostki, utrzymywanie jej w językowej pamięci zbiorowej danej wspólnoty i możliwość reprodukowania jej jako wciąż tej samej jednostki. Stosunkowo najwięcej uwagi czynnikowi czasu poświęcono w pracach na temat fenomenu skrzydlatych słów, w których śledzi się warunki (także czasowe) autonomizowania się pewnego indywidualnego ciągu wyrazów w wyniku jego regularnej powtarzalności w kontekstach wtórnego wobec macierzystego (zob. Chlebda 2005; tamże odsyłacze do literatury tego zagadnienia).

w określonej wypowiedzi) tego, co już zostało było wytworzzone przed aktem tej wypowiedzi – niekiedy wieki wcześniej i w miejscu zupełnie innym od zajmowanego przez aktualnego nadawcę.

3. Reprodukcja ciągów wyrazowych

Przejawów multiplikacji ciągów wyrazowych jest wiele i nie jest łatwo znaleźć to kryterium, według którego dadzą się one wyczerpująco usystematyzować. Andrzej Maria Lewicki, twórca paradygmatu frazeologii syntaktycznej, który reprodukcji zwrotów idiomatycznych poświęcił specjalny rozdział swej przełomowej monografii⁸, nazwał reprodukcję „świadome powtórzenie połączenia wyrazów, które było już użyte w innej sytuacji komunikatywnej. Świadome powtórzenie to takie, przy którym reprodukowany fragment jest strukturalnie, znaczeniowo lub stylistycznie niespójny z resztą wypowiedzi. Niespójność ta jest sygnałem wyodrębnienia go przez nadawcę i powinna zmusić odbiorcę do zwrócenia uwagi na dany fragment wypowiedzi” (Lewicki 2003: 120–121). Podjęta przez Lewickiego pierwsza znana nam w polskiej frazeologii próba typologii reprodukcji obejmuje dwa jej typy: (1) reprodukcję indeksowaną (czyli cytat) i (2) reprodukcję nieindeksowaną, „przy której odesłanie nie jest adresowane do konkretnej sytuacji, do konkretnego dzieła [jak przy cytacie – W.Ch.], ale ma charakter ogólny odesłania do stylu, do pamięci ogólnej, do zasobu obrazowania właściwego wszystkim członkom danej wspólnoty językowej” (tamże: 121). W obu wypadkach Lewicki dopuszcza możliwość odtworzenia wiernego bądź „odtworzenia z innowacją” i przedstawia rozwiniętą klasyfikację tych innowacji.

Ponieważ w niniejszych rozważaniach poruszam się w obszarze innego paradygmatu frazeologii: frazematycznego, czyli frazeologii komunikacyjnej, zwanej także frazeologią pragmatyczną albo frazeologią nadawcy⁹ (a „nadawca” to jest ktoś, kto w określonym „tu i teraz” zwraca się do drugiego człowieka z jakichś przyczyn, z określona intencją i w określonym celu), szczególnie istotne wydało mi się objęcie obszaru powtórzeń verbalnych pytaniem, czy są one przypadkowe, mimowolne, niezamierzone, nieintencjo-

⁸ Chodzi o pracę *Wprowadzenie do frazeologii syntaktycznej. Teoria zwrotu frazeologicznego* z roku 1976. Praca ta została następnie włączona do tomu *Studia z teorii frazeologii* (Lewicki 2003). Ponieważ wydanie oryginalne jest dzisiaj trudno dostępne, odwołuję się do owego przedruku, wydanego za zgodą autora.

⁹ Nawiąsem mówiąc, swój paradygmat badawczy Andrzej M. Lewicki określił jako „frazeologię odbiorcy”.

nalne – czy, na odwrót, celowe i zamierzone. Praktycznym sprawdzianem intencjonalności mogłoby być odniesienie każdego aktu replikacji do tzw. ramki pragmatycznej, która modeluje wszelkie akty komunikacji i niejako wymusza odpowiedź na pytanie, „z jakich przyczyn” i „w jakim celu” ktoś pod czymś adresem swą wypowiedź formułuje¹⁰:

[KTO] – [KIEDY] – [GDZIE] – [O CZYM] – [W JAKIM CELU] – [W JAKI SPOSÓB]

ZWRACA SIĘ

[DO KOGO]

[Z JAKICH PRZYCZYN]

[Z JAKIM SKUTKIEM]

Posługując się kryterium intencjonalności, w pierwszym rzędzie oddzielimy więc od innych **replikacje nieintencjonalne**, czyli te powtórzenia ciągów verbalnych, które są skutkiem działań mechanicznych, omyłkowych, niekontrolowanych, nieświadomych, przypadkowych itp., takich jak omyłkowe spowodowanie operacji „kopiuј – wklej” w pisaniu na komputerze, powtórne, wynikłe z roztargnienia (a czasem wady systemu), wysłanie tego samego maila, tzw. efekt zacinającej się płyty w mówieniu, indywidualne niekontrolowane wtręty w mowie typu *panie dziejku*, *panie kochanku*, przypadki echolalii, perseweracje słowne i inne bezcelowe i mimowolne powtarzanie słów czy ciągów wyrazowych, w skrajnych wypadkach będące wręcz objawem nerwic. Za przypadek pośredni w tym obszarze można uznać replikacje będące wynikiem działania wyszukiwarek, które wyodrębniają z tekstów (korpusów tekstowych) ciągi wyrazowe o identycznym kształcie. Samo zadanie bodźca verbalnego i uruchomienie wyszukiwarki jest intencjonalne, ale wywołana tym replikacja identycznych ciągów (czasem wielu tysięcy) jest czysto mechaniczna. Trudno byłoby zresztą przy takich multiplikacjach wskazywać na (czyjaś) intencję powtórzenia/reprodukciı: w korpusach tekstowych w grę wchodzą tysiące niezależnych od siebie podmiotów mówiących, więc wyekscerpowane z ich wypowiedzi powtórzenia ciągów wyrazowych są powiązane z sobą wprawdzie formalnie (kształtowo), ale nie intencjonalnie, skoro twórcy odnośnych tekstów na ogół nie wiedzą o sobie nawzajem, nie mogą więc do swych tekstów intencjonalnie nawiązywać (choć

¹⁰ Dlatego też można ramkę wykorzystywać do analiz porównawczych w różnych obszarach wypowiadania się (także dla różnych substancialnie form wypowiedzi); swego czasu, traktując słownik jako *sui generis* tekst (a więc i wypowiedź właśnie), zaproponowałem wykorzystanie ramki do badań porównawczych nad słownikami (zob. Chlebda 2016), wcześniej – do badań porównawczych nad definicjami (Chlebda 2007).

w masach tekstów i takie wypadki mogą się zdarzać). Wydaje się, że niezamierzone replikacje werbalne nie były do tej pory – poza psychologią nerwic – przedmiotem odrębnych analiz, trudno też więc określić, jak wielki obszar one tworzą.

Werbalne **replikacje intencjonalne** chciałbym podzielić na trzy podgrupy: odtwórcze, regularne i twórcze. **Replikacje odtwórcze** są zamierzane, a wynikają najczęściej z chęci zaoszczędzenia osobistego wysiłku czy wręcz z racji ekonomicznych. Obszar takich replikacji jest ogromny; dość uświadomić sobie seryjnie produkowane (a właściwie reprodukowane) tabliczki informacyjne, napisy ostrzegawcze, metki ubraniowe z przepisami prania, odtwarzane z różnych nośników komunikaty na dworcach, w wagonach kolejowych czy tramwajach, zapowiedzi reklamowe czy promocyjne w mediach itd. itp. Jest to więc obszar wypowiedzi zamierzonych, ale klikszowanych, drukowanych z matryc, powielanych „od sztancy”, odtwarzanych „z taśmy”, powtarzanych machinalnie¹¹. Ich objętość waha się zwykle od 1–2 wyrazów do 1–2 zdań, co pozwala wiele z nich uznać za równoważniki tekstów lub wręcz mikroteksty, których powtarzalność i stabilność leksykalna wydały mi się wystarczające do tego, by rozważać ich status jako obiektów frazeograficznych (zwłaszcza w obszarze frazeografii przekładowej; zob. Chlebda 2018). Szczególną podgrupę tworzą pośród nich te mikroteksty, których reprodukcja wynika nie z chęci zaoszczędzenia sobie wysiłku, ale z restrykcji społeczno-prawnych; to teksty ślubowań, przysiąg, zaprzysiężeń itp.

Replikacje regularne są w istocie zbieżne z tym, co we frazeologii standardowej nazywa się „kanonicznym użyciem związku frazeologicznego”: ciąg macierzysty pozostaje składową systemu (podsystemu) danego języka, ciąg pochodny jest jego przywołaniem („cytatem z systemu”). To przywołanie (replikacja, akt reprodukcji) może być dokładne formalnie i/lub semantycznie bądź też formalnie i/lub semantycznie niedokładne¹², przy czym nie-

¹¹ Obserwowałem kiedyś w pociągu człowieka obsługującego mobilny barek, który, przehodząc przez cały skład, wsuwał głowę do kolejnych przedziałów, wypowiadając za każdym razem (z tą samą intonacją) jedną i tę samą frazę: „Kawa, herbata, coś słodkiego?”. Skalę tej machinalnej reprodukwalności można sobie uświadomić, przemnażając 10 przedziałów jednego wagonu przez 7 wagonów jego składu jednego tylko rejsu – i przez nieokreoloną ilość dni pracy tego człowieka.

¹² Niedokładność reprodukcji warta jest odrębnego omówienia. Może być wynikiem błędu, przesłyszenia się, nieumiejętności lub niemożności dokładnego powtórzenia itp., może też być efektem świadomej decyzji, mając wówczas u swego podłoża sposób kodowania odtwarzalnych wielowyrazowców w pamięci językowej („podwójną modalność” wielowyrazowców, o której będzie mowa dalej). Niedokładność reprodukcji jest jednym z czynników napędowych procesu

dokładność ta może się mieścić w ramach wariantywności gramatyczno-leksykalnej i pozostawać w granicach normy, może też wykraczać poza te granice, tworząc formacje, które są kwalifikowane jako błędy (czyli naruszenia nieintencjonalne). Intencjonalność w wypadku replikacji regularnych może być podkreślona jakimś zabiegiem tekstowym, np. użyciem metaoperatora typu *jak w znanym powiedzeniu*, może być także uwypuklona prozodycznie, zwykle jednak takie użycia są półświadome bądź nawet nieświadome, a intencjonalne o tyle, o ile intencjonalna jest zawierająca je cała wypowiedź.

Zanim przejdę do trzeciej podgrupy replikacji – replikacji twórczych – chciałbym podkreślić, że zaproponowane tu podziały – czy to na replikacje intencjonalne i nieintencjonalne, czy na odtwórcze i twórcze – nie mają charakteru dychotomicznego, lecz są bardziej złożone: zachodzą na siebie, rozkładając się kontynualnie. Chcę tu nawiązać do dawnej już koncepcji Olgi Dołgowej, która w monografii o składni jako mechanizmie tworzenia wypowiedzi (Долгова 1980) odrzuciła przyjęte dychotomie ‘produkcji – reprodukcji’ i ‘twórczości – odtwórczości’, wprowadzając na ich miejsce trychotomiczny ciąg ‘odtworzenie czyjegoś tworu mowy – stworzenie tworu nieoryginalnego – stworzenie tworu oryginalnego’, bliższy w mojej ocenie temu, co realnie zachodzi w procesach naszego wypowiadania się. Dołgowa zauważała¹³, że w rezultacie codziennych ludzkich kontaktów werbalnych przyrost ogólnej „masy wypowiedzi” jest większy niż wzrost jej zawartości, nie każdy bowiem akt mowny jest równoznaczny z powstaniem nowego oryginalnego wytworu mowy. Każdy akt mowny powiększa ogólną ludzką „masę wypowiedzeniową”, jednak zawartość tej masy zmienia się jakościowo tylko za sprawą wytworów oryginalnych. Akt mowny może być zarówno aktem stworzenia wyтворu mowy, jak i aktem jedynie odtworzenia go, ale stworzenie wyтворu mowy wcale jeszcze nie dowodzi jego oryginalności. Jeśli na powitanie dnia człowiek mówi „Jaki piękny dzień！”, fraza ta nie jest tworem oryginalnym, gdyż wielu już mówiących posługiwało się nią w podobnych sytuacjach – nie jest to jednak i odtwo-

przechodzenia od indywidualnych konstruktów (produktów) językowych do ustabilizowanych kształtowo odtwarzalnych wielowyrazowców (jak np. w wypadku skrzydlatych słów) i dalej do ich postaci zmodyfikowanych (replikacji twórczych). „Reprodukcia w podobnych, choć nieidentycznych kontekstach sprzyja leksykalizacji oraz idiomatyzacji fraz, które pierwotnie są używane w sposób kompozycyjny, zarówno w znaczeniu dosłownym, jak też jako kreatywne metafory lub metonimie” – zauważa słusznie Piotr Pęzik (2013: 5), dodałbym jednak: „reprodukcia w tym samym albo podobnym, jednak niekoniecznie identycznym kształcie”.

¹³ Przywołując tu koncepcję Olgi Dołgowej, posługuję się sformułowaniami, którymi streszczalem jej obszerny wywód w swoich *Elementach frazematyki* (Chlebda 1991: 120–121).

rzenie, gdyż dany akt mowny nie był świadomym powtórzeniem czyjejś konkretnej wypowiedzi (rozmyślnym powołaniem się na takową czy odwołaniem się do niej). Mamy tu do czynienia ze stadium pośrednim między odtwarzaniem i tworzeniem, a mianowicie, jak nazywa to Dołgowa, ze „stworzeniem nieoryginalnego tworu mowy”. Odtwarzanie tworów mowy zakłada nie tylko i nawet nie tyle brak oryginalności, ile przede wszystkim uwarunkowanie danego tworu mowy zaistnieniem pewnego wcześniejszego identycznego formalnie tworu, do którego mówiący w akcie replikacji nawiązuje (choć mówiący może nie wiedzieć lub nie pamiętać, kto konkretnie ów pierwotny twór sformułował). Skoro zaś odtwarzaniu przypisujemy, jak zakłada Dołgowa, charakter czynności świadomej, rozmyślnej, intencjonalnej, to reprodukowanie tworów werbalnych należy odnieść do sfery mówienia produktywnego. Tym samym odruchowe („regularne”) posługiwanie się przez mówiących frazeologizmami odnosiłoby się do sfery „stwarzania nieoryginalnych tworów mowy”. Koncepcja ta zapewnia płynność w przejściu do trzeciej z wyodrębnianych tu podgrup – do replikacji twórczych.

Replikacje twórcze we frazeologii standardowej nazywa się często „indywidualno-autorskimi transformacjami”, tworząc ich wielopiętrowe klasyfikacje¹⁴ i chcąc podkreślić ich ekskluzywny charakter (miałyby one oto występować tylko bądź głównie w języku poetów i pisarzy¹⁵). Jednak chęć twórczego wykorzystania zawartych we frazeologizmie potencji charakteryzuje wiele obszarów i podmiotów przestrzeni komunikacyjnej: publicystykę, eseistykę, style, że tak to nazwę, kontrkulturowe: język hipsterów, kabareciarzy, żargon studencki, memy internetowe, teksty reklamowe itp.; świadomym przetwarzaniem utartych jednostek wielowyrazowych zajmuje się wreszcie

¹⁴ Wyjątkowo rozbudowaną klasyfikację takich „indywidualno-autorskich transformacji” (określenie to upodobała sobie szczególnie frazeologia rosyjska, czyniąc z niego właściwie termin) stworzyli Alina Melerowicz i Walerij Mokijenko, tworząc unikatowy słownik transformacji frazeologicznych zaistniałych w literaturze pięknej i publicystyce (500 frazeologizmów w 6 tysiącach użyć zmodyfikowanych; Мелерович, Мокиенко 1997). Klasyfikacja przekształceń (przedstawionych w dwóch grupach: modyfikacji semantycznych i strukturalno-semantycznych) obejmuje łącznie 37 typów (9 w grupie neosemantyzmów i 28 w grupie modyfikacji strukturalno-semantycznych).

¹⁵ Zdaniem klasyka frazeologii rosyjskiej Nikołaja Szanskiego, w mowie potocznej mówiący nie stawiają sobie żadnych celów artystycznych, twórcze jest dopiero wykorzystywanie zwrotów frazeologicznych przez pisarzy i poetów; to w ich wypowiedziach „индивидуально-авторские приемы представляют собой способы активные и продуктивные, в отличие от того, что наблюдается в разговорно-бытовой речи, для которой характерно использование фразеологических оборотов лишь как готовых и целостных смысловых единиц языка” (Шанский 1969: 203; zwraca uwagę owo „лишь” – „tylko”).

w codziennej praktyce komunikacyjnej (zwłaszcza ustnej) wielu szeregowych użytkowników języka (chociaż „szeregowość” nie oznacza ich niezróżnicowania; są ludzie i kręgi – kawiarniane, salonowe, klubowe – wręcz specjalizujące się w transformowaniu tego, co językowo ustabilizowane, a są całe warstwy społeczeństwa zupełnie wobec takich gier obojętne). Tylko niewielka część takich transformacji zostaje utrwalona drukiem (jak w wypadku hec i antyprzysłów¹⁶), większość z chwilą wypowiedzenia ich bezpowrotnie znika. Przekształcenia w ciągach pochodnych mogą mieć w stosunku do ciągów macierzystych (do ich inwariantów systemowych) charakter formalny lub formalno-semantyczny.

Chcę podkreślić, że nie ma takiego ciągu wyrazów, który by nie mógł być dla tych czy innych celów, w tej czy innej sytuacji zreprodukowany – i nie ma takiej reprodukcji, która by nie mogła być poddana transformacji (poza ścisłe określonymi wypadkami, np. przysięga prezydencka, ślubowanie poselskie). Co więcej, jeśli reprodukcja jest upodobnieniem ciągu pochodnego do macierzystego, to jest w nim też zawarty moment rozpodobnienia, i to immanentnie. Źródło takich rozpodobnień tkwi, moim zdaniem, zarówno we wspomnianym już fakcie niedokładności reprodukcji (wywołanej różnorodnymi przyczynami), jak też w ustalonym w efekcie eksperymentów asocjacyjnych fakcie, że związek frazeologiczny mimo swej przywoływanej w definicjach całościowości nominacyjnej jest jednak formalnie podzielny leksykalnie i w związku z tym kodowany jest w pamięci językowej w dwóch postaciach: jako całośćka leksykalna o znaczeniu całościowym – i pod każdym z jej komponentów (z jego własnym znaczeniem) oddziennie¹⁷. Ta podwójna modalność frazeologizmów sprawia, że w wypowiadaniu się można je wykorzystywać zarówno jako znaki całościowe o globalnej funkcji nominatywnej (replikacja regularna), jak też wykorzystywać w tekstuach potencje znaczeniowe każdego z „uwyróżnionych” komponentów oddziennie (replikacja twórcza).

¹⁶ Hecom poświęciła specjalną monografię Ewa Chrzanowska-Koziół (2015), zamieszczając w niej także w układzie chronologicznym 1117 przykładów tych szczególnych reproduktów (s. 367–396). Antyprzysłowia w układzie leksykograficznym przedstawili Harry Walter i Walerij Mokijenko w słowniku antyprzysłów rosyjskich (Вальтер, Мокиенко 2005). W tym kontekście zob. też prace Szpila 2017a i 2017b.

¹⁷ Odwołuję się w tym miejscu do ustaleń Olega Dobrowolskiego i Jurija Karaulowa przyjętych w wyniku eksperymentów psycholingwistycznych, które legły u podstaw opracowania asocjacyjnego słownika frazeologicznego języka rosyjskiego (Добровольский, Карапулов 1994); ustalenia te referowałem w pracy Chlebda 2002.

4. Reprodukty

Po reprodukowalności i reprodukcji przejdę do trzeciego członu tytułowej triady – do produktów. Obiekty reprodukcji nazywałem początkowo po prostu frazeologizmami. Napotkawszy opór wobec obejmowania przezem mnie mianem frazeologizmów także takich ciągów wyrazowych, jak *Żeby mi to było ostatni raz!*, *Żwirko i Wigura, jak donosi nasz korespondent, po długich i ciężkich cierpieniach* czy *wiatr w czasie burz porywisty*, od połowy lat 80. zacząłem ogólnie ciągów wyrazowych, odtwarzanych przez mówiących w określonych sytuacjach, nazywać „frazemami”, budując na tym pojęciu koncepcję frazeologii pragmatycznej zwanej frazematyką. Frazem miał być jedynym terminem nadzędznym (hiperonimem) dla ogólnego obszaru różnorodnych formalnie, znaczeniowo, gatunkowo i funkcjonalnie ciągów wyrazowych, które frazeologia standardowa próbowała traktować analitycznie, rozdzielnie (a więc oddzielając od siebie np. idiomy, terminy złożone, formuły etykietalne, przysłówia, skrzydlate słowa, zwroty werbo-nominalne, slogan, napisy miejskie, adresatywy etc. etc., części z nich zresztą w ogóle nie włączając do pola badawanego frazeologii); hiperonim ten miał owo rozdrobnienie pojęciowo-terminologiczne porządkować, kierując uwagę ku temu, co wszystkie te porozdzielane byty łączy. Termin „frazem”, początkowo przyjęty w Polsce z uznaniem, odnotowany nawet przez *Encyklopedię języka polskiego* (EJP 1999: 103), okazał się jednak, po pierwsze, częściowo już zajęty, np. w koncepcjach Andrzeja M. Lewickiego (1993), Aleksego Awdiejewa (2001) czy Igora Mielczuka (Mel'čuk 1995), po drugie zaś, używany jest w tych koncepcjach w znaczeniach odbiegających od sensu nadanego mu w ramach frazematyki, co prowadziło do skutku odwrotnego niż zamierzony, czyli do chaosu terminologicznego¹⁸. Dlatego od roku 2005¹⁹, nie porzucając terminu „frazem” we własnym rozumieniu, zacząłem się skłaniać ku terminowi „reprodukt”, który wydał mi się porówny z trzech powodów:

1. oddaje istotę rzeczy, to znaczy akcentuje reprodukowalność jako cechę konstytutywną dla ciągów wyrazowych, o których tu mowa;

¹⁸ Nie rozwijam tu tego wątku, gdyż szczegółowo referowałem ten stan rzeczy w obszernym wprowadzeniu do 4. zeszytu *Podręcznego idiomatykonu polsko-rosyjskiego* (Chlebda, red., 2009: zwł. 11–25). Zwarty, ale trafny opis tej sytuacji – w nawiązaniu do koncepcji frazemu Igora Mielczuka – dali także Małgorzata Gębka-Wolak i Andrzej Moroz (2014: 46–52); zob. też w tym kontekście Chrzanowska-Koziół 2015: 24–28.

¹⁹ Czyli od publikacji pracy *Szkice o skrzydlatych słowach*, gdzie wyraz *reprodukt* po raz pierwszy użyty został w funkcji terminu na większą skalę (Chlebda 2005: 160–163).

2. jest terminem nowym, niezajętym w innej koncepcji;
3. wchodzi w wygodną opozycję z terminem „produkt językowy” z koncepcji jednostek języka Andrzeja Bogusławskiego.

Reprodukt definiuję jako nazwę, która spełnia łącznie następujące warunki:

- verbalizuje odrębny zespół treściowy (pojęcie, sąd, intencję, emocję itp.);
- stanowi składnik systemu lub podsystemu danego języka;
- jest podsuwana mówiącym przez ten (pod)system w określonych sytuacjach w charakterze względnie gotowej formy wyrażania danego pojęcia (sądu, intencji, emocji);
- daje się wyodrębniać z tekstów w tym języku w rezultacie stwierdzenia jej regularnej powtarzalności w owych teksthach w funkcji verbalizatora danego zespołu treści (a nie po prostu jej powtarzalności jako takiej)²⁰.

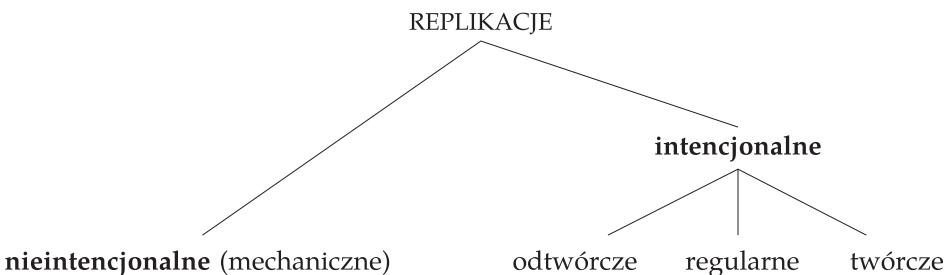
W koncepcji Andrzeja Bogusławskiego mamy do czynienia z opozycją „jednostka języka vs produkt językowy” (Bogusławski 1976, 1978). Proponując opozycję „reprodukt vs produkt” nie chcę powiedzieć, że reprodukt jest tożsamy z jednostką języka w rozumieniu Bogusławskiego, choć jest temu pojęciu bliski; mówiąc najogólniej, w pojęciu jednostki języka bardziej akcentowana jest jej elementarność, „najmniejszość”, niepodzielność w systemie, a w pojęciu produktu – bardziej jego status tekstowy: powtarzalność w czasie i przestrzeni (komunikacyjnej). W tej chwili przechodzę nad tą różnicą do porządku, bo stanowi ona temat dla zupełnie odrębnych rozważań, a częściowo została już omówiona w przywoływanych tu pracach Chlebda, red., 2009 oraz Chlebda, red., 2010.

5. Wnioski i postulaty końcowe

W końcowej części niniejszego szkicu chcę zwrócić uwagę na trzy aspekty produktu widziane na tle triady „reprodukowalność – reprodukcja – reprodukt”, z których każdy tworzy problem badawczy domagający się szczegółowego potraktowania w dalszych specjalnych opracowaniach.

1. Z rozważań nad aktami multiplikowania wyprowadzona została 4-składnikowa skala obejmująca replikacje mechaniczne (nieintencjonalne), replikacje odtwórcze, replikacje regularne i replikacje twórcze:

²⁰ Blisza charakterystyka produktu podana została w tomiku *Na tropach produktów. W poszukiwaniu wielowyrzazowych jednostek języka* (Chlebda, red., 2010), zawiera ją także monografia Ewy Chrzanowskiej-Koziół (2015: zwł. 28–42).

Może powstać pytanie, gdzie jest na tej skali miejsce dla reproduktów w podanym wyżej rozumieniu. Odpowiedź brzmi: wszędzie poza kilkoma dającymi się wyliczyć enumeratywnie wypadkami. Szczególną uwagę należy jednak obdarzyć bieguna tej skali, bo na obu musi dojść do głosu i zająć swe stanowisko „czynnik ludzki”. W wypadku środka skali, tj. replikacji odtwórczych i regularnych, reprodukty wyodrębniają się w sporej mierze same, tj. są rozpoznawalne w tekstach po swym kształcie, są dzięki tzw. „słuchowi frazematycznemu” (szczególnemu wyczuleniu intuicji językowej na wielowyrazowce odtwarzalne) dość łatwo identyfikowalne z ich invariantami w systemie (w pamięci językowej). Natomiast w wypadku replikacji twórczych (prawy biegun skali) transformacja, zwłaszcza formalna, może zajść tak daleko – aż do całkowitego zaniku komponentów frazeologizmu w tekście – że tylko badacz może ustalić, czy pod otrzymanym w jej wyniku kształtem rzeczywiście kryje się produkt (i jaki). Z kolei w wypadku replikacji mechanicznych (lewy biegun skali) to badacz ostatecznie musi zdecydować, które z wykrytych przez maszynę zdwojeń verbalnych są produktami jako jednostkami nominacji pojęć, sądów itd., które zaś są zdwojeniami przypadkowymi, automatycznymi, bez powierzonej im własnej funkcji nominatywnej. Rozróżnienie to sprawia, że posługiwanie się jednym niezróżnicowanym terminem „produkt”, jak do tej pory, staje się ryzykowne; bardziej adekwatna staje się opozycja „produkt właściwy *vs* produkt mechaniczny” (dla ostatniego z nich odpowiednią nazwą wydaje się „multiplikat”, co ostatecznie skłaniałoby do przyjęcia opozycji „produkcja *vs* multiplikaty”).

2. Akty reprodukcji można rozpatrywać w różnych perspektywach, spośród których jedna pozwala traktować je jako przypadki ulegania zastanym wzorcom, a w skrajnych wypadkach (nowomowa, język państw autorytarnych i totalitarnych) – nawet zniewolenia, językowo-myślowego oddania się czy poddania narzuconym gotowym sformułowaniom, „formułom z rozdzielnika”, jak je nazwał Michał Głowiński (1990: 13). W opozycji „produkcja *vs* reprodukcja”, „produkt *vs* produkt” można widzieć odbicie fundamen-

talnych w wymiarze antropologicznym opozycji „nieograniczony vs ograniczony”, „niepodległy vs uległy”, „wolny vs niewolny”. W tym sensie kwestia reprodukcji werbalnej ma wymiar bez mała filozoficzny – i chociaż wymiar ten może się wydawać skrojony na wyrost, gdy się bierze pod badawczą lupa pojedynczy produkt, kilkadziesiąt czy nawet kilkaset produktów, to wymiar zjawiska zmienia się, gdy przypomnieć często cytowane przez frazeologów słowa Andrzeja Bogusławskiego, że w zasobach języka odtwarzalne wielowyrazowce „idą w grube miliony”, wielokrotnie przewyższając ilościowo jednostki jednowyrazowe (Bogusławski 1989: 19); znaczyłoby to, że nasze myślenie/mówienie jest z gruntu formuliczne²¹. Jeżeli będziemy pamiętać, że język jest instrumentem nie tylko naszego mówienia, ale też myślenia, więcej: działania w kategoriach skodyfikowanych w języku pojęć, to w świetle słów Bogusławskiego ten obszar zasobów języka, którego znakiem wywoławczym jest odtwarzalność i odtwórczość, uległość, a tym samym poddawanie się zastanom wzorcom, jest zastanawiająco duży.

3. W tym samym kontekście – tj. kontekście dominującej formuliczności ludzkiego myślenia/mówienia – chciałbym na koniec zasygnalizować wartą zupełnie odrębnego potraktowania kwestię bliskości koncepcji frazematyki i koncepcji memetyki. Od kiedy Richard Dawkins w roku 1976 sformuło-

²¹ Formulicznością na gruncie polskim – w pojmovaniu bliskim koncepcji frazematyczności – zajmuje się, proponując całkowicie odmienny od mojego aparat badawczy, zwłaszcza Łukasz Grabowski; zob. np. Forsyth, Grabowski 2015, Grabowski 2018 (tamże obszerna literatura zagadnienia). Przyjmując za punkt wyjścia szerokie ujęcia formuliczności (sztuki wizualne, malarstwo, rzeźbiarstwo, folklor i dopiero na ich tle formuliczność języka naturalnego), Grabowski pisze, że formuliczność językowa, ściśle związana z szablonowością i odtwarzalnością, to „powtarzalne, podyktowane konwencją użycie pewnych formuł tekstowych lub wyrażeń, zarówno jedno-, jak i wielowyrazowych, pełniących określone funkcje pragmatyczne lub utożsamiane z poszczególnymi aktami mowy”. Wspominając w tym kontekście także o standaryzacji, badacz konkluduje: „standaryzacja, odtwarzalność, szablonowość oraz formuliczność ograniczają kreatywność językową [...]. Niezależnie od tego, jak zdefiniujemy (tj. w ramach jakiego paradymatu) język formuliczny, można zaryzykować stwierdzenie, że należy go umiejszczyć bliżej lewego bieguna na kontinuum odtwarzalności-kreatywności, czyli tam, gdzie ze względu na wielorakie ograniczenia dopuszcza się jedynie pewien zakres środków ekspresji czy też – na innej płaszczyźnie – sposobów werbalizacji (wyrazów, gestów itp.) w celu przekazania danego komunikatu” (Grabowski 2018: 67–68 z odwołaniem do Forsyth, Grabowski 2015: 512). W tym samym duchu wypowiada się Piotr Pęzik: „Kompetencja komunikacyjna użytkowników angielszczyzny czy polszczyzny obejmuje między innymi znajomość setek tysięcy, jeżeli nie milionów mniej lub bardziej utrwalonych połączeń, które stanowią szkielet mechanizmu torowania leksykalnego i frazeologicznego. Reprodukcja frazeologiczna ułatwia oczywiście komunikację po stronie nadawcy poprzez drastyczną redukcję przestrzeni wyszukiwania odpowiednich kombinacji dla znaczeń kompozycyjnych. Odbiorca komunikatu natomiast styka się z reprodukowanymi kombinacjami, co oszczędza wysiłku związanego z dekompozycją znaczenia” (Pęzik 2013: 18).

wał w swym *Samolubnym genie* (Dawkins 1996) ideę memetyki, tworząc konsepcję memu – hipotetycznej jednostki ewolucji kulturowej, „genu kulturowego”, kolejnej (obok genu i wirusa) formy replikatora – szuka się fizycznych reprezentacji memu, jego materialnych nośników. Mem, przypomnijmy (posługując się zwartym wyłożeniem koncepcji Dawkinsa przez Magdalenę Kamińską), stanowi „jednostkę informacji zawartą w ludzkim umyśle, która jest w stanie wpływać na wydarzenia w taki sposób, by prowadziły one do powstania jak największej ilości kopii tego memu w innych umysłach ludzkich”. Będąc „podstawową jednostką transmisji kulturowej”, mem – samopowielający się, mutujący i replikujący – jest zbiorem lub elementem idei kulturowych, symboli lub praktyk, które przenoszą się z jednego umysłu do drugiego przez język, gesty i rytuały, czyli „przez semiozę rozumianą jako ewolacyjnie udoskonalona forma procedury naśladowania i zapamiętywania” (Kamińska 2011: 60). W moim pojmowaniu idea memetyki stawia w nowym świetle fundamentalne kwestie antropologii kulturowej (por. Wężowicz-Ziółkowska, red., 2009), w tym problemy tworzenia się i transmisji w czasie i przestrzeni takich konstruktów, jak pamięć zbiorowa czy tożsamość wspólnotowa, jednak w ostatnich paru latach pojęcie memu zostało sprowadzone głównie do memu internetowego, żartu, czasem wręcz prostego wyglupu, zostało więc zawężone (by nie powiedzieć strywializowane)²², spychając istotę koncepcji Dawkinsa na dalszy plan.

Tymczasem między memetyką (w podanym wyżej rozumieniu) i frazematyką (jako zbiorem „idących w grube miliony” i funkcjonujących w komunikacji wspólnotowej reproduktów) można dostrzec wyraźne *iunctim*, jeśli tylko uświadomić sobie, że reprodukty są takimi (wielowyrazowymi) werbalizatorami pojęć, sądów, idei, emocji itp., które poprzez swoją gotowość i społeczne usankcjonowanie są wspólne dla danej wspólnoty językowo-kulturowej, są przez tę wspólnotę rozpoznawane w aktach odbioru wypowiedzi właśnie jako werbalne etykiety pojęć, sądów, idei, emocji itp. i w tej samej funkcji wykorzystywane w procesach wytwarzania wypowiedzi nowych. Reprodukty same w sobie – jako materialne ciągi wyrazowe – nie są memami, są jednak niezbędnymi fizycznymi nośnikami rzeczonych pojęć, sądów, idei, emocji itp., dzięki którym te ostatnie utrzymywane są w pamięci wspólnotowej i cyrkulują w danej przestrzeni komunikacyjnej. A czynią to

²² Nie chcę przez to powiedzieć, że memy internetowe nie stanowią istotnego problemu badawczego: słusznie poświęcono im wielką ilość analiz i dociekań, wydobywając przy tym na jaw dodatkowy kontekst badawczy: multimedialny i multikodalny (na ten temat zob. np.: Iwanicki 2018, Kamińska 2011, Kołowiecki 2012, Sroka 2014, Kołodziejek, Sidorowicz, red., 2018; tamże obszerna literatura zagadnienia). Jednak koncepcja Dawkinsa powstała w czasach przed-internetowych i miała z założenia zasięg ogólnokulturowy o wymiarze filozoficznym.

tym efektywniej, im lepiej są zorganizowane: jak zauważył James Gleick, „rym i rytm pomagają w zapamiętywaniu urywków tekstu. Albo raczej rytm i rytm pomagają bitom tekstu w tym, aby zostały zapamiętane. Rym i rytm to cechy, które pomagają memowi w przetrwaniu [...]. Usystematyzowany język daje ewolucyjną korzyść. Rym, rytm i sens – dla sensu także istnieją wzorce” (Gleick 2012: 289). Co prawda memy, jak pisze Gleick, „potrafiły się przemieszczać bez słów jeszcze przed narodzinami języka”, ale „przez większą część historii memy i język szły ze sobą ręka w rękę” (tamże: 290). Jeśli te metaforyczne, nieco publicystyczne sformułowania przełożyć na kategorie bardziej wymierne, pod „język” będziemy w stanie podłożyć pola sensów i zbiory ich materialnych werbalizatorów, a zarazem i komunikacyjnych nośników, spośród których większą część, zgodnie z sugestią Andrzeja Bogusławskiego, stanowią „odtwarzalne wielowyrazowce” – w różnych konwencjach terminologicznych zwane jednostkami języka, nieswobodnymi grupami syntaktycznymi, frazemami, reproduktami itp.²³ Tu właśnie – w punkcie krzyżowania się sensów, ich werbalizatorów, społecznych zapotrzebowan i komunikacyjnych mechanizmów ich zaspokajania – należy szukać punktów stycznych między memem i frazem, memetyką i frazematyką. Jest oczywiste, że rozwinięcie tej tezy wymaga zespolenia wysiłków nie tylko frazeologów, ale też lingwistów w ogóle z reprezentantami szeregu szczególnych dyscyplin wiedzy.

6. Podsumowanie

W niniejszym szkicu starałem się pokazać reprodukowalność – jedną z konstytutywnych cech frazeologii językowej – na szerszym, niż to się przyjęło demonstrować we frazeologii teoretycznej, tle, obejmującym rozległe spektrum aktów i procesów multiplikowania różnego rodzaju tworów w rozmaitych sferach aktywności ludzkiej, przy czym multiplikowanie to dokonuje się poprzez nawiązywanie przez podmiot działania do pewnego tworu macierzystego i odtwarzanie go w postaci dokładnej lub zbliżonej. Jeżeli tylko multiplikowanie takie nie ma charakteru czysto mechanicznego, dokonującego się poza świadomością i wolą danego podmiotu, należy mu przypisać cechę intencjonalności (przejawiającej się w różnym nawiązaniu). Dzięki temu każdy akt multiplikacji (replikacji) może być opisany

²³ Zwartego przeglądu terminów funkcjonujących w polu badawczym frazeologii teoretycznej dokonuje Michał Woźniak (2017: 14–15); sam badacz stosuje termin „wielosegmentowa jednostka leksykalna”.

w kategoriach niesionych przez „ramkę pragmatyczną”, a więc schemat dyskursywny, którego dziewięć składników modeluje wszelkie akty ludzkiego wypowiadania się (w materii języka zarówno naturalnego, jak i semiotycznego). Ramka pozwala przeprowadzić podstawową klasyfikację replikacji – także werbalnych, w tym frazeologicznych – zgodnie z kryterium intencjonalności, ramkę można też jednak wykorzystać jako instrument szczegółowej analizy frazeologicznej, „przykładając” ją do każdego pojedynczego aktu reprodukcji wielowyrazowej jednostki języka i pytając – zgodnie ze schematem ramki – kto danego frazeologizmu użył, w jakim miejscu i czasie, w odniesieniu do jakiego kontekstu (jakiej rzeczywistości), w jakiej postaci (ksztalce) jednostki i w jakim stylu (wypowiedzi), do kogo adresowanej, z jakich przyczyn i w jakim celu sformułowanej, wreszcie jakim skutkiem (perlokucyjnym) uwieńczonej. Użycie ramki wymusza zadanie wszystkich tych dziewięciu pytań i uzyskanie dziewięciu odpowiedzi – a że ramkę należało przyłożyć jednakowo do wszystkich branych pod uwagę jednostek (dla celów analizy tekstowej czy dla celów leksykograficznych), można założyć, że wszystkie te jednostki zostały scharakteryzowane siłą rzeczy całkowicie jednorodnie, i to w sposób, można przypuszczać, wyczerpujący. Takie postępowanie badawcze (w swojej istocie onomazjologiczne) nie zostało dotychczas, o ile mi wiadomo, przeprowadzone, chociaż jego zakładane rezultaty mogłyby mieć duże znaczenie szczególnie dla frazeografii (odpowiedzi na pytania niesione przez ramkę mogłyby być np. uwzględniane w projektowaniu pełnych, a w każdym razie pełniejszych od dotychczasowych, eksplikacji znaczeń frazeologizmów²⁴⁾.

Możliwości, jakie przed frazeologią teoretyczną otwiera zarysowana tu perspektywa badawcza, nie zdejmują z porządku dziennego szeregu pytań, które w perspektywie tej stają się nawet bardziej wyraziste niż w standardowym paradygmacie frazeologii teoretycznej. Na ich czoło wysuwa się, jak sądzę, pytanie o to, co właściwie jest we frazeologii obiektem reprodukcji, jaki jest ontologiczny status tego, co podlega reprodukowaniu („odtwarzaniu w gotowej postaci”): psychiczny invariant? Abstrakcyjny zapis w systemie języka? Konkretny frazeologizm w (czyjejś) konkretnej wypowiedzi? Frazeologizm utrwalony na karcie słownika? Jeszcze inna postać danego wielowyrazowca? I jaki jest mechanizm aktu reprodukcji, co się właściwie dokonuje – w dwóch co najmniej płaszczyznach: umysłowej i fizycznej (w tym także

²⁴ Na początku lat 2000. wykorzystywałem ramkę pragmatyczną najpierw, jak wspomniałem, do weryfikacji istniejących w słownikach definicji jednostek frazeologicznych (Chlebda 2007), a następnie do projektowania definicji znaczeń frazeologizmów (konkretnie – biblizmów frazeologicznych; Chlebda 2008).

fonicznej w wypadku reprodukcji ustnej) – w momencie, gdy podmiot mówiący ów akt reprodukcji realizuje? Frazeologia pragmatyczna udziela tylko części odpowiedzi na podobne pytania, do głosu musi dojść także frazeologia zorientowana kognitywnie – niniejszy szkic zaś miał za zadanie jedynie nakreślić dla tych pytań (i potencjalnych na nie odpowiedzi) niezbędne ramy.

Literatura

- Awdiejew, Aleksy. 2001. *Problemy wyodrębniania i klasyfikacji frazemów*. In: Chlebda, Wojciech (ed.). *Frazeografia słowiańska*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 195–201.
- Bartmiński, Jerzy. 1990. *Folklor – język – poetyka*. Wrocław: Ossolineum.
- Benjamin, Walter. 1996 *Anioł historii. Eseje, szkice, fragmenty*. Tłum. Orłowski, Hubert. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.
- Bogusławski, Andrzej. 1976. *O zasadach rejestracji jednostek języka*. „Poradnik Językowy” 8, 356–364.
- Bogusławski, Andrzej. 1978. *Jednostki języka a produkty językowe. Problem tzw. orzeczeń peryfrastycznych*. In: Szymczak, Mieczysław (ed.). *Z zagadnień słownictwa współczesnego języka polskiego*. Wrocław: Ossolineum, 17–30.
- Chlebda, Wojciech. 1991. *Elementy frazematyki. Wprowadzenie do frazeologii nadawcy*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego.
- Chlebda, Wojciech. 2002. *Poszukiwanie idiomatykonu. Szkic informacyjny o najnowszych dociekaniach frazeologii rosyjskiej*. In: *Problemy frazeologii europejskiej*. Lewicki, Andrzej Maria (ed.). T. 5. Lublin: Norbertinum, 9–20.
- Chlebda, Wojciech. 2005. *Szkice o skrzydlatych słowach. Interpretacje lingwistyczne*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego.
- Chlebda, Wojciech. 2007. „*Ramka pragmatyczna*” w procesie weryfikowania i tworzenia słownikowych definicji frazeologizmów. In: Hordy, Mieczysława. Mokijenko, Walerij. Walter, Harry (eds.). *Język. Człowiek. Dyskurs*. Szczecin: Wydawnictwo Uniwersytetu Szczecińskiego, 185–195.
- Chlebda, Wojciech. 2008. O pewnej perspektywie słownikowego opisu biblizmów. In: Kodziś, Bronisław (ed.). *Studia i szkice slawistyczne*. T. 9. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 67–83.
- Chlebda, Wojciech. 2009. *Idiomatykon-4.: gdzie jesteśmy, dokąd zmierzamy (i parę zdań o tym, skąd przychodzimy)*. In: Chlebda, Wojciech (ed.). *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski*. T. 4. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 9–38.
- Chlebda, Wojciech. 2010 *Nieautomatyczne drogi dochodzenia do reproduktów wielowyrazowych*. In: Chlebda, Wojciech (ed.). *Na tropach reproduktów. W poszukiwaniu wielowyrazowych jednostek języka*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 15–35.

- Chlebda, Wojciech. 2016. *O pewnej możliwości porównawczych badań nad słownikami*. In: Zaśko-Zielińska, Monika. Kamieniecki, Jan. Misiak, Małgorzata. Piekot, Tomasz (eds.). *Lingua et gaudium. Księga jubileuszowa ofiarowana Profesorowi Janowi Miodkowi*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 439–446.
- Chlebda, Wojciech. 2018. *Czy mikroteksty mogą być obiektami frazeografii (przekładowej)?*. In: Pstyga, Alicja. Kananowicz, Tatiana. Buchowska, Magdalena (eds.). *Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza. T. VII. Frazeologia z perspektywy językoznawcy i tłumacza*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 40–53.
- Chrzanowska-Kozioł, Ewa. 2015. „*Przekrojowa*” rubryka „*Heca hecq*” jako źródło potocznich reprodktów języka polskiego. Kraków: Instytut Języka Polskiego PAN.
- Dawkins, Richard. 1996. *Samolubny gen*. Tłum. Skoneczny, Marek. Warszawa: Prószyński i Ska.
- Dobaczewski, Adam. 2018. *Powtórzenie jako zjawisko tekstowe i systemowe. Repetycje, reduplikacje i quasi-tautologie w języku polskim*. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika.
- Dobaczewski, Adam. Sobotka, Piotr. Żurowski, Sebastian. 2018. *Słownik reduplikacji i powtórzeń polskich*. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika.
- Forsyth, Richard. Grabowski, Łukasz. 2015. *Is there a formula for formulaic language?*. „Studies in Contemporary Linguistics” 54 (1), 511–549.
- Gębka-Wolak Małgorzata. Moroz, Andrzej. 2014. *O nieswobodnej grupie syntaktycznej*. „Prace Językoznawcze” XVI/1, 45–61.
- Gleick, James. 2012. *Informacja. Bit, wszechświat, rewolucja*. Tłum. Siwek, Grzegorz. Kraków: Znak.
- Głowiński, Michał. 1990. *Nowomowa po polsku*. Warszawa: Wydawnictwo PEN.
- Grabowski, Łukasz. 2018. *Kilka słów o formuliczności z różnych perspektyw językowych*, [w:] Pstyga, Alicja. Kananowicz, Tatiana. Buchowska, Magdalena (eds.). *Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza. T. VII. Frazeologia z perspektywy językoznawcy i tłumacza*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 67–76.
- Hirschfeld, Aleksandra. 2015. *Co rządzi obrazem? Powtórzenie w sztukach audiowizualnych*. Kraków: Universitas.
- Iwanicki, Juliusz. 2018. *Memy internetowe w kulturze popularnej. Charakterystyka zjawiska*. „Humaniora. Czasopismo Internetowe” 1, 61–80.
- Kamińska, Monika. 2011. *Niecene memy. Dwanaście wykładów o kulturze Internetu*. Poznań: Wydawnictwo Arsenał.
- Kołodziejek, Ewa. Sidorowicz, Rafał. (eds.). 2018. *Internet jako przedmiot badań językowych*. Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego.
- Kołowiecki, Wiktor. 2012. *Memy internetowe jako nowy język Internetu*. „Kultura i Historia” 21 (<http://www.kulturalhistoria.umcs.lublin.pl/archives/3637>; dostęp 2.02.2019).

- Lewicki, Andrzej Maria. 2003. *Studia z teorii frazeologii*. Łask: Oficyna Wydawnicza Leksem.
- Lord, Albert Bates. 2010. *Pieśniarz i jego opowieść*. Tłum. Majewski, Paweł. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Mel'čuk, Igor. 1995. *Phrasemes in Language and Phraseology in Linguistics*. In: Everaert, Martin. Van Der Linden, Erik-Jan. Schenk, Andre. Schreuder, Rob (eds.). *Idioms: Structural and Psychological Perspectives*. Hillsdale NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
- Müldner-Nieckowski, Piotr. 2007. *Frazeologia poszerzona. Studium leksykograficzne*. Warszawa: Świat Książki.
- Ong, Walter Jackson. 2011. *Oralność i piśmienność. Słowo poddane technologii*. Tłum. i red. Japola, Józef. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Pęzik, Piotr. 2013. *Paradygmat dystrybucyjny w badaniach frazeologicznych. Powtarzalność, reprodukcja i idiomatyzacja*. In: Stalmaszczyk, Piotr (ed.). *Metodologie językoznawstwa. Ewolucja języka. Ewolucja teorii językoznawczych*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 141–160.
- Sroka, Jakub. 2014. *Obrazkowe memy internetowe*. Warszawa: Wydawnictwo CeDeWu.
- Szpila, Grzegorz. 2017a. Współczesne przysłówie – rozważania teoretyczne vs. badanie ankietowe. „Język Polski” 2, 5–22.
- Szpila, Grzegorz. 2017b. *Polish Paremic Demotivators: Tradition in an Internet Genre*. „Journal of American Folklore” vol. 130, nr 517, 305–334.
- Urbańczyk, Stanisław. Kucała, Marian. (eds.). 1999. *Encyklopedia języka polskiego*. Wrocław: Ossolineum.
- Wężowicz-Ziółkowska, Dobrosława. (ed.). 2009. *Infosfera. Memetyczne koncepcje kultury i komunikacji*. Katowice: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Zarządzania Ochroną Pracy.
- Woźniak, Michał. 2017. *Jak znaleźć igłę w stogu siana? Automatyczna ekstrakcja wielo-segmentowych jednostek leksykalnych z tekstu polskiego*. Kraków: Instytut Języka Polskiego PAN.
- Ахманова, Ольга. 1966. *Словарь лингвистических терминов*, Москва: Советская энциклопедия.
- Бирих, Александр. Волков, Сергей. Никитина, Татьяна. 1993. *Словарь русской фразеологической терминологии*. München: Verlag Otto Sagner.
- Вальтер, Харри. Мокиенко, Валерий. 2005. *Антисловицы русского народа*. Санкт-Петербург: Издательский дом «Нева».
- Добровольский, Дмитрий. Карапулов, Юрий. 1994. *Ассоциативный фразеологический словарь русского языка*. Москва: Помовский и Партнеры.
- Долгова, Ольга. 1980. *Синтаксис как наука о построении речи*. Москва: Высшая школа.

Мелерович, Алина. Мокиенко, Валерий. 1997. *Фразеологизмы в русской речи. Словарь*, Москва: Русские словари.

Шанский, Николай. 1969. *Фразеология современного русского языка*. Москва: Высшая школа.

Reproducibility, reproduction, reproducts

Summary

The author discusses a triad of the terms connected with reproducibility, moving from the most general (reproducibility in various ranges of human activity), gradually narrowing the observation field (reproduction in human communication), to the reproducts' characteristic as operational communicative units. As the basic classification criterion of the reproductive acts the author considers the intentionality of the pattern repetition, and he divides acts of intentional replication into reproductive, regular and creative. At the end the author postulates further research incl. linking phrasemics (paradigm of pragmatic phraseology employing the term reproduct) to memetics and the term „phraseme” („reproduct”) – to the term „meme”.

Ольга Мещерякова

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

Россия

<https://orcid.org/0000-0002-7950-5874>

Коммуникативная культура как объект воспроизведимости в русских пословицах с антропонимом

Аннотация. Для русской коммуникативной сферы характерно многообразие форм именования одного и того же лица. С этой целью может быть использовано полное или сокращенное имя, имя и отчество, а также фамилия или, напротив, имя в пренебрежительной форме. За каждой формой закреплена определенная семантика, с помощью которой говорящий обозначает статус собеседника и выражает свое отношение к нему. Это доказывает, что антропоним как языковой знак является частью русской коммуникативной культуры. Под ее воздействием та или иная антропонимическая форма личного имени может утрачивать индивидуальное значение и приобретать социальную семантику. Она воспроизводится в тех паремиях, где в качестве компонента употребляется определенная форма антропонима. Понимание социальной семантики подобной пословицы и поговорки возможно в силу того, что через используемые антропонимические формулы воспроизводится и соответствующий фрагмент коммуникативной культуры.

Ключевые слова: коммуникативная культура; пословицы с антропонимом; формы личного имени; социальная семантика, оценочная семантика

1. Введение

В речевой системе любого языка пословица относится к числу фольклорных суждений, где запечатлены знания о человеке и окружающем мире, рожденные в практической деятельности народа. Подобные формулы нередко сохраняют свою житейскую мудрость и для нынешних поколений людей.

Пословицы – устойчивые изречения, грамматически и ритмически организованные, в которых запечатлен практический опыт народа и его оценка и которые выступают в речи как самостоятельные суждения (Диброва 2002: 340).

Современное изучение пословицы, осуществляемое в рамках антропоцентрической парадигмы, имеет несколько направлений, одно из которых – лингвокультурологическое – основывается на том, что в паремии видится отражение мира не “как он есть”, а “сквозь призму интерпретации, имеющей культуроцентрический характер” (Ковшова 2016: 28), при этом в основании самого понятия культуры лежит представление о ценностных смыслах, мировоззренческих идеях, которые фиксируются языком.

Компонентами пословиц могут быть самые разнообразные лексические единицы. Особую группу составляют те пословицы, в которые включен антропоним. Термином *антропоним* называется любое собственное имя, которое может иметь человек – это личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, криптоним, кличка (Подольская 1978: 30).

В пословицах, выбранных нами из сборников В.И. Даля (Даль 2007) и Н.И. Решетникова (Решетников 2005), присутствуют антропонимы в различных формах. Наиболее востребовано личное имя, как мужское, так и женское: *Вчера Макар гряды копал, а ныне Макар в воеводы попал; Выдали замуж Аню, да не ведала Таня, что своего жениха потеряла.* Также в пословице можно встретить имя и отчество, прозвище: *Акулина Федосевна до чужих ребят милосерда; Жив Курилка, не помер.*

Именование человека по имени, имени-отчеству, прозвищу в первую очередь востребовано в коммуникации.

Цель данной статьи – в русских пословицах с антропонимом рассмотреть семантику, которая обусловлена интерпретацией мира человека, зародившейся в русской коммуникативной культуре, а также ответить на вопрос, почему именно эта сфера культуры стала объектом воспроизведимости в паремии.

2. О коммуникативной культуре и ее влиянии на именование человека в коммуникации

Коммуникация составляет важную часть жизни человека и в рамках национальной культуры формирует особую сферу – сферу культуры общения, которая фиксирует закономерности, касающиеся вербальной и невербальной коммуникативной специфики, складывающейся на протяжении длительного периода развития языкового коллектива нации.

Коммуникативная культура – атрибутивный компонент культуры, обеспечивающий функционирование всех видов коммуникации – коммуникативных актов и процесса коммуникации – прежде всего посредством создания и поддержания (в том числе и путем межпоколенной трансляции) общего для участников кода коммуникации (как вербального, так и невербального), конвенциональных норм коммуникации, коммуникативных и поведенческих паттернов, моделей когнитивной обработки информации (Варэлис 2008: 10).

Для реализации коммуникативной удачи особенно важен код коммуникации, понятный как отправителю, так и получателю создаваемого в акте коммуникации текста. Код коммуникации фиксируется и, подобно любому другому культурному коду, предстает в виде “устойчивых компонентов сознания, структур деятельности и поведения” (Аванесова, Купцова 2015: 31). К традиционным структурам деятельности могут быть отнесены и традиции именования человека, используемые в акте коммуникации.

Именование собеседника с помощью обращения – слова или сочетания слов, называющего лицо, к которому обращаются с речью, – может быть реализовано в том числе и антропонимом. При этом он выполняет вокативную функцию.

В коммуникации “субъект речи находится в состоянии выбора одной из многочисленных форм, которые предоставляет в его распоряжение система языка для выражения конкретного намерения” (Иванова 2016: 155). Система русского языка дает коммуникативной сфере многообразие антропонимических единиц. Оно обусловлено тем, что имя человека, выполняя еще функцию идентификации (с подфункциями различия и выделения человека из коллектива, а также противопоставления индивидуумов), имеет также не менее значимую и антропонимическую функцию, под которой А.В. Суперанская (Суперанская 1973: 234) подразумевает социальную легализацию личности.

Эта функция реализуется в силу того, что для именования одного и того же лица может быть использовано полное или сокращенное имя, имя и отчество, а также фамилия или, напротив, имя в пренебрежительной форме; при этом за каждой формой закреплена определенная семантика, с помощью которой говорящий, во-первых, обозначает статус собеседника, во-вторых, выражает свое отношение к нему. Закономерности применения той или иной формы имени составляют основу культуры коммуникации, в рамках которой формируется семантический и pragmaticеский потенциал различных форм антропонима.

Формируется норма употребления каждого варианта антропонима в целом и личного имени в частности. Так, Ю.С. Степанов приводит пример, где указывает на изменение имяназывания одного и того же лица в зависимости от его возраста: “...мы спрашиваем: *А как теперь Ванечка?*, и нам отвечают: *Спасибо, он уже Иван Иванович, женился, сам имеет сына, кстати, тоже Ванечку*” (Степанов 2010: 254). Этот пример доказывает, что в коммуникативной культуре обозначение ребенка уменьшительно-ласкательным именем, а взрослого человека по имени и отчеству является нормой. “Если же чужие люди называют взрослого именем без отчества или если по имени и отчеству называют ребенка, то налицо нарушение общепринятой нормы, что не может не быть стилистически значимым” (Суперанская 1973: 310–311).

Представление о норме формируется на основе социальной семантики антропонима и реализации его антропонимической функции, когда форма имени обусловлена социальным статусом и одновременно обозначает его.

Социологический аспект личных имен реальных людей может быть объективирован в коммуникации не только с учетом возраста, пола, но и 1) степени дистанцированности адресата по отношению к адресанту; 2) иерархии положения на общественной лестнице; 3) положительного или отрицательного отношения говорящего к объекту речи. Считаем, что именование человека в зависимости от его социального статуса часто коррелирует с выражением отношения говорящего к именуемому лицу, поэтому мы объединяем в социологический аспект антропоним в собственно социальной и экспрессивной функции.

Социальная семантика антропонима прослеживалась издавна. Так, “у русских крестьян (...) существовал обычай «величания», то есть именования мужа полным именем и отчеством, а жены – полным именем; гипокористические же формы исключались из употребления” (Толстая 2008: 369). Подобные табу, накладываемые народным речевым этикетом на способы именования членов семьи, были обусловлены коммуникативным намерением, соответствующей патриархальной семейной иерархии. При этом цель обращения состояла в выражении уважительного отношения к объекту речи посредством определенной формы антропонима, за которой подобная семантика была закреплена.

Усвоение основ коммуникативной культуры, связанных с особенностями выбора имени для коммуникации и передачи им социально-оценочной семантики, происходит уже в детском возрасте. Например, загадка об имени, представленная на сайте для детского чтения, предполагает осознание ребенком того, что основное предназначение имени человека

состоит в его использовании другими людьми как обращения в повседневном общении: *Тебе дано, // А люди им пользуются (Имя)*¹; стихотворение Галины Акимовой для детей раскрывает возможность с помощью уменьшительно-ласкальной формы имени Никита – *Никитушка* – передать особую симпатию к человеку, выделить его из общего круга друзей:

Стала Маша гостей созывать.
И Иван приди,
и Степан приди,
и Сергей приди,
и Матвей приди.
А **Никитушка** – ну пожалуйста!
Стала Маша гостей угождать.
И Ивану – блин,
и Степану – блин,
и Сергею – блин,
и Матвею – блин,
а **Никитушке** – мятный пряничек².

В некоторые детские стихотворения включается обыгрывание форм одного имени, основанное на его социальной семантике. Прочитаем стихотворение Владимира Орлова:

Удивляется **Ильюшка**:
– Я не знаю, что со мной?
Я вчера помог старушке
Чемодан нести домой. –
Смотрит в зеркало **Илья**:
– Это я или не я?³

Формы имени *Ильюшка* – *Илья* выступают обозначениями одного и того же лица, но противопоставлены по социальной семантике: *Ильюшка* – ‘ребенок, к которому относятся снисходительно, по его возрасту’; *Илья* – ‘человек, к которому относятся уважительно, по его значимым делам’.

Как видим, коммуникативная культура закрепляет за определенной моделью антропонима социальные смыслы, усвоение которых важно для понимания друг друга общающихся людей. Благодаря этим смыслам

¹ <http://kidwelcome.ru/zagadki-dlya-detei/pro-imena>

² <http://forumchata.ru/names-poems/71-m/1133-matvej-stihi-pro-matveja.html>

³ <http://forumchata.ru/names-poems/68-i/1138-ilja-iljusha-stihi-pro-ilju.html>

антропонимические единицы определенной формы и структуры выступают в коммуникации культурными кодами, усвоение которых важно для человека, для его успешного верbalного взаимодействия с другим человеком в процессе всех видов общения.

3. Социальная семантика антропонима как компонента русской пословицы

Когда антропоним выступает компонентом пословицы, то объектом воспроизведимости становится та социальная семантика, которая сложилась в национальной коммуникативной культуре, и те ее коды, которые помогают антропонимическим формам реализовывать функцию социальной легализации личности.

Рассмотрим, какие варианты социальной семантики могут выступать закрепленными за антропонимическими компонентами пословиц.

3.1. Если в коммуникативной картине мира каждое имя несет в своей семантике индивидуальное значение и соотносится с реальным лицом, то в паремиологической картине мира антропоним проявляет иные референциальные возможности. За используемым в паремии онимом не стоят конкретные люди, в связи с чем можно говорить о нереферентном употреблении личного имени в пословице (Фролова 2008: 31). Оно служит для обобщенно-образной номинации концепта “человек”, благодаря которой в пословице возникает персонаж. Вокруг него организуется и нарративная, и коммуникативная ситуация. Так, в пословице *Зовут Фомою, а живет собою: в гости не ездит и к себе не зовет* описывается жизнь Фомы, он выступает главным персонажем пословицы как текста. Вместе с тем, благодаря имени *Фома*, адресант, в речи которого данная пословица употребляется, и его адресат предстают людьми, знакомыми с персонажем пословицы, так как “употребление имени избыточно, если случайный собеседник рассказывает о незнакомом мне человеке” (Суперанская 1973: 74). Следовательно, любое имя, употребленное в пословице, в первую очередь формирует семантику сближения персонажа пословицы и участников общения, в акте коммуникации которых пословица употребляется.

В коммуникативной ситуации, основанной на “знакомстве” с персонажем пословицы, преломляется оппозиция *свой-чужой*, и именованный антропонимом персонаж предстает “своим”, что влечет за собой изменение регистра социальной оценки, выражаемой пословицей с антропонимическим компонентом. В случае отрицательной аксиологической оцен-

ки (качеств или действий персонажа пословицы) паремия представляет собой не осуждение, а некое сожаление по этому поводу, например, как в приведенной пословице по поводу нелюдимости Фомы. Заметим, что при этом антропоним выступает в стилистически нейтральной форме личного имени – полного или сокращенного.

Продуцируя коммуникативную ситуацию “знакомства”, подобная форма антропонима понижает степень отрицательной оценки и, напротив, в случае положительной оценки усиливает ее, возводит до восхвала-
ния, о чем говорят и приемы построения паремий, и приемы органи-
зации контекста вокруг антропонима.

Например, в пословице *Пришел Пуд, принес соли пуд* семантике вос-
хваления способствуют 1) омонимичные формы имени собственного и имени нарицательного (*Пуд – пуд*), которые еще дают и рифму по-
словице; 2) прием гиперболы: *пуд – 16 килограммов*.

Языковая игра, в рамках которой имя *Пуд* соотносится с омони-
мом, обозначающим меру веса, может присутствовать в пословицах, где
дается отрицательная оценка физическим способностям персонажа, но
в этом случае подобное обыгрывание, создавая комизм ситуации, побуж-
дает щутливо улыбнуться, а не клеймить позором физическую слабость
персонажа: *Взялся Пуд за пуд, да не осилил*.

В пословицах, где употребляются два антропонима в стилистически нейтральной полной или сокращенной форме, противопоставления пер-
сонажей нет, зато формируется семантика паритета – одобрения и под-
держки каждого персонажа, так как каждый из них “свой” и по-своему хороши: *У Сидора обычай, а у Карпа свой*. В пословице *Богат Михей –
не сравнялся с ним ни Мокей, не Моисей* все три персонажа предстают достойными людьми, хотя и не равными по материальному положению.
Даже тогда, когда нарративная ситуация описывает напряженные отно-
шения между людьми, “равная” в стилистическом плане форма имени говорит о том, здесь нет правых и виноватых: *Выдали замуж Аню, да не ве-
дала Таня, что своего жениха потеряла*.

Антропонимический компонент пословицы может быть дополнен притяжательным прилагательным *наш/наша/наши*, который усиливает тенденцию преодоления границы “чужого”, благодаря чему отрицатель-
ная оценка, выносимая персонажу пословицы, еще больше слажива-
ется, а положительная – усиливается: *Наши Кондрат не бывает богат,
а разбогатеет – сохранить не успеет; Моисей-то грамотей, да наши Наум
пограмотней будет; Наша Ирина что балерина*.

Все рассмотренные выше примеры со стилистически нейтральной формой антропонима трансформируют коммуникативную закономер-

ность употребления обращения по одиночному имени, которое “в русском узусе указывает на равенство социальных ролей коммуникантов, равный возраст и довольно высокую степень близости отношений” (Супрун 2010). В пословицах формы имени с нейтральной стилистической окраской определяют семантику отношений коммуникантов и персонажа паремии, изменяя как регистр эксплицируемой семантики осуждения – одобрения, так и семантики оппозиции “свой-чужой”.

3.2. Социальная семантика проявляется несколько по-иному тогда, когда в качестве антропонимического компонента используется неполное личное имя с суффиксом *-к-*. Следует заметить, что антропонимическое словообразование обладает богатым набором средств, но в русских пословицах среди всех наиболее востребована именно эта модель: *Андрюшка* (от *Андрюша*), *Ивашка* (от *Иваша*), *Машка* (от *Маша*), *Максимка* (от *Максим*), *Митька* (от *Митя*) и др.

Употребление суффикса *-к-* при его включении в сокращенную форму имени может быть связано с положительной оценкой персонажа: *Взял Максимка Симку и не нарадуется*. Это происходит тогда, когда суффикс придает слову фамильярную стилистическую окраску, подчеркивающую, что персонаж хорошо знаком, близок адресанту: *Митька с Микиткой не боится Титку*. Подобная семантика усиливается за счет употребления притяжательного прилагательного *наш*: *Наш Терешка без гармошки девушки привлекает*. В некоторых случаях имя с таким суффиксом приводит к семантической размытости оценки, когда одна и та же речевая формула может служить для выражения и одобрения, и порицания, в зависимости от установки говорящего: *Куда Титка, туда и Митка; Наш Терешка – у Матреши, будет дома к вечеру*.

Однако чаще всего суффикс *-к-* используется в сокращенной форме антропонима, придавая ему пренебрежительную стилистическую окраску, что организует семантику неодобрения. Данная морфема встречается как в мужских, так и в женских именах:

- Семенов *Сенька* слабоват маленько;
- У *Юрки* каждый день прогулки;
- У *нашего Андрюшки* ни полулуши;
- Что за *Ирка* – платье в дырках;
- Что ни *Машка*, то замарашика;
- *Машка* – замарашика, вся в букашках;
- Испила *Машка* бражки, да и хватилась рубашки;
- Не подходите близко – идет *Лизка*.

Как видим из приведенных выше примеров, отрицательно оцениваемые качества персонажа пословицы отличаются друг от друга, это

может быть физическая слабость, праздность, расточительство, неряшливость, пьянство, агрессивность. Имена с суффиксом *-к-* *Ивашка*, *Степашка*, рифмующиеся со словом *рубашка*, стали основой для выражения отрицательной оценки малоимущих:

- Когда у *Ивашки* белая рубашка, тогда у *Ивашки* и праздник;
- Щеголь *Ивашка* – что ни год, то рубашка;
- У *Степашки* нет и рубашки.

Бедность мужчины, как и поведенческие качества, о которых говорилось выше, расценивалась отрицательно. Способом эксплицирования отрицательного отношения к людям, демонстрирующим антиценности, выступает форма сокращенного имени с суффиксом *-к-*.

Отрицательная оценка, выраженная с помощью уничижительной формы имени с суффиксом *-к-*, может усиливаться, если в пословице употребляются оценочные определения или приложения: *У расстрены Машки в поле клевер да ромашки*.

Выражение пренебрежительного отношения со стороны говорящего к объекту оценки, передаваемое антропонимом – личным именем с суффиксом *-к-*, возникло в коммуникативной культуре и стало объектом воспроизведения в паремиях с антропонимом.

Рассмотренные примеры позволяют говорить об энантиосемии в экспрессивной социальной семантике данной словообразовательной модели антропонима. В этом пословица близка и другим фольклорным текстам. Так, можно отметить отрицательную коннотацию у имени *Ванька* в сказке *Королевич и его дядька*: Сейчас этот *Ванька* начал пить, напился, а там стал царевича держать. *Иван-царевич* напился: “*Ну, Ванька, вытаскивай меня*”. Он ему отвечает: “*Нет же! Будь ты Ванька, а я буду Иван-царевич*” (Алексеева 1987: 299).

По мнению исследователя О.Н. Татарниковой, лексическое значение суффиксов, представленных в именах героев как сказок, так и пословиц, совпадает. Например, в выше названной сказке “*Ванька* имеет отрицательную коннотацию, потому что он, с одной стороны, обманщик, а с другой – недобрый человек” (Татарникова 2013: 188).

По нашему мнению, в сказке первоначальное противопоставление имен *Ванька* – *Иван-царевич* продиктовано различием положения героев на социальной лестнице (слуга – царевич), но совершаемые Ванькой поступки обусловливают трансформацию собственно социального в оценочную коннотацию, реализуемую именем *Ванька*. Однако в другой русской народной сказке антропоним *Ивашка* отрицательной коннотации не несет. Герой с таким именем говорит о страшных событиях в своей жизни:

Я называюсь **Ивашка белая рубашка**, великий еретик; мать прокляла меня, велела сделать гроб и, положив меня туда, закрыть наглухо крышкою и набить железные обручи, а потом бросила в море. Два года плавал я по морю, никто меня не взял; один ты сжался. Бью челом за мое избавление и буду тебе верным слугою (Афанасьев 2010: 112).

Но в его делах присутствует только добро, он выступает “помощником с того света”, и имя несет положительную коннотацию.

Это позволяет говорить о возможности реализации в пословицах противоположных по семантике коннотаций у антропонимов с суффиксом *-к-* так же, как и в других фольклорных текстах, что порождено закономерностью, зафиксированной в коммуникативной культуре русских. В современной коммуникации стала более востребована положительная коннотация у данной модели – она активно входит в общение молодых людей, в первую очередь в интимную сферу употребления (Татарникова 2013: 187).

3.3. Особую группу составляют пословицы, построенные на двух формах одного имени – полной форме и сокращенной/уничижительной. Употребляемые формы одного и того же имени представляют собой пару, антонимичную с точки зрения коммуникации, где краткая и полная формы обозначают противоположные признаки. Сокращенная или уничижительная форма имеет семантику ‘молодой возраст именуемого’; ‘неопытность’ ‘отрицательное отношение к именуемому’, а полная форма выражает противоположную семантику.

Возьмет на рогатину медведя Федя – станет Федором. Две формы имени как компоненты одной пословицы реализуют также нарративную семантику. В данном примере это реализация представления о совершившемся переходе одного лица в зрелый возраст, о его возмужании и обретении профессиональных умений. Продолжением нарративной семантики выступает оценочная: уважительное отношение к персонажу реализует полная форма, отрицательное – сокращенная или уничижительная форма.

Противопоставление статусной семантики имени реализуется, к примеру, в паремиях, где употребляются пары антропонимов *Федор – Федька; Егорка – Егор; Мирон – Миронка; Васька – Василий*:

- *Не вырос до Федора – так Федькой и остался;*
- *Егорка не Егор – не умеет держать топор;*
- *Мирону – путь, а Миронка – отойди в сторонку;*
- *Вышла Наська за Ваську, а мечтала про Василия.*

Со статусной семантикой может сочетаться семантика возраста:

- *Легко ославить Славу, зато Ярослава не ославишь;*

– *У Славушки нет и славушки, а как станет Ярославом – будет у него и слава.*

На объективацию признака ‘семейное положение женщины и ее социальный статус’ направлено употребление полной формы *Мария* и сокращенной формы *Машка* в сочетании с мужским полным именем *Иван*: *С Иваном – Мария, без Ивана – Машка*, где полное имя *Иван* имеет социальную семантику ‘муж Марии’; *Мария* лексикализует представление о замужней женщине и об уважительном к ней отношении на основе подобного социального статуса, а *Машка* – о незамужней женщине и о пренебрежительном к ней отношении.

Подобная социальная семантика антропонима отражает широко распространенный код коммуникативной культуры, в котором уважительное отношение кодируется полным именем, а пренебрежительное – сокращенным именем. Выскажем предположение, что коммуникативная модель смены имени при изменении социального положения человека порождена архаическими коммуникативными схемами поведения, возникшими при обряде инициации:

Данный ритуал подразумевает переход индивида из одного статуса в другой, в частности включение в некоторый замкнутый круг лиц – в число полноправных членов племени, в мужской союз, эзотерический культ, круг жрецов, шаманов и т. п. Как правило, виновник торжества после обряда приобретает новое имя и тем самым как бы рождается заново, переходя на иную, более высокую социальную и духовную ступень (Гусарова, Асеева 2017: 74–75).

Связь социальной семантики антропонима в пословице с древнейшим ритуалом инициации подчеркивает обусловленность свойств имени теми законами, которые издавна существовали в коммуникативной культуре, в том числе в ее обрядовой сфере.

4. Заключение

Использование антропонимов в пословицах говорит о том, что это активно востребованный пласт речевых знаков. В коммуникации антропоним служит средством именования адресата. Используемый в вокативной функции обращения и предназначенный лишь для сиюминутного восприятия, тем не менее антропоним фиксирует законы социального взаимодействия людей, отражает традиции сложившейся коммуникативной культуры.

Антропонимический компонент русской пословицы формирует семантику, которая сокращает дистанцию между коммуникантами, предъявляя им общего “знакомого” – персонажа пословицы. Тем самым слово-именование лица транслирует результаты освоения русским человеком мира отношений между людьми.

Словообразовательная модель антропонима с суффиксом *-к-*, широко используемая в пословицах, дает возможность выразить и одобрение, и порицание.

Пословицы с парами имен восходят к архаическим моделям коммуникативного поведения и реализуют представление о возможностях человека в его внутреннем росте.

Таким образом, социальная семантика антропонима, сложившаяся в процессе развития коммуникативной культуры в целом, становится весьма важной для передачи множества смыслов, которые раскрывает паремия.

Библиография

- Алексеева, Ольга Б. (ред.). 1987. *Русские народные сказки* / Т. 1. Москва: Современник.
- Афанасьев, Александр Н. (ред.). 2010. *Народные русские сказки. Полное издание в одном томе*. Москва: Альфа-книга.
- Варэлис, Андрей М. 2008. *Познавательный потенциал коммуникативной культуры (на примере интернет-пространства вуза культуры искусства)*: автореф. дис. ... канд. культурологии. Московский гос. университет культуры и искусств. Москва.
- Гусарова, Светлана В., Асеева Мария А. 2017. *Смысловые аспекты инициации в интерпретации литературных сюжетов*. В: *Фундаментальные основы инновационного развития науки и образования: монография*. Пенза. 74–80.
- Даль, Владимир И. 2007. *Пословицы русского народа*. Москва: Азбука. https://royal.lib.com/book/dal_vladimir/poslovitsy_russkogo_naroda.html (дата обращения: 05.06.2018).
- Диброва, Елена И. (ред). 2002. *Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц*. Ч. 1. Москва: Издательский центр “Академия”.
- Иванова, Юлия; Портнягин, Дмитрий (ред.). 2016. *Бытие языка в тексте*. В: *Универсальное и культурно-специфичное в языках и литературах*. Курган: Курганский государственный университет. 154–159.
- Ковшова, Мария Л. 2016. *Культурная информация в семантике языковых знаков. В: Язык лингвокультурологии: теория vs эмпирия*. Москва: ЛЕНАНД.
- Колшанский, Геннадий В. 2012. *Коммуникативная функция и структура языка*. 3-е изд. Москва: Либроком.

- Подольская, Наталья В. 1978. *Словарь русской ономастической терминологии*. Москва: Наука.
- Решетников, Николай И. 2005. *Русский народный календарь: пословицы, приметы, обyczai, обряды, имена*. Москва: Олма-Пресс.
- Степанов, Юрий С. 2010. В трехмерном пространстве языка. *Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства*. 2-еизд. Москва: УРСС.
- Суперанская, Александра В. 1973. *Общая теория имени собственного*. Москва: Наука.
- Супрун, Василий И. 2010. Особенности использования вокативных единиц в современном русском языке. В: *Границы познания*. 5 (10): 47–52.
- Татарникова, Оксана Н. 2013. *Антропоним Иван в русском фольклоре: сравнительный анализ русских народных сказок и пословиц*. В: *Мир науки, культуры, образования*. 1: 186–188.
- Толстая, Софья М. 2008. *Пространство слова: лексическая семантика в общеславянской перспективе*. Москва: Издательство “Индрик”.
- Фролова, Ольга Е. 2008. *Референциальные механизмы фольклорного и авторского художественного текста: автореф. дис. ... док. филол. наук*. Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина. Москва.

Communicative culture as an object of reproducibility in proverbs with an anthroponym

Summary

In the communicative culture reference by name plays an important role in the expression of the relationship to the addressee of speech. This is due to the variety of forms of the same name (full and abbreviated names, names in disparaging form), which have a certain social semantics. The name as an element of communicative culture is reproduced in Russian proverbs. This helps to form social semantics in the paremia with the anthroponymic component.

Елена Ничипорчик

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины

Беларусь

<https://orcid.org/0000-0002-1284-6236>

Воспроизведимое и вариативное в текстовых реализациях паремий

Аннотация. Статья посвящена выявлению и описанию маркеров связи окказиональных вариантов паремиологических единиц с содержанием их исходных вариантов. Автор статьи анализирует понятие воспроизведимости, акцентируя внимание на неустойчивости материальной и идеальной сторон языковых знаков; определяет причины частотности использования паремий в трансформированном виде, выясняет с опорой на тексты Национального корпуса русского языка, что способствует актуализации связи трансформ / отдельного компонента паремии с понятийным содержанием словарного варианта паремиологической единицы.

Ключевые слова: *знак, воспроизведимость, паремия, трансформ, понятийное содержание*

1. Введение

Обсуждение вопроса о том, какова специфика воспроизведимости паремий и до каких границ может изменяться материальная сторона паремиологического знака, сохраняя способность реализовать присущее (присущие) паремиологическому знаку значение (значения), требует в первую очередь уточнения главного и наиболее уязвимого из обсуждаемых понятий – понятия воспроизведимости.

Применительно к языковому знаку воспроизведимость можно определить как его сущностное свойство, проявляющееся при употреблении знака и заключающееся в оживлении ассоциативной связи между означающим и означаемым знаком. Подчеркнем, что при определении воспроизведимости знаки нельзя трактовать как безусловно готовые к употреблению единицы, так как ни одна из сторон знака не отличается абсолют-

ной стабильностью¹. “Подрывающим” моментом в трактовке знаков как готовых для воспроизведения единиц является то, что знак, как утверждает Ю.М. Лотман (2002), не может быть непосредственно идентифицирован с самим собой, поскольку такая идентификация противоречит его основному свойству – знаковости. На диалектическое единство противоположностей в природе знака указывал и С.О. Карцевский (1965). По мнению ученого, природа языкового знака неизменна и подвижна одновременно и благодаря наличию некоторой константы в своей природе знаки не утрачивают своей идентичности:

Если бы знаки были неподвижны и каждый из них выполнял только одну функцию, язык стал бы простым собранием этикеток. Но также невозможно представить себе язык, знаки которого были бы подвижны до такой степени, что они ничего бы не значили за пределами конкретных ситуаций. (...) Призванный приспособиться к конкретной ситуации, знак может изменяться только частично; и нужно, чтобы благодаря неподвижности другой своей части знак оставался тождественным самому себе (Карцевский 1965).

Целесообразно полагать, что в каждом конкретном случае воспроизводимость знака с учетом “текучести” и означающего, и означаемого заключается в оживлении ассоциативной связи между материальной репрезентацией знака, имеющей нечто общее со всеми иными материальными воплощениями знака, и значением, детерминируемым взаимодействием устойчивой части понятийного содержания знака и функции, которой наделяется знак в линейном ряду.

Есть и еще одно обстоятельство, которое затрудняет объяснение воспроизводимости языковых знаков, проявляющейся в процессах коммуникации. Это иерархическая организация языковой знаковой системы и, как следствие, отсутствие непереходимой грани между воспроизводимым и вновь создаваемым. Условно готовые единицы нижележащего уровня языка могут породить новое на уровне, представляющем комбинаторику знаковых единиц – знаков иного, вышележащего уровня. Новым может быть слово, представляющее окказиональное образова-

¹ Изменчивость плана выражения, например, словесного знака находит проявление в нормативных и ненормативных фонетических и грамматических его вариантах, устойчивых сочетаний – в синонимической вариативности компонентов. Постоянная содержательная “текучесть” знаков детерминируется контекстуальными зависимостями. “В сущности, никакой словарь, – пишет Б.Ю. Норман (2003: 51), – не сможет учесть все мыслимые случаи расширения плана содержания слова...”. Эта особенность природы знака отмечается многими учеными (Налимов 1979, Вайнрих 1987, Карцевский 1965, Гаспаров 1996 и др.).

ние, и его значение “прочитывается” на основании памяти о значимости составляющих его морфем. Новым может быть и сочетание слов, поражающее ассоциативной связью, не соответствующей “естественному связям слов”²; смысл такого сочетания дешифруется с опорой на логику воображения, основанную на отождествлении подобного или смежного. Новым является каждое высказывание, воплощающее продуцируемую сознанием человека мысль, хотя и воспроизводит определенные схемы развития мысли, скрытые или прямые способы выражения коммуникативных намерений, целые “коммуникативные фрагменты”, которые “знакомы” языковой личности (использовались личностью ранее или почертнуты из текстов, с которыми он соприкасался) (Гаспаров 1996: 118–119; Карапулов 1996). Лингвисты предупреждают о нецелесообразности уподобления речевой деятельности игре в “Lego”, при которой нечто новое компонуется из некоторого изначально имеющегося набора деталей (Красных 2012: 137). Принципиальное отличие уподобляемых областей деятельности касается не только инструментов деятельности (детали “Lego” всегда тождественны самим себе, языковые знаки постоянно скользят по “наклонной плоскости реальности” (Карцевский 1965: 89)), но и характера деятельности. Игра в конструктор при условии предвосхищения результата основывается на осмыслении каждого шага в построении некоторого целого. При продуцировании речи, подчиненной той или иной цели, в силу заложенных в сознании человека алгоритмов речемыслительной деятельности и наличия уже готовых к употреблению соединений знаковых единиц, снимается оппозиция между осознаваемыми и “механическими” (уже живущими в памяти и бессознательно воспроизводимыми) соединениями знаковых единиц.

В свете сказанного постановка вопроса о том, что, собственно, воспроизводится осмысленно, выбирается продуцентом речи из имеющегося в его сознании арсенала средств – слова, сочетания слов или более крупные блоки взаимосвязанных единиц, – вряд ли подразумевает однозначный ответ. В настоящее время можно лишь делать предположение о том, что в процессе порождения высказывания некоторый смысл, который подлежит выражению, воплощается в результате оживления существующих в мозгу человека ассоциативных связей, неоднородных комбинаторных моделей, узловые точки которых представляют

² О естественных связях слов говорил Ш. Балли (2001: 88), рассуждая о том, что слова гораздо легче запоминаются в сочетаниях, чем по отдельности, и живут в нашей памяти благодаря наличию тончайшей сети ассоциативных связей, отражающих множество возможностей сочетания слов.

слова и сочетания слов, избираемые, по определению М.Я. Дымарского (2013: 325–326), в соответствии с конкретной областью обозначения и оформляемые в линейный ряд в соответствии с лексико-грамматическим прообразом высказывания и коммуникативно-сintаксической моделью.

2. Семиотическая специфика паремий

Совершенно особую нишу в языке занимают паремии – отсылающие к коллективному мнению выражения-рефлексии на референтную ситуацию с подведением ее под класс типовых (Ничипорчик 2016: 7). По мнению ряда ученых, это знаки особого рода – гибридные по своей природе (Савенкова 2002, Иванова 2006: 22–23, Ничипорчик 2015: 32 и др.). Признаки языковой единицы проявляются у паремий в их семантической целостности, относительной устойчивости и воспроизведимости³. В своем словарном варианте паремия имеет структуру предложения, в отличие от переменных предложений предложения-паремии характеризуются денотативной структурой, выявляющей феномен двойного означивания – типовой ситуации, “узнаваемой” в знаке, и ситуации, подводимой под класс типовых. Признаки речевой единицы проявляются в способности паремии функционировать в качестве завершенных по смыслу единиц коммуникации с предзаданными и в то же время вариативными интенциональными значениями. Специфика паремий как семиотических феноменов, состоит также том, что любая паремиологическая единица может информировать об устойчивых признаках дискурсивных ее реализаций и вне контекстных употреблений – сохраняться в пространстве культуры как микротекст, являющийся фиксированным результатом множественных дискурсивных процессов (Ничипорчик 2010). Фиксированность этого результата в языковом сознании коллектива выражается в приобретении паремией способности выступать в роли единицы, означающей и одновременно моделирующей множество переменных ситуаций (Потебня 1990: 100; Пермяков 1978: 254; Boggione 2007: XLIII).

Важная особенность паремиологических единиц состоит в том, что слова, представляющие их поверхностную структуру, в системе языка являются полнозначными и семантические роли этих слов как компонентов паремии характеризуются прозрачной мотивированностью. Эта

³ Развернутое описание признаков языковых знаков у паремиологических единиц дано в работе А.Б. Савенковой (2002).

особенность, а также названные выше иные семиотические особенности паремиологических единиц обусловливают то, что паремии в своих речевых реализациях в значительной степени подвергаются изменениям. Идентификация паремиологического знака при существенных изменениях его материальной оболочки происходит в силу того, что любой элемент его поверхностной структуры, по замечанию М.А. Черкасского (1978: 39), “полностью предсказуем и потому сам по себе не несет никакой информации”.

Действительно, любой компонент паремии как сложного знака предсказуем, однако мысль о том, что любой компонент паремии сам по себе не несет никакой информации, верна лишь отчасти, а точнее, верна при взгляде, обращенном “внутрь” паремиологической единицы: семантическая целостность паремии сохраняется и при синонимических заменах одного или двух компонентов, частичной редукции компонентного состава. Если же мы обращаемся к информативности отдельных компонентов паремии вне самой паремии, то тот или иной компонент паремии в привязке к определенным ситуациям способен нести информацию, заключенную в провербальном знаке в целом. Речь идет о явлении предвосхищения значения всего устойчивого выражения по его фрагменту, названном В.Л. Архангельским (1968) фразеологической антиципацией. Нельзя сказать, что данный тип антиципации придает уникальность паремиям как знаковым единицам: человеку свойственно восстанавливать целостность и иных знаков по их фрагментам (слов с пропуском графем, переменных предложений с пропуском отдельных членов и др.). Сознание конкретного человека способно удерживать в памяти все, что единожды усвоено, выявляя тем самым причастность к семиосфере, формируемой коллективом; в реальных же процессах коммуникации сознание способно отсекать ненужное в означающем и означаемом знака для выражения актуального смысла с расчетом на проявление соответствующих способностей другого конкретного человека – удерживать в памяти целое и отсекать ненужное.

На основании сказанного можно предположить, что, каким бы структурным трансформациям паремиологическая единица (подчеркнем – хорошо знакомая носителям языка) ни подвергалась, трансформ всегда будет ассоциироваться с исходным вариантом паремии⁴ и в этом

⁴ Подтверждает это предположение опыт собирания и изучения трансформированных устойчивых выражений. По мнению составителей известного словаря *Антипословицы русского народа* Х. Вальтера и В. Мокиенко (2006: 6), “как бы «творцы» новых пословиц или ультрасовременных паремийных трансформ ни претендовали на оригинальность, в боль-

смысле воспроизводить ее или по крайней мере, как в антипословицах типа *Чем дальше в лес, тем толще партизаны, Баба с возу – кобыла в курсе, Любишь кататься – люби и катайся* (Вальтер, Мокиенко 2006: 7), намекать на источник используемого для реализации иных значений “строительного материала”.

3. Проявление вариативного и константного при употреблении паремиологических знаков в речи

Любые трансформы (преобразования словарного варианта/словарных вариантов) паремий, обнаруживающие семантическую корреляцию с исходными вариантами паремиологических единиц, можно квалифицировать как окказиональные репрезентации содержания того или иного паремиологического знака – окказиональные варианты паремии. Обратимся к конкретным текстовым реализациям паремиологических единиц для того, чтобы определить, что же именно маркирует связь трансформов/автономно употребляемых компонентов паремий с понятийным содержанием паремии, имеющим в сознании носителей языка иную материальную форму.

3.1. Структурные преобразования паремий в аспекте оживления связи с содержанием исходного варианта паремиологической единицы

Материал для анализа составили текстовые реализации трех паремий, зафиксированные в Национальном корпусе русского языка: *Знает/чуёт кошка, чье мясо съела; Назвался груздем – полезай в кузов; На безрыбье и рак рыба*. Избранные для анализа паремии различаются и по структуре, и по семантике, однако, как показывают наблюдения, подвергаются одним и тем же трансформациям, хотя и в разной степени.

Обращение к анализу текстовых реализаций даже такого малого количества паремий позволяет убедиться в том, что творческая составляющая речевой деятельности тоже в какой-то мере схематична⁵. Так,

шинстве из таких трансформ или новообразований прослеживаются контуры обыгрываемого, обновляемого прототипа”. Более того, В. Мидер (1998: V) считает: “Как бы остроумно ни было изменение пословицы, как бы ни разоблачалась она индивидуально-творческими переосмыслениями (...) – все это имеет истинный смысл, когда первоначальная пословица сопоставима с ее инновативными манипуляциями”.

⁵ Разные виды вариантности, трансформаций паремий, как, впрочем, и приемы со-

к числу типичных синтагматических фигур, представляющих традиционные приемы игры с планом выражения, относятся фигуры убавления (1, 2, 3); прибавления (4, 5, 6); перестановки (7, 8); замещения (9, 10):

- (1) Появилась злость. Муж все так же ширкал пилой за домом. Вроде спрятался. Чует кошка... Он – мужик. Семью завел – значит, думай, как ее обеспечить (Екимов 2001)⁶;
- (2) Ей снилось: вот она лежит рядом с какой-то женщина и долго преодолевает отвращение, готовясь к ней прикоснуться. Отступать уже некуда, назвалась груздем... (Набатникова 2001);
- (3) Он пошел. Впрягся. Назвался груздем. Идиот! Собственно, выбора у него теперь не было (Серафимов 1978–1994);
- (4) Это старая история: не самые блестящие картины болтаются между “орлами”, “таврами”, “шоками”. На нашем безрыбье, как известно, и рак – рыба... (Бакушинская 2002);
- (5) Я, брат, не из корысти – мне что! Я только вот поучить люблю, чтоб знала скверная кошка, чье мясо съела... И не то чтоб со злом, а просто так, чтоб субординацию соблюсти! (Салтыков-Щедрин 1857–1865);
- (6) Только уж коли назвались груздем, так первым в кузовок полезайте, первым, поручик (Васильев 1988);
- (7) Вскорости придется надеть известную тебе лямку, то есть полезть в кузов, так как я назвался груздем (меня, собственно, затем и отпустили сюда); но пока я могу жить драгоценной животной жизнью, расти в брюхе – и, пожалуй, стихи сочинять, коли приспичит охота (Тургенев 1877);
- (8) Ну, когда с другими достижениями сложновато, то и это раком на безрыбье покажется (Шахназаров 2013);
- (9) Наши выборы являются единственными действительно свободными и действительно демократическими во всем мире. На безрыбье даже “Дни Турбинных” рыба (Устюжанин 2003);
- (10) На безрыбье и катушка с подсвечником рыба? 5 мая неизвестные лица, воспользовавшись беспрепятственным доступом в подвал дома № 7а по улице Сахарова, вошли туда и поживились высоковольтной катушкой зажигания с подсвечником (Происшествия 2003).

здания «новых» паремиологических выражений на базе старых, закрепленных узусом, в настоящее время хорошо изучены (Жуков 2000: 15–17; Наймушина 1984; Мелерович, Мокиенко 1997; Федорова 2007; Nováková 1998; Mieder 1998; Сергиенко 2015; Селиверстова 2009 и мн. др.). Составители словаря русских антипословиц Х. Вальтер и В. Мокиенко (2006: 12) пишут: “Лингвистический анализ всей совокупности паремиологических трансформаций действительно показывает, что, как бы ни казались они оригинальны и “неповторимы” (...), они подчиняются тем же законам преобразования паремий, что и пословицы, давно вошедшие в литературный обиход”.

⁶ Все приводимые в статье иллюстрации текстовых реализаций паремий извлечены из НКРЯ.

Как видим, фигура убавления – редукция поверхностной структуры паремии (1, 2) – как правило, предполагает мысленное восстановление редуцированной части, к чему “призывает” в устной речи использование паузы, в письменной – употребление многоточия. Это сигналы умолчания. Наличием таких сигналов умолчание отличается от тех случаев редукции паремиологической единицы, при которых сегмент поверхностной структуры паремии, достаточный для узнавания паремии в целом, используется в качестве автономной единицы номинации без намека на необходимость восстановления редуцированной части паремиологической единицы (3)⁷.

Из иллюстраций видно, что некоторые виды преобразования паремиологических единиц оказываются совмещёнными. Так, нередко расширение состава паремии (4, 5, 6), перестановка (7, 8), замещение (9, 10) сопровождаются изменением грамматической формы одного или нескольких компонентов, изменением модальных значений. В таких случаях происходит своеобразное “присвоение” говорящим текста паремии: добавляя что-то свое, связываемое с окказиональной ситуацией, говорящий переводит паремию из разряда воспроизведимых дословно в разряд креативно обыгранных, перефразированных, “приближенных” к конкретным ситуациям обозначений. В результате комбинированных трансформаций, которые мы наблюдаем в приведенных выше иллюстрациях, паремии утрачивают статус текстов с коллективным авторством, но не утрачивают свойств, присущих им как вариантам канонического (фиксированного словарями) паремиологического знака. Будучи преобразованными в “новые” строевые единицы речи, окказиональные варианты паремии частично либо полностью воспроизводят структурно-семантическую модель канонического варианта паремии, следовательно, так или иначе передают наиболее абстрактные значения паремиологической единицы, характеризуются предикативностью, свидетельствующей о ситуативной референтности, сохраняют в подтексте своего употребления связь с исходным коллективным мнением, оценочно и регулятивно маркируют действительность. И главное, несмотря на то что обозначаемые трансформами паремиологических единиц ситуации претендуют на единичность, они легко подводятся под класс типовых, имеющих отношение в каждом конкретном случае к понятийному со-

⁷ По мнению О.С. Сергиенко (2015: 103–105), в тех случаях, когда редуцированный вариант пословицы оформляется с интонацией завершенности, “автор преследует определенную стилистическую цель” – создается «иллюзия нормативности, обычности употребления сокращенного варианта».

держанию исходного варианта паремии. В подобных случаях мы не может отрицать фактов воспроизведения паремиологических единиц, поскольку налицо оживление связи между новой материальной оболочкой паремиологического знака и устойчивой частью его содержания. И тот, кто использует в речи паремию в преобразованном виде, и тот, кто воспринимает окказиональный вариант паремии, осознают, что паремиологический знак, несмотря на трансформированность внешней формы и семантические приращения, “повторяется” в контексте культуры, а значит, выполняет свою знаковую функцию. Разумеется, в случае, если трансформ паремии приобретает новое значение, то есть композиты узнаваемой паремии⁸ употребляются в таких сочетаниях, которые используются для обозначения ситуации, принципиально отличной от репрезентированной каноническим вариантом паремии, реципиенту трансформа паремии будет понятно, что говорящий прибегает не к воспроизведению провербального знака, а к мотивированной совершенно иными целями игре с композитами паремии.

3.2. Использование ключевых слов паремии в качестве свернутых обозначений пропозиционального содержания паремиологического знака

Особое место в системе классических средств усиления выразительности занимает аллюзия – намек на прецедентное событие, прецедентный текст. Так называемая “текстовая аллюзия” (Москвин 2014: 43) основана на использовании в речи некоторого сигнального языкового средства, отсылающего к прецедентному тексту. Это может быть, по мнению В.П. Москвина (2014: 43), “отдельное слово или вариант слова, способные обеспечить ассоциативную “привязку” к конкретному прецедентному тексту”, “ряд однословных единиц, не отражающих компонентной, позиционной и грамматической структуры исходного текстового фрагмента”.

В терминосистемах, представляющих филологические подходы к описанию интертекстуальности, “знаки «чужого» голоса” (Махова 2014: 142), “сегменты содержательной структуры текста (...), вовлеченного в межтекстовые связи” (Сидоренко 2005: 143) получают назва-

⁸ Под композитом паремии понимается некоторая комплексная единица, представляющая композиционное звено в структуре паремии и характеризующаяся определенной функцией в составе целого (предложно-падежный комплекс; фрагмент паремии, представленный сочетанием компонентов).

ние интертекстем⁹. Если в качестве претекста проявляет себя паремия, то роль минимального сигнального средства (“репрезентанта аллюзии” (Москвин 2014: 43), связывающего претекст и новый текст, выполняет, как правило, ключевое слово/ключевое сочетание слов паремиологической единицы.

Регулярность использования ключевого слова как конструктивного элемента, выделяемого в качестве основы для трансформаций фразеологизмов и пословиц, не осталась незамеченной в лингвистике (Мелерович, Мокиенко 1997; Nováková 1998; Федорова 2007; Сергиенко 2015).

Белорусский исследователь И.Г. Гомонова (2018) осуществила классификацию вариантов сокращения паремий, связываемого с выделением ключевого слова/ключевых слов. Анализ был ограничен контекстами, содержащими метаоператоры *поговорка, пословица, народная мудрость* в сочетании с предлогами *о, про, насчет*. Опираясь на выводы А.А. Потебни, к которым ученый приходит в результате анализа процессов формирования пословиц на базе басен и поговорок на базе пословиц, И.Г. Гомонова акцентирует внимание на том, что рассматриваемые ею варианты сокращения паремиологических единиц, как и редукция паремий вообще, есть не что иное, как речевое воплощение процедуры “сгущения мысли”:

Рассуждая о сжатии пословицы, А.А. Потебня имеет в виду процесс фразообразования (Старого воробья на мякине не проведешь → старый воробей; Собака на сене лежит, сама не ест и скотине не дает → собака на сене и т. п.), однако значительная часть его наблюдений может быть отнесена к редукции паремий вообще. А.А. Потебня указывает на то, что пословица представляет отношения между абстрактными величинами, которые обычно конкретизируются в тексте. Характер отношений, зафиксированный в пословице, при этом сохраняется (Гомонова 2018: 54).

Содержание паремиологической единицы с использованием метаоператоров *поговорка, пословица, народная мудрость* в сочетании с предлогами *о, про, насчет* может быть передано, по наблюдениям И.Г. Гомоновой (2018), четырьмя способами, различающимися степенью “сжатия паремии”:

⁹ Вслед за К.П. Сидоренко считаем, что термин “интертекстема” целесообразно применять по отношению к наименьшим единицам, манифестирующим интертекстуальные отношения (Сидоренко, 2002: 317). Существует и более широкое понимание интертекстемы (см. подробнее в Москвин 2014).

1) субстантивным компонентом, представляющим ключевое слово или одно из ключевых слов паремии (таким структурам свойственна самая высокая степень редукции):

Скорпионы, не беритесь за несколько дел одновременно. Хотя поговорка про зайцев тут не актуальна – вы все сделаете. Но вымотаетесь безумно (Глоба 2008) (исходная паремия – За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь);

2) субстантивным словосочетанием, это словосочетание является ключевым для паремии либо содержит в себе ключевое слово или одно из ключевых слов паремии в качестве опорного компонента:

Вопреки поговорке про первый блин, а также многолетним наблюдениям над такого рода стартапами, фестиваль короткометражных фильмов, завершившийся в Калининграде, удался с первого захода (Юсипова 2013) – Первый блин всегда комом;

3) двумя субстантивами (паремийным биномом), связанными сочинительным союзом *и*:

Идея сезонных распродаж не один десяток лет, а возможно и веков, если вспомнить известную поговорку о санях и телеге (Викторов 2008) – Готовь сани летом, а телегу – зимой;

4) субстантивом или субстантивным словосочетанием (ключевым для данного устойчивого выражения), распространенным определением, выраженным причастным или адъективным оборотом, либо придаточной частью с определительным значением; в этом варианте трансформаций наблюдается невысокая степень редукции, граничащая с вольной передачей содержания паремии:

Ведь лучшие и самые мощные порты на Балтике отошли к чужим теперь прибалтийским странам, которые успешно воплощают в жизнь поговорку о дорогом перевозе телушки, купленной за полушку (Костров 2001) – За морем телушка – полушика, да рубль перевоз;

Если вы всецело согласны с поговоркой о телеге, которую нужно готовить зимой, тогда скидки на велосипеды и роликовые коньки для вас (Девятов, Барсова 2010) – Готовь сани летом, а телегу – зимой.

Как видим, контексты содержат сигнальные средства, свидетельствующие о повторе при обозначении окказиональной ситуации некоторых элементов пропозиционального содержания паремиологических единиц: *браться за несколько дел одновременно* = ‘гнаться за двумя зайцами’,

первый заход = ‘первый блин’, *сезонная распродажа* = ‘летом’, ‘зимой’ и т.д. Эти сигнальные средства не только маркируют частичное сходство окказиональной ситуации с прецедентной ситуацией, но и способствуют актуализации имплицированных значений паремий, содержание которых передается в сжатом или перефразированном виде.

Обратим внимание также на то, что в первых трех случаях содержание паремии не раскрывается, хотя и “держится в уме” в качестве фонового знания, а в структурах, отнесенных к случаям низкой степени редукции, граничащей с вольной передачей содержания паремии, – оно частично либо полностью эксплицируется. По-видимому, только в первых трех структурных вариантах передачи содержания паремии можно действительно говорить о “сгущении мысли” и об аллюзии – намеке на прецедентный текст¹⁰. Подобные свернутые обозначения пропозиций представляют нижний порог компрессии содержания паремиологической единицы.

Использование метаоператоров *пословица*, *поговорка*, *народная мудрость*, *принцип* и т.п. при введении в текст свернутых обозначений пропозиционального содержания паремиологических единиц отчасти противоречит природе аллюзии как намека на прецедентный текст¹¹. Однако более релевантным признаком, чем отсутствие ссылки на источник “чужого” слова, для идентификации аллюзии в данном случае становится проявление одной из важнейших семантических особенностей аллюзии, которая заключается, как пишет В.П. Москвин со ссылкой на В.А. Кухаренко и М. Риффатера, в компрессивности – номинативной свертке исходного текста, “замещающей” его содержание (Москвин 2014: 44).

¹⁰ Мнения паремиологов относительно того, какие именно случаи употребления паремий относить к аллюзии, различаются. Исследователь О.С. Сергиенко (2015: 127–129) считает, что при аллюзии структура пословицы как устойчивого словесного комплекса распадается полностью и используется только ключевое слово либо отдельные компоненты (два-три слова) пословицы, чаще всего образные, употребляемые либо в той же, как в исходном варианте паремии, либо в измененной грамматической форме. Т.А. Наймушина (1984: 13) понимает аллюзию шире и относит к аллюзии не только максимально редуцированные, но и развернутые (перифрастические) ссылки на паремиологические единицы.

¹¹ В.П. Москвин считает, что важной характеристикой “номинативной техники” аллюзии является отсутствие ссылки (Москвин 2014: 43–44).

3.3. Текстовые реализации предложно-падежного комплекса на безрыбье в качестве репрезентанта содержания паремии-претекста

Текстовую аллюзию в классическом виде наблюдаем в тех случаях, когда отдельный композит паремии, отсылающий к паремии-претексту, используется вне конструкции “поговорка/пословица/народная мудрость о (про, насчет)...”. Проанализируем особенности употребления в текстах НКРЯ предложно-падежного комплекса *на безрыбье* как композита широко известной паремии *На безрыбье и рак рыба*.

Паремиологической единице *На безрыбье и рак рыба* свойственно следующее значение: “За неимением кого-л. или чего-л. лучшего следует довольствоваться тем, что есть, обходиться малым” (СРП 2007: 27). Словарные дефinitionи паремии содержат указание на типичные прагматические функции провербальной единицы: “Говорится в оправдание вынужденной неразборчивости; часто – как выражение негативной оценки того, чем довольствуются” (СРП 2007: 27).

Означаемое провербального знака представляет тип логической пропозиции – оценочной по своей сути: в условиях отсутствия лучшего и нечто ущербное (неподходящее, не соответствующее желаемому) хорошо. Денотативная ситуация представлена только одним партиципантом – наличествующим ущербным объектом оценки. В семантической же структуре предложения, изоморфной логической пропозиции, два партнера, связываемые отношениями отождествления на основе замены одного другим (наличествующий объект, не отвечающий притязаниям на лучшее, и отсутствующий, желаемый объект, который подменяется наличествующим), и сирконстант, конкретизирующий условия, в которых осуществляется отождествление замещающего и замещаемого объектов. Сирконстант, представленный словоформой *на безрыбье*, в своем глубинном значении является свернутым обозначением пропозиции со значением отсутствия/недостатка.

Пропозициональная природа словоформы *на безрыбье*, образный формат концептуализации, общеизвестность паремии, в которой данная словоформа используется для выражения семантики отсутствия, – все это обусловило то, что предложно-падежный комплекс *на безрыбье* приобрел свойство функционировать в качестве “отпословичного обозначения-символа” (термин Н.Н. Федоровой (2007: 11), ключевого слова, являющегося репрезентантом аллюзии. Это свойство фиксируется в толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова (ТСРЯ 2007: 57); в “заромбовой” части дефиниции слова *безрыбье* находим: “На безрыбье (разг.) – при

отсутствии чего-нибудь (из пословицы: на *безрыбье и рак рыба*)". Свидетельством закрепления в языке за словом *безрыбье* вторичного значения и в то же время актуальности связи этого слова с текстом-источником является фиксация в словаре В.Н. Тришина (2013) в ряду синонимов к слову *безрыбье* слова *безрачье*, явно обладающего "родственным" интертекстенным статусом.

Косвенным свидетельством незавершенности процесса "отрыва" слова *безрыбье*, употребляемого в метафорическом значении, от паремии-претекста, равно как и неустойчивости фразеологического статуса предложно-падежного комплекса *на безрыбье*, является то, что для подчеркивания переносного значения слово *безрыбье* в своих текстовых реализациях порой закавычивается, а в составе используемого автономно предложно-падежного комплекса *на безрыбье* предлог *на* не включается в кавычки:

Мысль о Калягине пришла совсем не от ощущения "безрыбья", напротив. Она пришла от реальной встречи с актером, которого я уверенно могу назвать эталонным, образцовым (Эфрос 1975–1987);

Злостные феминистки появляются на "безрыбье", ведь по статистике на десять девчонок по-прежнему приходится девять ребят (Лебедина 2007).

Понятно, что употребление предложно-падежного комплекса *на безрыбье* только при наличии определенного рода детерминаций в контексте может свидетельствовать о явной или неявной связи этого сигнального средства с типовой ситуацией, обозначаемой паремией. Анализ материала показал, что здесь возможны следующие случаи маркирования данной связи:

1) использование метаоператоров (лексических и/или графических, синтаксических средств), сигнализирующих об отсылке к прецедентной единице:

- (1) *Но, надо признаться, картинки были довольно расплывчаты и с ними мирились по принципу "на безрыбье..."* (Лалаянц 2003);
- (2) *В программе фестиваля окажется больше спектаклей, чем номинантов: организаторы не хотят, чтобы премия раздавалась по принципу "на безрыбье и..."* (Кретова 2006);
- (3) *А выглядит всё очень аппетитно. [Medio, жен] Ну, это, правда, из разряда "На безрыбье..."* (коллективный 2014);
- (4) *Он уже побелел от напряжения, но голос звучал неплохо, твердо: – Иначе неинтересно жить. Мне самое легкое влюбиться в тебя. На безрыбье...*

- *И тебе неважно, как я к тебе отношусь?* – спросила снизу Рита, сбитая с толку (Полонский 1966–1968);
- (5) *Моя лаборантка Катенька поставила диагноз: “Не герой, но на безрыбье...” И еще раз посмотрела на меня оценивающие, прикинула, видимо, так и эдак: “Вам подходит, Нин Сергеевн, в самый раз!”* (Андронова 2008);
- (6) *Похоже, люмпен поэтизировался, что называется, на безрыбье: ну не собственника-крестьянина, не интеллигента бесхребетного, не буржуя же кро-вососущего воспевать!* (Зябликов 2013).

Многоточие (в устной речи пауза) как сигнал умолчания, недоговаривания является универсальным средством маркирования усечения, редукции паремии (1–5) и даже при отсутствии лексических метаоператоров *принцип*, *разряд* и т.п. (4, 5) может свидетельствовать об обращении пишущего/говорящего к прецедентной единице. Факультативны лексические метаоператоры при написании композита паремии с большой буквы и автономном (4) или в составе синтаксической единицы (5) его употреблении с многоточием. Наличие лексических метаоператоров (*принцип*, *разряд* и т.п.) при закавыченном употреблении полнооформленной паремии говорит обычно о функционировании паремии в статусе фразовой номинации, при закавыченном употреблении минимального фрагмента паремии – о функционировании паремии в статусе свернутой фразовой номинации (1, 2, 3). Употребление вводной конструкции *что называется* при незакавыченном композите паремии (6) говорит о том, что этот композит включен в живые синтаксические связи и используется в качестве свернутого обозначения типовой ситуации. На то, что окказиональная ситуация связана с типовой (прецедентной) ситуацией, обозначенной паремией, указывают иные сигнальные средства.

2) воспроизведение релятивной структуры пропозиции:

а) эксплицитное представление ущербного, проигрышного партнера (с раскрытием или без раскрытия его ущербных признаков) – того, чем или кем приходится довольствоваться в ситуации отсутствия/нехватки желаемого, – и эксплицитное выражение его общей положительной/удовлетворительной функциональной оценки:

У “Осы”, которая на безрыбье хоть что-то, главный недостаток не малая энергия, а отвратительная надежность, обусловленная просто издевательской конструкцией... (Зубарев 2003);

Эти приборы были разработаны еще в семидесятых годах, отличались техническим несовершенством и вообще давно отслужили свой век. И хотя “рошки” в этом смысле были очень далеки от идеала, но на безрыбье они были незаменимы (Валеева 2002).

Репрезентация ущербного, проигрышного партиципанта может осуществляться с использованием прямых (см. ниже 1, 3) либо косвенных (метафорических) (2) обозначений, то же можно сказать и способах выражения его положительной оценки (специальные языковые средства выражения оценки (1, 2), окказиональные (3)), сравн.:

- (1) *А что делать? На безрыбье и троеник сойдет.* Однако в ближайшее время научное сообщество может осознать: лучше сделать более жесткий отбор и принять активное участие в подготовке будущих студентов, чем потом маяться с неучами (Староверова 2010);
- (2) *Наша команда завоевала две медали – бронзовые. Очередное золото – у дуэта синхронисток Анастасии Ермаковой и Анастасии Давыдовской. А российские ватерполистки вышли в четвертьфинал с первого места в группе. На безрыбье и этот улов дорог,* учитывая, что награды пришлось выгрывать у конкурентов (Сомов 2007);
- (3) *Лимонов прекрасно знает главную особенность российской политики – она сегодня невероятно скучна, забюрократизирована, набита со всех сторон ротами вот таких Касьяновых, в какие бы партии они ни входили. Любая яркая фигура – хоть с искорками харизмы – обречена на популярность. Преснятину хочется заесть хоть лимоном. На безрыбье и Эдичка – Дантон* (Васильева 2006).

Заметим, что при полном воспроизведении структурно-семантической модели паремиологической единицы для обозначения окказиональной ситуации (3) паремиологи говорят об образовании трансформов паремий, основанных на замене компонентов. Такие трансформы по своей семантике действительно “ближе” к прецедентной паремиологической единице, чем те, в которых наблюдаются комбинированные трансформации или, по выражению М. Новаковой, остается только ключевое слово и намек на форму (Новакова 1998: 256):

И тут кто-то вспомнил о Георгии Ярцеве. На безрыбье – чем не претендент? И футболистом был неплохим, и в 1996 году “Спартак” к золотым медалям привел (Плющев 2003);

В общем, сколько бы ни говорили венецианские снобы-кинокритики, что “на безрыбье конкурсной программы и золотая рыбка Поньо, мультипликационная героиня японской сказки Хаяо Миядзаки, может превратиться в «Золотого льва»”, Венецианский фестиваль доказал, что игровое кино по-прежнему может побеждать, а Голливуд – быть в майнстриме (Иринин 2008).

Границы между трансформированными вариантами паремий/употреблениями композита паремии в контекстах, в которых обозначение

окказиональной ситуации лишь отчасти соотносится с “абстрактными величинами” исходной паремиологической единицы, и использованием слова *безрыбье* в метафорическом значении вне связи с типовой ситуацией очень зыбкие. Определенность этим границам придает учет типа отношений между партиципантами и к партиципантам.

б) выражение отношения “подмены” отсутствующего лучшего партиципанта наличествующим ущербным на основании их функционального тождества, эти отношения эксплицируются в структурах со значением вынужденного выбора проигрышного партиципанта в ситуации отсутствия чего-то лучшего или со значением довольствования тем, что есть, в отсутствии чего-то другого, лучшего:

Так, Дмитрий Дюмин из “Вера-Олимпа” говорит, что сейчас на рынке нет компаний, которые можно было бы купить: “Gallery надо увеличивать долю рынка, вот на безрыбье и пришлось купить «Реку»” (РБК Daily 2007);

После ухода из спорта Виталия Кличко в супертяжелом дивизионе не осталось героев, которые могли бы собирать на свои бои многомиллионную аудиторию. На безрыбье боксерские боссы вспомнили о порядке заржавевшем Железном Майке (Коробатов 2005);

Речь не только об Энди Марре, которого в Лондоне поддерживает условно своя публика (вообще-то, Энди шотландец, но на безрыбье англичане готовы болеть даже за него) (Беляева 2012).

Как видим, в связи с воспроизведением представленных в паремии-претексте отношений между “абстрактными величинами” (отношений к партиципантам, между партиципантами) качественно иная семантика предикатов в окказиональных структурах с предложно-падежным комплексом *на безрыбье* не приводит к разрушению связи этого комплекса с паремиологической единицей.

При невыраженности такого рода отношений можно говорить о неактуальности связи предложно-падежного комплекса *на безрыбье* с прецедентной паремиологической единицей:

- (1) *Молодой вратарь “Локо” – приятное исключение на нашем хоккейном вратарском “безрыбье”* (Нестеров 2008);
- (2) *Юрий Богомолов, телевизионный критик: – Передача с О. Попцовым и А. Лукашенко выделялась на фоне летнего безрыбья* (Труд-7 2005);
- (3) *Злостные феминистки появляются на “безрыбье”, ведь по статистике на десять девчонок по-прежнему приходится девять ребят* (Лебедина 2007);

(4) Двадцать минут в сутки ищу квартиру, остальное время употребляю на сон и путешествия – на базар, озеро, в столовую. Сильно загорел. Можно в парк. Спать еще рано. *** 24 июня. Опять безрыбье. Целыми днями таскаюсь из угла в угол, и все безрезультатно. С прежней квартиры меня выпроводили дипломатически вежливо. Хорошо, что я успел найти другую (Батюто 1943).

В контекстах (1, 2) партиципант не характеризуется как ущербный, проигрышный; (3) партиципант не получает общей положительной оценки и не выражается значение выбора партиципанта/довольствования партиципантом; (4) ущербный и отсутствующий партиципанты в ближайшем контексте вообще не обозначены, соответственно, не выражаются никакие отношения, связанные с ними.

В заключение заметим, что предложно-падежный комплекс *на безрыбье* в настоящее время активно используется с целью намека на президентскую ситуацию, представляющую означаемое паремии, причем не только в качестве вкраплений в речь, но и в качестве названий разного рода видеопродукции, адресованной массовому зрителю или специальной публике, объединяющей общим интересом. Это, к примеру, название одной из серий цикла короткометражных сатирических фильмов “Городок” – “На безрыбье... (Вернисаж)” (см. Рисунок 1, Рисунок 2), а также название блога “На безрыбье”, посвященного критическому обзору компьютерных игр, мемов, виарчата и т.п.¹² Сатирическое (в фильме) и критическое (в обзорах) содержание видеопродукции актуализирует известное адресату значение паремии.

Рисунок 1. Кадр из фильма “На безрыбье... (Вернисаж)”

Художник Рыбенс
“На безрыбье и Рак Рыба”

Рисунок 2. Финальный кадр фильма

¹² Критические обзоры размещены на видеохостинговом сайте YouTube по ссылкам: www.youtube.com/watch?v=9t9dukhgP2I; www.youtube.com/watch?v=990bROj9WRg и др.

4. Выводы

1. Воспроизведимость языковых знаков в своем научном определении подобна кантовской “вещи в себе”, а вернее, “вещи самой по себе”. Трудно достичь искомой точности в дефинициях воспроизведимости, так как задача сопряжена с нахождением постоянства в изменчивом. Мы можем только фиксировать явление воспроизведимости в каждом конкретном случае как факт актуализации ассоциативной связи между материальной репрезентацией знака и значением, детерминируемым взаимодействием устойчивой части понятийного содержания знака и функции, которой наделяется знак в линейном ряду.

2. Существует несколько причин, по которым паремии при употреблении в речи подвергаются существенным трансформациям: 1) гибридная семиотическая природа паремиологических единиц (пропозициональность семантики, возможность варьирования модальных значений); 2) членимость паремий на компоненты, которые в системе языка являются полнозначными словами, что обуславливает прозрачную мотивированность семантических ролей этих слов в структуре паремии и допускает их замену; 3) иерархическая организация семантической структуры, позволяющая оживлять связь трансформа с понятийным содержанием исходного варианта паремии даже в случаях воспроизведения только абстрактных, семантико-сintаксических значений паремиологической единицы.

3. Сохранение при трансформации паремии константной части понятийного содержания паремиологической единицы свидетельствует о воспроизведении паремиологического знака в его окказиональной материальной оболочке, имеющей непременно нечто общее с материальной оболочкой канонического варианта. Узнавание этого общего зиждется на культурных компетенциях носителей языка. Оживление связи между трансформом паремии и денотатом канонического варианта паремиологической единицы основывается на использовании средств, участвующих в воспроизведении реляционной структуры пропозиции.

4. Обозначение типовой ситуации, знаком которой выступает паремия, в свернутом виде (ключевым словом, сочинительным сочетанием ключевых слов, сочетанием ключевого слова с распространителем) в составе структуры “*пословица/поговорка/народная мудрость о (про, на счет...)*” есть способ обращения к содержанию паремии с целью намека на прецедентную ситуацию. Средствами, раскрывающими связь репрезентанта аллюзии с паремией-претекстом, являются метаоператоры; средствами актуализации имплицированных значений паремии и рас-

крытия оснований аллюзии – эксплицитная репрезентация сходных элементов пропозиции при обозначении окказиональной ситуации.

5. Текстовая аллюзия в классическом виде наблюдается в тех случаях, когда отдельный компонент паремии, отсылающий к паремии-претексту, используется вне структур типа “*пословица о...*”. Для дешифровки связи автономно употребленного композита паремиологической единицы с паремией-претекстом и прецедентной ситуацией используются специальные средства объективации интертекстуальности (графические, лексические, синтаксические метаоператоры) и средства, участвующие в воспроизведении структуры пропозиции паремиологической единицы.

Библиография

- Архангельский, Владимир А. 1968. Методы фразеологического исследования в отечественном языкоznании. В: *Вопросы лексики и фразеологии современного русского языка*. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета.
- Балли, Шарль. 2001. *Французская стилистика*. Москва: Эдиториал УРСС.
- Вайнрих, Харальд. 1987. Лингвистика лжи. В: Петров (ред.). *Язык и моделирование социального взаимодействия*. Москва: Прогресс. 44–88.
- Вальтер, Харри; Мокиенко Валерий. 2006. *Антипословицы русского народа*. Санкт-Петербург: Издательский дом “Нева”. 2006.
- Гаспаров, Борис М. 1996. *Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Гомонова, Инна Г. 2018. Редукция как один из способов дискурсивной реализации паремий. В: *Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. № 1 (106)*. 54–58.
- Дымарский, Михаил Я. 2013. От моделей предложения к моделированию высказывания. В: *Славянское языкоzнание. XV Международный съезд славистов, Минск, 2013. Доклады российской делегации*. Москва: Индрик. 308–330.
- Жуков, Влас П. 2000. Предисловие. В: Жуков, Влас П. *Словарь русских пословиц и поговорок*. Москва: Русский язык. 9–21.
- Иванова, Елизавета В. 2006. *Мир в английских и русских пословицах*. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ.
- Караулов, Юрий Н. 1996. Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента. В: Уфимцева, Наталья В. (ред.). *Этнокультурная специфика языкового сознания*. Москва: РАН. Ин-т языкоzнания.
- Карцевский Сергей О. 1965. Об асимметричном дуализме лингвистического знания. В: Звегинцев Владимир А. (ред.) *История языкоzнания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях*. Ч. 2. Москва: Просвещение. 85–93.

- Красных, Виктория В. 2012. *Основы психолингвистики*. Москва: Гнозис.
- Лотман, Юрий М. 2002. *История и типология русской культуры*. Санкт-Петербург: "Искусство-СПб". <http://knigi.link/kultura/semiotika-problema-znaka-31343.html>. Дата доступа: 11.08.2018.
- Махова, Анна А. 2014. Типы и функции интертекстов в журналистском дискурсе. В: *Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 20 (191). Выпуск 23*. 142–149.
- Мелерович, Алина; Мокиенко Валерий. 1997. Введение. В: Мелерович, Алина; Мокиенко Валерий. *Фразеологизмы русской речи*. Москва: Русские словари. 3–44.
- Москвин, Василий П. 2014. Аллюзия как фигура интертекста. В: Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ "Границы познания". № 1(28). Январь 2014. 43–47. www.grani.vspu.ru. Дата обращения: 12.08.2018.
- Наймушина, Татьяна А. 1984. *Пословицы и поговорки в художественном тексте*. Канд. дисс. Ленинградский Ордена Ленина и Ордена Красного Знамени университет им. А.А. Жданова. Ленинград.
- Налимов, Василий В. 1979. *Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков*. Москва: Наука.
- Ничипорчик, Елена В. 2010. Дискурс → текст → дискурс → текст ... (паремический текст как фиксированный результат дискурсивного процесса). В: Aleksiejenko, Michał; Walter, Harry (red.) "Słowo. Tekst. Czas X": Jednostka frazeologiczna w tradycyjnych i nowych paradigmach naukowych. Szczecin, Greifswald. 413–421.
- Ничипорчик, Елена В. 2015. *Отражение ценностных ориентаций в паремиях*. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины.
- Ничипорчик, Елена В. 2016. *Отражение ценностных ориентаций в паремиях: лингвокогнитивный, сопоставительный и социопсихолингвистический аспекты*. Док. дисс. Белорусский гос. ун-т. Минск.
- НКРЯ: Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>.
- Норман, Борис Ю. 2004. *Теория языка. Вводный курс*. Москва: Флинта, Наука.
- Пермяков, Григорий. А. 1975. К вопросу о структуре паремиологического фонда. В: *Типологические исследования по фольклору. Сб. ст. памяти В. Я. Проппа*. Москва. 247–275.
- Потебня, Александр А. 1990. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. В: Потебня Александр А. *Теоретическая поэтика*. Москва: Высшая школа. 55–131.
- Савенкова, Людмила Б. 2002. *Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты*. Ростов на Дону: Изд-во Рост. ун-та.
- Селиверстова, Елена И. 2009. *Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость*. Санкт-Петербург: МИРС.

- Сергиенко, Олеся С. 2015. *Нормативность и вариативность чешских и словацких пословиц*. Санкт-Петербург: С.-Петербург. гос. ун-т.
- Сидоренко, Константин П. 2005. От крылатого слова к интертекстеме (межуровневая проекция). В: Алексеенко, Михаил; Мокиенко Валерий (ред.) *Границы слова: сборник научных статей к 65-летию проф. В.М. Мокиенко*. Москва: ЭЛПИС, 2005.
- СРП: Мокиенко, Валерий М. и др. 2007. *Словарь русских пословиц: ок. 1 000 единиц*. Мокиенко, Валерий (ред.). Москва: Астрель: АСТ.
- Тришин, Виталий Н. 2013. *Словарь синонимов ASIS*. <https://dic.academic.ru>. Дата обращения: 23.08.2018.
- ТСРЯ: Ушаков, Дмитрий Н. (ред.). 2007. *Толковый словарь русского языка*. Москва: Астрель: Хранитель.
- Федорова, Наталья Н. 2007. *Современные трансформации русских пословиц*. Канд. дисс. Псковский государственный педагогический университет им. С.М. Кирова. Великий Новгород.
- Черкасский, Михаил А. 1978. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы: (Пословицы и афоризмы) В: Пермяков Григорий Л. (ред.) *Паремиологический сборник. Пословица. Загадка (Структура. Смысл. Текст)*. Москва: Наука. 35–52.
- Boggione, Valter. 2007. Lògos, dialogo, letteratura In: Boggione, Valter; Massobrio, Lorenzo. *Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi*. Torino: UTET, XXIII–XLVIII.
- Mieder, Wolfgang. 1998. Verdrehte Weisheiten.: Antisprichwörter aus Literatur und Medien. Wiesbaden: Quelle & Meyer.
- Nováková, Marie. 1998. All that glitters on the newspapers is not proverb. Worked on the basis of the material from the Czech National Corpus. In: Europhras'97. Phraseology and Paremiology. Bratislava: Akademia PZ. 250–256.

Reproducible and variable in the textual implementations of proverbs

Summary

Reproducibility of linguistic signs is observed in the process of communication and manifested in the actualisation of the associative relation between a material representation of a sign and the meaning that is determined in every particular case by cooperation of the stable part of the conceptual content of the sign and the function that is attributed to the sign in a linear series.

Reproducibility is an essential feature of paremiological units. Combination of linguistic and speech attributes in the nature of proverbs, dividedness of proverbs on components which represent meaningful words in a language system, hierarchical

organisation of semantic paremiological structure determine the distinctness of manifestation of reproducibility. The canonical form of a paremiological unit when used in speech can incur substantial changes: 1) reduction; 2) extension; 3) rearrangement of components; 4) substitution of components; 5) composite structural transformations and etc. Preservation of the constant part of the conceptual content of a paremiological unit indicates reproduction of the paremiological sign in its occasional shell that absolutely has something in common with the material shell of the canonical variant. Recognition of that commonality is based on cultural competences of a language speaker. Actualisation of the relation between a transform of a proverb and the denotatum of the canonical variant of the paremiological unit is based on the use of the means that participate in reproduction of the relational structure of proposition of the canonical proverb.

The use of a keyword/keywords in the function of a reduced designation of the propositional content of a proverb is observed in the scope of structures like "proverb about...". Reduced notations of the propositional content of a proverb, autonomous uses of a paremiological component out of structure "proverb about..." represent the lower boundary of paremiological sign compression and are used to allude to a precedent (typical) situation. Special means of intertextuality objectivation (graphical, lexical, syntactical metaoperators) reveal the relation between an allusion mean and a proverb-pretext. Explicit representation of elements of a proposition of the canonical proverb in designation of an occasional situation is the mean of the actualisation of implicit meanings of a proverb and revelation of the allusion foundation.

Ольга Орлова
Институт языкоznания РАН
Россия
<https://orcid.org/0000-0002-4998-1503>

Тема рождения и её табуирование в русских и английских фразеологизмах

Аннотация. Статья посвящена анализу русских и английских фразеологизмов, с помощью которых эвфемизируется в речевой культуре тема рождения. Выделяются образы, лежащие в основе фразеологизмов, употребляющихся с эвфемистической функцией в russkoyazychnoy и anglojazychnoy культуре.

Ключевые слова: *фразеологизм, эвфемизм, беременность, рождение, фразеологизм-эвфемизм*

1. Введение

Тема рождения одна из наиболее деликатных тем во всех культурах мира. На ранней стадии развития народов тема рождения воспринималась как пугающая. Беременные и молодые матери в первое время после родов считались “полупокойницами”, находящимися между жизнью и смертью, которых пытались разными способами уберечь от злых духов (Кабакова 2009: 461). Беременность и роды были окружены суевериями и сопровождались различным обрядами, ритуалами, заговорами и т.п. На протяжении всей беременности и во время родов использовались магические приёмы, направленные на их облегчение. Так, у славянских народов и в английской культуре было принято для облегчения мук роженицы открывать двери и окна, развязывать узлы, читать особые молитвы и т.д. (Кабакова 2009: 451). Во время беременности и после родов женщины сталкивались с различными ограничениями и запретами. Например, в отдельных регионах у древних славян в течение сорока дней до и после родов женщине в силу суеверий запрещалось заниматься домашними делами, месить хлеб, накрывать на

стол, ткать, шить, прядь, разводить огонь, мести пол, доить корову, кормить животных и т.п. (Кабакова 2009: 461). Народные суеверия нашли отражение и в языке. Помимо запретов на определённые действия, существовали запреты на произнесение некоторых слов, употребляющихся при затрагивании темы беременности и родов, чтобы нечистая сила не услышала и не навредила матери и ребёнку. Для замены табуированных слов и выражений появились эвфемизмы, первоначально функционировавшие в речи как “разрешённые слова, которые употребляют вместо запрещённых” (Реформатский 1996: 56). Так, обращаясь к теме рождения, в русской культуре вместо “беременная” говорили *непраздная, занятая, тяжёлая* и т.п.; в английском языке употребляли эвфемизмы *heavy of foot, lined, great* и т.п. Значение приведённых эвфемизмов понятно и современным носителям языка, однако данные эвфемизмы являются устаревшими, и услышать их в современной речи можно крайне редко.

В современной русскоязычной и англоязычной культуре функция табуирования у эвфемизмов практически утрачена. В настоящее время эвфемизм понимается как “слово или выражение, употребляемое взамен другого, которое по каким-либо причинам неудобно или нежелательно произнести” (Евгеньева 1988: 746). В основе эвфемизмов лежит принцип непрямой номинации, который позволяет выразиться иносказательно, используя подходящие в данной ситуации слова, и быть понятым правильно. Под принципом непрямой номинации понимается “преднамеренно иносказательное обозначение объекта” (Орлова 2019: 381), примеры чего мы можем наблюдать в эвфемизмах. Ср.: рус. *случайный ребёнок* вместо *внебрачный ребёнок*, англ. *born out of wedlock* вместо *born to an unmarried mother* и т. п. В современном обществе эвфемизмы употребляются с целью смягчения речи и/или вуалирования существа дела; в обиходно-бытовой сфере на передний план выходит этикетная функция эвфемизмов, а в социально-политической – оказание нужного воздействия на адресата (Орлова 2018: 1398). Однако нельзя полностью исключить следы прежней функции, если и в современной культуре при затрагивании темы беременности и родов продолжают использоваться иносказательные выражения. Ср.: рус. *ждать ребёнка, готовиться стать матерью, ожидать прибавления в семье* и т. п. вместо *быть беременной*, и англ. *expectant/expecting, in a delicate (or certain or interesting) condition, tit-to-be* и т.д.

Эвфемизмом может выступать как одно слово, так и выражение. С эвфемистической целью могут употребляться фразеологизмы. “Фразеологизм – это сверхсловное наименование, значение которого не вы-

водится из прямого значения составляющих его компонентов” (Ковшова 2007: 157). Об эвфемистической функции фразеологизмов пишет М.Л. Ковшова (Ковшова 2007: 168), отмечая, что эвфемизмы, как и фразеологизмы, устойчивы (Ковшова 2007: 168) и характеризуются семантической неопределенностью (Ковшова 2007: 173). “Фразеологизм раздваивает понимание, присущей ему двойственностью – фразеологизм обладает точным, словарным значением, с одной стороны, и абсурдным, случайно возникшим и закрепившимся во фразеологизме образным выражением ситуации, с другой” (Ковшова 2007: 179–180). Ср.: рус. *нашли в капусте, аист принёс*; англ. *we found you in a cabbage patch, the stork brought you* вместо *мать родила*. Тропическая природа фразеологизмов обеспечивает механизм порождения их семантической неоднозначности (Ковшова 2007: 177), что делает их подходящим материалом для смягчения и вуалирования.

Однако отметим, что, по М.Л. Ковшовой, эвфемистическая функция не принадлежит фразеологизму только на основании его семантической неопределенности, диффузности значения, ассоциативной размытости, оценочной амбивалентности (Ковшова 2007: 237). Фразеологизмы могут как использоваться говорящим в роли эвфемизмов, так и не использоваться (Ковшова 2007: 237). Ср.: англ. *неэвф. be child's play (to be very easy)* и *эвф. be with child (to be pregnant)*; рус. осуждающее *пузо на нос лежит, ветром надуло и в подоле принесла* (о женщине, забеременевшей вне брака), и *эвф. в интересном (делicate, счастливом, таком) положении* вместо *беременна*.

Тема рождения предполагает широкий спектр эвфемизации. При затрагивании темы рождения используются эвфемизмы для непрямого именования беременности (в т.ч. ранней, поздней, незапланированной и беременности вне брака), беременной женщины, роженицы, процесса родов, самого рождения, ребёнка, находящегося внутри матери, новорожденного, детей, рождённых вне брака, различных медицинских операций, связанных с беременностью и родами, и больничной сферы. Данная статья посвящена русским и английским фразеологизмам, с помощью которых эвфемизируется тема рождения. Источником материала исследования послужили словари эвфемизмов русского и английского языка: *Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов* М.Л. Ковшовой (Ковшова 2007), *Словарь эвфемизмов русского языка* Е.П. Сеничкиной (Сеничкина 2008), *Словарь эвфемизмов английского языка* Н. Rawson (Rawson 1981) и *Словарь эвфемизмов английского языка* R.W. Holder (Holder 2008); *Большой словарь русских поговорок под редакцией В.М. Мокиенко* (Мокиенко 2007); *Словарь фразеологических сино-*

нимов русского языка под редакцией В.М. Мокиенко (Бирих, Мокиенко, Степанова 1997); примеры, которые встретились нам в сети Интернет на сайтах, посвящённых беременности и материнству, и в социальных сетях. Рассматриваются примеры употребления фразеологизмов-эвфемизмов в художественной литературе. Как в русскоязычной, так и в англоязычной культуре существует немало примеров фразеологизмов, использующихся для обозначения беременности, обладавших эвфемистической функцией в прошлом, однако не функционирующих в качестве эвфемизмов в настоящее время (или употребляющихся с эвфемистической целью крайне редко). В рамках данной статьи мы рассматриваем не только фразеологизмы-эвфемизмы, употребляющиеся в современной речи, но и вошедшие в словари с пометкой “устар.”, участвовавшие в эвфемизации темы рождения на разных этапах развития общества, многие из которых со временем утратили эвфемистическую функцию.

В рамках темы рождения фразеологизмы могут употребляться с эвфемистической целью при обозначении беременности и беременной женщины, роженицы, рождения ребёнка, детей, рождённых вне брака, а также при ответе на вопрос ребёнка “Откуда берутся дети?”.

2. Фразеологизмы-эвфемизмы, употребляющиеся для непрямого именования беременности и беременной женщины

Фразеологизмы-эвфемизмы, употребляющиеся для непрямого именования беременности и беременной женщины, занимают особое место среди эвфемизмов на тему рождения. В англоязычной культуре в таких фразеологизмах часто соединяются и обыгрываются образы, связанные с традиционным семейным бытом, с одной стороны, и имеющие связь с процессом зачатия ребёнка, с другой. Так, фразеологизм *have a bun in the oven* (дословно: иметь булочку в духовке/печи) “рисует” образ хлеба в печи, которому уподобляется ребёнок в животе матери. Схожий образ при описании беременности встречаем в загадках русской традиционной культуры: “За стеной, стеной каравашек костяной (младенец в брюхе)” (Садовников 1876 № 1706) (“каравашка”, согласно культурно-этимологическим изысканиям, “хлебец из ржаной и яичной муки” (Даль 1863 Ч2: 177)).

Среди фразеологизмов англоязычной культуры, использующихся для обозначения беременности, существует схожий по структуре с фразеологизмом *have a bun in the oven* пример, построенный по модели, ил-

люстрирующей “нахождение чего-то в чём-то другом”. Так, нахождение ребёнка в утробе матери представлено в метафоре *have a pea in the pod* (дословно: иметь горошинку в стручке). Фразеологизм *have a pea in the pod* демонстрирует, как на уровне языка для обозначения беременности используются образы растительного мира. Так, в русскоязычной культуре о забеременевшей незамужней женщине в простонародье шутливо говорят “гороху объелась” (Мокиенко, Никитина 2007: 157), а на молодёжном жаргоне по отношению к беременной шутливо употребляется выражение “арбуз проглотила” (Мокиенко, Никитина 2007: 19), как и в случае с английским *don't eat watermelon seeds* (дословно: не ешьте семена арбуза).

Фразеологизмы-эвфемизмы *have a bun in the oven*, *have a pea in the pod*, обладающие схожей структурой, показывают, что при вуалировании положения, в котором находится женщина, значимы образы, которые прочитываются с опорой на культурные знания, и общезвестные факты о женской физиологии.

В современной англоязычной культуре метафоры, лежащие в основе фразеологизмов *have a bun in the oven* и *have a pea in the pod*, широко используются в коммерческой сфере для продвижения товаров для беременных женщин. Так, в настоящее время популярны футбольки для беременных женщин с надписями “*Bun in the oven*” и “*I have a pea in the pod*”, поздравительные открытки для будущих мам с изображением пирога в духовке или горошинок в стручке, а одна из крупных сетей магазинов одежды для беременных женщин носит название *Pea in the pod*. Будущие матери также используют фразеологизмы *have a bun in the oven* и *have a pea in the pod* в социальных сетях, чтобы сообщить друзьям и подписчикам новость о своей беременности.

В другом фразеологизме-эвфемизме, употребляющемся для непрямого именования беременности, – *be in the (plum) pudding club* (дословно: быть в клубе (изюмного) пудинга) представлен образ изюмного пудинга, являющегося традиционным рождественским блюдом в Великобритании. Во время приготовления в изюмный пудинг принято класть серебряную монету, напёрсток или др. небольшие предметы, которые должны принести удачу тому, кому достанется кусочек с ними во время застолья. По одной из традиций, в изюмный пудинг кладут кольцо. Верили, что тот, кому оно попадётся, в течение года вступит в брак. Фразеологизм *be in the club* также участвующий в эвфемизации темы рождения, вероятно, появился как краткая форма от *be in the (plum) pudding club*. Фразеологизм *be in the pudding club*, как и в случае с предыдущими примерами, активно используется для привлечения будущих мам к приоб-

ретению необходимых им товаров и обыгрывается в названии магазина для беременных *Pudding Club*.

Несмотря на широкое употребление фразеологизмов *have a bun in the oven*, *have a pea in the pod* и *be in the (plum) pudding club* в современной англоязычной культуре, их использование применительно к беременной женщине в определённой ситуации может быть воспринято как грубость, так как одно из значений слов “*pudding*”, “*bun*” и “*peapod*” на сленге связано с репродуктивными органами человека. Данные фразеологизмы зафиксированы в словарях эвфемизмов английского языка, однако могут быть восприняты как вульгарная речь, если адресат видит упомянутую связь. Примеры подобные *have a bun in the oven* и *have a pea in the pod* показывают важность контекста и фактора адресата при определении эвфемизма. Так, фразеологизм *have a bun in the oven* употребляется с эвфемистической целью в примере:

“You just never talk about having kids, I was beginning to think you didn’t want any”. “I don’t, at least not until I find a husband first! I am taking baby steps. Move out, settle down, then have a bun in the oven” (Edwards 2011: 58).

Рус.:

- Ты никогда не говоришь о детях. Я уже начал думать, что ты не хочешь иметь детей.
- Не хочу, пока не выйду замуж! Я действую постепенно. Сначала надо переехать из родительского дома, начать жить семейной жизнью, а потом уже готовиться стать матерью.

Следующий пример иллюстрирует употребление фразеологизма *have a bun in the oven* в контексте вульгарной речи:

“She didn’t even have the balls to face me and tell me what was going on. Fucking Bitch. I guessed that while I was at college, the guy forgot to put a rubber on and now the woman I once loved had a bun in the oven” (Barrows 2011: 22).

Рус.: “У неё была кишка тонка сказать мне в лицо, что происходит. Чёртова Стерва! Похоже, пока я был в колледже, тот парень забыл надеть резинку и женщина, которую я когда-то любил, залетела от него”.

Необычный пример фразеологизма, употребляющегося для непрямого обозначения беременности в англоязычной культуре с эвфемистической целью, устар. *the rabbit died*. Ср.:

“Grandma came over today and Mom cried. She told Grams she didn’t know how to tell you the rabbit died. We don’t have any rabbits, do we?”

Oh dear, we are going to have a baby. I'm forty-four, I'll be sixty-two, forget it, that's not important. My wife needs my total support right now. She didn't get pregnant by herself.

I forced a laugh, "Stan, that's an old joke, like why did the chickens cross the road" (Lake 2011: 50).

Рус.:

“Сегодня приходила бабушка, а мама плакала. Она говорила бабуле, что не знает, как сказать тебе, что кролик умер. У нас же нет никаких кроликов?” О, Боже, у нас будет ребёнок. Мне 44, мне будет 62, когда... Забудь об этом! Это не важно. Моей жене очень нужна моя поддержка. Она не сама по себе забеременела.

Я заставил себя рассмеяться: “Это старая шутка, Стэн. Вроде той, когда спрашивают, зачем курица перешла дорогу”.

Эвфемизм *the rabbit died* восходит к временам, когда кроликов использовали для проведения тестов на беременность. Инъекцию мочи беременной женщины вводили крольчихам, чтобы побудить их яичники развиваться; на пятый день после инъекции крольчиху убивали и вскрывали, чтобы посмотреть результат; фактически кролики умирали, независимо от того, была ли женщина беременна (Olszynko-Grym 2014). Необходимо отметить, что в прошлые времена для проведения тестов на беременность использовались различные представители животного мира (лягушки, мыши и крысы), однако на уровне языка для обозначения беременности закрепился лишь фразеологизм с компонентом *rabbit*, что, возможно, связано с тем, что не имеющие отношения к науке и медицине люди также ассоциировали кроликов с плодовитостью.

Для непрямого именования беременности и беременной женщины в англоязычной культуре распространены фразеологизмы с компонентом “way”. Так, о беременной говорят *in the family way* (ср.: рус. готовится к прибавлению в семействе), *baby on the way* (дословно: ребёнок на подходе), *in that way* (ср.: рус. в таком положении), *in the increasing way* (ср.: рус. шутл. горб спереди растёт) (Мокиенко, Никитина 2007: 152)) и др.

Англоязычная культура богата фразеологизмами, использующими-ся для обозначения беременности, изначально возникшими как эвфемизмы, которые в настоящее время могут быть восприняты как грубые или очень неформальные выражения: *up the duff*, *up the pole*, *up the spout*, *stung by a serpent*, *shot in the tail* и др. Фразеологизмы *up the duff* (дословно: с верху теста), *up the pole* (дословно: сверху шеста), *up the spout* (дословно: сверху трубы), *stung by a serpent* (дословно: ужаленный змеёй), *shot in the tail* (дословно: подстрелянный в хвост), функционировавшие как эвфемизмы в прошлом, демонстрируют свойство эвфемизма со време-

нем утрачивать способность использоваться для смягчения речи и переходить в разряд дисфемизмов.

В основе фразеологизмов-эвфемизмов русскоязычной культуры, употребляющихся для непрямого именования беременности и беременной женщины, лежат образы, отличные от большинства, представленных в примерах англоязычной культуры. Русские фразеологизмы, употребляющиеся с эвфемистической целью, построены на образном сравнении с тяжестью. Так, в русских деревнях вместо “беременна” говорили *в тяготе/тягостях/тягости быть*. Ср.: “Поскорился её муж молодой с другими людьми в городе, а внучка моя была в тягости, и от испуга и жалости сама тотчас скончалась. Вот уж тому год, как живу я так и стала в тягость всем людям, и не знаю, чем прокормить младенца этого” (Леонтьев 2015: 357). О беременной также говорили *тяжёлая и тяжела*; ср.: англ. *ustar. heavy of foot* (дословно: тяжела на ногу). Данные эвфемизмы характеризовали женщину на последних сроках беременности, когда тяжесть ноши была очевидной. Другой фразеологизм-эвфемизм *на сносях* также употребляется для непрямого именования беременности у женщины, по которой было уже заметно, что она носит ребёнка Ср.: “Серж, сдается мне, что нам надо срочно ехать в больницу! Ибо несчастная не просто на сносях, она вот-вот родит!” (Леонтьев 2014: 11). О женщине на последнем месяце беременности говорят, что она *дохаживает последние дни* (Бирих, Мокиенко, Степанова 1997: 19), то есть скоро родит (ср.: англ. *near her time*). Ср.: “Положение Александры Евтихиевны заставляло торопиться. Стан её заметно округлился, и было очевидно, что она дохаживает последние дни” (Фёдоров 1988: 536). Кроме того, распространено выражение *дитя/ребёнка под сердцем носит*. Ср.: “На шестом месяце, когда скрывать беременность было уже нельзя, Аксинья призналась Григорию. Она скрывала, боясь, что Григорий не поверит в то, что его ребенка носит она под сердцем” (Шолохов 2009: 344–345).

В фразеологизмах-эвфемизмах русскоязычной и англоязычной культуры беременность описывается как ожидание и подготовка к материнству. Так, в русском языке существуют фразеологизмы-эвфемизмы *ждёт ребёнка, готовится стать матерью, ожидает прибавления в семействе* (ср. англ. *in the family way*) и т.п., употребляющиеся вместо *беременна*, а в английском языке – *expecting a baby, expectant mother, anticipating birth* и др.

Для обозначения беременности как в русском, так и в английском языке употребляется фразеологизм-эвфемизм *в (деликатном, интересном, счастливом, таком) положении / in a delicate (or certain or interesting)*

condition or state. В русской культуре выражение *в интересном положении*, вероятно, являющееся заимствованием из французского языка, наряду с другими эвфемизмами употреблялось вместо слова “беременна” ещё во времена А.С. Пушкина (1799–1837), выступавшего за использование простонародных выражений (Виноградов 1999). Ср. фрагмент из рассказа о речевых склонностях Пушкина, помещенный В.И. Шенроком в *Материалах для биографии Н.В. Гоголя* (т. 1, с. 362–363):

Однажды в гостях у Плетнева Е. А. Карамзина выразилась о ком-то: “она в интересном положении”. Пушкин стал горячо восставать против этого выражения, утверждая с жаром, что его напрасно употребляют вместо коренного чисто русского выражения: “она брюхата”, что последнее выражение совершенно прилично, а напротив неприлично говорить “она в интересном положении” (Цит. по: Виноградов 1999).

В англоязычной культуре находим *interesting state* ещё в рассказах Чарльза Диккенса (1812–1870): “*Mrs. Lenville (who, as has been forehinted, was in an interesting state)*” (Dickens 1916). В современной русской и английской речи приведённые выражения уже воспринимаются как устаревающие, но не вышедшие из употребления. Их значение известно большинству носителей языка, и они могут употребляться как эвфемизмы представителями старшего поколения. Кроме того, в современной русской речи распространён краткий вариант – *в положении*.

Ещё одно сходство в употреблении фразеологизмов с эвфемистической целью при обозначении беременности в русскоязычной и англоязычной культуре обнаруживается в примерах англ. *with child* (дословно: с ребёнком) / *bear a child* (носить ребёнка) и рус. *вынашивать ребёнка, носить ребёнка, она носит*, построенных на образном сравнении беременности с ношей.

В русском и английском языке также существуют фразеологизмы, употребляющиеся для непрямого обозначения беременности, в которых “обыгрывается” полнота беременной женщины, однако большинство из них не функционирует в качестве эвфемизмов. Ср.: англ. устар. эвф. *full in the belly* (дословно: полная в животе) и *wear your apron high* (дословно: высоко носить свой фартук) и рус. неэвфемистические выражения, использующиеся в простонародье, которые звучат осуждающе: *баба с брюхом, крепкая брюхом, брюшонко вяжется, с пузом, пузо выше носа, пузо на нос (лоб) лезет, шутл. обручи спадывают* (Мокиенко, Никитина 2007) и др.

3. Фразеологизмы-эвфемизмы, употребляющиеся для непрямого именования родов и роженицы

Роды в традиционной культуре славянских народов метафорически описываются как путешествие (Кабакова 2009: 450). О родившей женщине на Руси в старину говорили “*в Москву, в Ригу съездила, с Москвой приехала*” (Кабакова 2009: 450). Кроме того, в русской традиционной культуре роды издавна трактовались как работа, муки, посланные женщине в наказание за первородный грех, и о роженице говорили *в труде, в трудах* (Кабакова 2009: 450), что обнаруживает сходство с англ. *in labor* (дословно: в труде), употребляющимся для непрямого обозначения процесса родов.

В русском языке для непрямого обозначения родов существует книжн. устар. фразеологизм-эвфемизм *разрешиться от бремени* (родить). В основе фразеологизма *разрешиться от бремени*, как и в примерах *в тяготе/тягостях/тягости быть, вынашивать ребёнка, носить ребёнка, она носит*, лежит образное сравнение беременности с ношкой и тяжестью. Бремя/беремя – “ноша, выюк, тягость, тяжесть, тягота; груз, всё, что гнетёт, давит, тяготит” (Даль 1863 Ч1: 66). Разрешиться от бремени – избавиться от того, что тяготит.

В словарях эвфемизмов английского языка зафиксирован использующийся для обозначения родов устар. фразеологизм *be brought to bed* (дословно: быть вынужденной лечь в кровать). Ср.: “*When the princess came to see me during my lying-in, she told me that when she should be brought to bed, she wished I would not come to her for some time, for she might be confused in seeing me*” (Huish 1821: 196). Рус.: “Когда принцесса пришла навестить меня после родов, она сказала, что, когда наступит её время рожать, она хотела бы, чтобы я какое-то время не приходила к ней, так как ей будет неловко меня видеть”.

Для непрямого именования роженицы в англоязычной культуре в прошлом с эвфемистической целью употребляли фразеологизм *lady in the straw* (дословно: леди на соломе). Ср.: “*Accordingly, after congratulating the good lady in the straw, upon her own health and a fine baby, in the course of conversation I told her that we were at a loss to account for a pretty spot upon the child's face, and must desire her to inform us of the occasion of it*” (Smith 1768: 25). Рус.: “Таким образом, поздравив роженицу с тем, что здоровье её в порядке и у ребёнка всё хорошо, в процессе беседы я сказал ей, что мы не способны объяснить происхождение милого пятнышка на лице у малыша и вынуждены просить её помочь в этом”. По одной из версий, происхождение эвфемизма *lady in the straw* связано с тем, что во время

родов и в послеродовой период, чтобы не испортить, не испачкать хорошие матрасы, использовали матрасы, набитые соломой, которые потом просто выбрасывали.

4. Фразеологизмы-эвфемизмы, употребляющиеся для непрямого именования рождения ребёнка

Рождение в англоязычной и русскоязычной культуре имеет схожие эвфемистические обозначения. Ср.: англ. *happy event* (дословно: счастливое событие) или *blessed event* (дословно: благословенное событие) и рус. *радостное событие, счастливое событие*. В англоязычной культуре также существует вариант непрямой номинации рождения *interesting event* (дословно: интересное событие), связанный с эвфемизмом *in the interesting condition* (в интересном положении).

Говоря о появлении ребёнка, в англоязычной культуре в прошлом с эвфемистической целью употребляли выражения *find a baby in a parsley bed* (дословно: найти ребёнка в петрушке) – о девочке и *find a baby under the gooseberry bush* (дословно: найти ребёнка под кустом крыжовника) – о мальчике (A. J. de Boinod 2010). При ответе на вопрос ребёнка “Откуда берутся дети?” в русскоязычной и англоязычной культуре распространены фразеологизмы-эвфемизмы *аист приносит/the stork brings babies* и *в капусте находят/grow/find babies in a cabbage patch*.

Фразеологизмы-эвфемизмы *аист приносит/аист принёс и the stork brings babies/the stork brought the baby home* построены на образе аиста, приносящего младенца в клюве. Необходимо отметить, что миф об аисте, приносящем детей, широко распространён в культурах различных народов мира. Многие историки полагают, что поверье об аисте, приносящем детей, получило наибольшее распространение во времена язычества в Германии и Норвегии (Chadd, Taylor 2016). В те времена было принято заключать браки во время летнего солнцестояния. Именно в это время аисты начинали мигрировать в Африку, а через 9 месяцев они возвращались и выводили птенцов. Возвращение аистов совпадало с появлением детей у вступивших в брак летом (Chadd, Taylor 2016). В традиционной культуре славянских народов аист, согласно древним преданиям, вытаскивает детей из болота (Польша), приносит детей в корзине, лохани, корыте (Лужища), бросает в дом через печную трубу (Беларусь, Польша) (Гура, Страхов 1995: 98) и т.д. (об эвфемизме *аист принёс* см. подробнее в: Орлова 2019).

В основе фразеологизмов-эвфемизмов *находят/нашли в капусте и we found you in a cabbage patch // grow/find babies in a cabbage patch* лежит образ

младенца в капустных листьях. Согласно преданиям традиционной культуры славянских народов, в старину люди говорили, что зайчик приносит детей и сажает на капустную грядку (Усачева 1999: 461), а детей, рожденных вне брака, на Руси называли *капустниками* (Усачева 1999: 461) – в капусте нашли. В английский язык выражение *find a baby in a cabbage patch*, предположительно, вошло как заимствование (об эвфемизме *нашли в капусте* см. подробнее в: Орлова 2019).

5. Фразеологизмы-эвфемизмы, употребляющиеся для непрямого именования детей, рожденных вне брака

Следующая группа фразеологизмов-эвфемизмов, являющихся непрямыми номинациями, связанными с темой рождения, включает эвфемистические именования детей, рожденных вне брака. Так, в англоязычной культуре существуют эвфемизмы *born on the wrong side of the blanket* (дословно: рожденный не на правильной стороне одеяла), *wood colt (or woods colt)* (дословно: лесной жеребёнок), *love child* (дитя любви), *accidental baby* (случайный ребёнок), в русскоязычной культуре – эвфемизмы *дитя любви, случайный ребёнок и устар. ни отецке дите.*

Эвфемизмы *love child* и *дитя любви* подчёркивают, что ребёнок, хоть и рождён вне брака, был зачат в любви, а не появился от случайной связи. *Случайный ребёнок* и *accidental baby*, напротив, – ребёнок, появившийся в результате случайной связи, незапланированно. Незапланированного ребёнка, рожденного в браке, также называют *случайным ребёнком/accidental baby*.

Ни отецке дите зафиксировано как эвфемизм в народной речи в XVII в и употреблялось вместо прямого наименования незаконнорожденного (Сеничкина 2008: 272). *Ни отецке* – не имеющий отца, то есть *ни отецке дите* – ребёнок, официально не имеющий отца.

Употребление фразеологизма-эвфемизма *born on the wrong side of the blanket* подразумевает, что зачатие ребёнка произошло не на брачном ложе, что может подвергаться осуждению в обществе, считаться неправильным – не на правильной, не на той стороне одеяла. Одяло в данном случае – метафора супружеского ложа. Ср.: пример употребления фразеологизма из романа Ферн Майклз *Kentucky Heat* (Жара Кентукки): “*The Thorntons, my family, have it. It doesn't matter that I was born on the wrong side of the blanket. I'm one of them, and it is to that family that I pledge my loyalties*” (Michaels 2002: 91). Рус.: “Это есть и у моей семьи, у Торнтонов. То, что я внебрачный ребёнок, не имеет значения. Я одна из них, и этой семье я предана”.

Wood colt (woods colt) изначально употребляли по отношению к незапланированно спаривающимся лошадям. Так, первое значение *wood colt* в словарях английского языка – “a horse that is the offspring of a chance mating” (Merriam-Webster online dictionary: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/woods%20colt>). Рус.: лошадь, появившаяся на свет в результате случайного спаривания. Во втором значении *wood colt (woods colt)* зафиксировано в словарях эвфемизмов английского языка: «a bastard, the comparison being to a horse of unknown paternity» (Rawson 1981: 310). Рус.: “внебрачный ребёнок, сравнение с жеребёнком, происхождение которого неизвестно”. Ср.: пример употребления фразеологизма из романа *Bloody Hand* (*Кровавая рука*) Мэтта Брауна: “A mulatto woods colt who was tolerated for his skills and the fact that he wouldn't sass off of anyone. Back East, though, that wouldn't work” (Braun 1996: 147). Рус.: “Мулат, внебрачный ребёнок, его терпели там только за его навыки и потому, что знали, что он ни на кого не станет огрызаться. Но, вернувшись он на Восток, всё было бы иначе”.

6. Заключение

В основе фразеологизмов-эвфемизмов на тему рождения, употребляющихся в русскоязычной и англоязычной культуре, лежат как схожие образы, отражающие универсальное в языковой картине мира или являющиеся заимствованиями, так и различные, обусловленные особенностями данной культуры. Так, в основе фразеологизмов-эвфемизмов, употребляющихся для непрямого именования беременности в англоязычной культуре, лежат образы хлеба в печи, горошинки в стручке, изюмного пудинга, клуба как сообщества, к которому принадлежат все будущие матери, семьи, роста и т.д.; способы определения беременности. В основе большинства фразеологизмов-эвфемизмов русскоязычной культуры, употребляющихся для непрямого именования беременности, лежит об разное сравнение с ношей и тяжестью, что также находим и в примерах англоязычной культуры. Как в русскоязычной, так и в англоязычной культуре распространены фразеологизмы-эвфемизмы, подчёркивающие изменение *положения*, в котором оказывается женщина, забеременев, а также ожидание и подготовку к материнству. Роды в фразеологизмах-эвфемизмах русскоязычной и англоязычной культуры уподобляются труду, тяжёлой работе; в русскоязычной культуре роды также уподобляются путешествию, а в англоязычной культуре подчёркивается связь процесса родов с необходимостью роженицы проводить долгое время в постели. Рождение в фразеологизмах-эвфемизмах русскоязыч-

ной и англоязычной культуры описывается как радость, счастье, благословение, а в русскоязычной культуре также и как освобождение от ноши. Детям об их появлении на свет в русскоязычной и англоязычной культуре рассказывают с помощью фразеологизмов-эвфемизмов, восходящих к древним мифам и сказкам, согласно которым малышей находят в растениях или их приносят птицы или животные. Дети, рождённые вне брака, в фразеологизмах-эвфемизмах русскоязычной и англоязычной культуры могут быть представлены как плод любви или случайность. В фразеологизмах-эвфемизмах англоязычной культуры внебрачные дети также описываются как ошибка, что-то неправильное или незапланированное.

Подводя итоги, отметим, что эвфемизмы – известные с древнейших времён, особые знаки языка и культуры, представляющие собой непрямые именования предметов, явлений или действий, прямое указание на которые является в данной ситуации неуместным. Изначально возникшие для замены табуированных слов в языке, в настоящее время эвфемизмы используются для смягчения и вуалирования. Однако, когда речь идёт о сакральных для людей темах, как, например, тема рождения, нельзя полностью исключать следы прежней функции, если, затрагивая данные темы, многие и сегодня предпочитают выразиться иносказательно. В основе эвфемизмов лежит принцип непрямой номинации, предлагающий преднамеренно иносказательное обозначение объекта. Фразеологизмы, как и эвфемизмы, характеризуются семантической неопределенностью, благодаря чему являются подходящим материалом для смягчения и вуалирования. Однако не любой фразеологизм выступает в качестве эвфемизма. Кроме того, с течением времени слова и выражения, использовавшиеся с эвфемистической целью, могут выйти из употребления или утратить эвфемистическую функцию и перейти в разряд дисфемизмов, приобретая отрицательные коннотации. Так, многие фразеологизмы, участвовавшие в эвфемизации темы рождения в прошлом, сегодня могут восприниматься как вульгарная речь, а в языке возникают новые эвфемизмы.

Библиография

- Бирих А. К., Мокиенко В.М., Степанова Л. И. 1997. *Словарь фразеологических синонимов русского языка*. В. М. Мокиенко (ред.) Ростов-на-Дону: Феникс.
- Виноградов В. В. 1999. *История слов*. <http://wordhist.narod.ru/index.html>. Дата обращения: 29.01.2019.
- Даль В. И. 1863. *Толковый словарь живого великорусского языка. Часть 1*. Москва: Общество любителей российской словесности.

- Даль В. И. 1863. *Толковый словарь живого великорусского языка. Часть 2.* Москва: Общество любителей российской словесности.
- Евгеньева А. П. 1988. *Словарь русского языка в четырёх томах. Том IV.* Москва: Русский язык.
- Кабакова Г. И. 2009. Роды. В: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 4.* Н. И. Толстой (ред.). Москва: Международные отношения. 450–452.
- Кабакова Г. И. 2009. Роженица. В: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 4.* Н. И. Толстой (ред.). Москва: Международные отношения. 461–463.
- Ковшова М. Л. 2007. *Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов.* Москва: Гнозис.
- Леонтьев А. В. 2014. *Венец творения.* Москва: Эксмо.
- Леонтьев К. Н. 2015. *Дитя души.* Москва: Никея.
- Мокиенко В. М., Никтина Н. Г. 2007. *Большой словарь русских поговорок.* В. М. Мокиенко (ред.). Москва: “ОЛМА Медиа Групп”.
- Орлова О. С. 2018. Эвфемизмы на тему рождения и смерти в современной русской речи. В: *Актуальные проблемы и перспективы русистики.* Ж. Кастьельви, А. Зайнульдинов, И. Гарсия, М. Руис-Соррилья (ред). Барселона: TrialbaEdiciones. 1394–1405.
- Орлова О. С. 2019. Тема веры в загадках и эвфемизмах. В: *Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах.* Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова (ред.) Москва: Гнозис. 380–386.
- Орлова О. С. 2019. Когнитивно-лингвокультурологическое исследование эвфемизмов на тему рождения. В: *Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVI: Понимание. Интерпретация. Когнитивное моделирование: сборник научных трудов в честь 70-летия В. З. Демьянкова.* М.Л. Ковшова (ред.). Тамбов: Издательский дом “Державинский”. 403–413.
- Реформатский А. А. 1996. Табу и эвфемизмы. В: *Введение в языкоковедение.* Москва: Аспект Пресс. 56–57.
- Садовников Д. Н. 1876. *Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач.* Санкт-Петербург: ТК Велби.
- Сеничкина Е. П. 2008. *Словарь эвфемизмов русского языка.* Москва: Флинта. Наука.
- Усачева В. В. 1999. Капуста. В: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 2.* Н. И. Толстой (ред.). Москва: Международные отношения. 457–461.
- Фёдоров Е. 1988. *Каменный пояс. Роман трилогия. Часть 1.* Москва: Правда.
- Шолохов М. А. 2009. *Тихий Дон.* Москва: Директ-Медиа.
- Barrows S. M. 2011. *The Confessions of a Mobile Disc Jockey.* USA: Xlibris Corporation.

- Braun M. 1996. *Bloody Hand*. New York: St. Martin's Press.
- Chadd R. W., Taylor M. *Birds: Myth, Lore and Legend*. Bloomsbury Publishing Plc., New York, 2016.
- Dickens Ch. 1916. *The life and adventures of Nicholas Nickleby*. London: Macmillan <http://www.gutenberg.org/files/967/967-h/967-h.htm>. Дата обращения: 29.01.2019.
- Edwards A. 2011. *Love Conquers All*. USA: Xlibris Corporation.
- Holder R. W. 2008. *A Dictionary of Euphemisms. How Not To Say What You Mean*. New York: Oxford University Press.
- Huish R. 1821. *Memoirs of Her Late Majesty Caroline, Queen of Great Britain. In two volumes.*, Vol. 1. London: Printed for T. Kelly.
- Jacot de Boinod A. *I Never Knew There Was a Word For It*. London, Penguin Books 2010.
- Lake D. 2011: *Comin' Home*. USA: Xlibris Corporation.
- Michaels F. 2002. *Kentucky Heat*. New York: Kensington Publishing Corp.
- Olszynko-Grynn J. 2014. *The demand for pregnancy testing: The Aschheim-Zondek reaction, diagnostic versatility, and laboratory services in 1930s Britain*. In: Studies in History and Philosophy of Science. № 47 Part B: Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences. Salim Al-Gailani, Angela Davis (ed.). 233–247. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1369848613001763?via%3Dihub> Дата обращения: 29.01.2019.
- Rawson H. 1981. *Dictionary of Euphemisms and Other Doubletalk*. Castle Books.
- Smith H. 1768. *Letters to married women. The second edition, considerably enlarged*. London: Printed for G. Kearsly, in Ludgate-Street.
- Merriam-Webster online dictionary. <https://www.merriam-webster.com/dictionary>.
Дата обращения: 5.03.2019.

Taboo and the topic of birth in Russian and English phraseological euphemisms

Summary

The article deals with the analysis of Russian and English phraseological units which are used euphemistically when people address the topic of birth. The topic of birth and pregnancy has always been of key importance in different cultures. However, birth being a sensible subject, speakers of different languages have always tried not to state things straightforwardly while discussing the topic. The main objective of the research given is to describe the images forming a basis of phraseological euphemisms used to talk about birth and pregnancy, as well as identify the main similarities and differences of such euphemisms in the English and Russian languages.

Alicja Pstyga
Uniwersytet Gdańskie
Polska
<https://orcid.org/0000-0001-6933-2132>

Reprodukwalność jednostek frazeologicznych w dyskursie prasowym

Abstract. Contemporary Polish press discourse are composed of texts containing the phraseological units which are attractive wordings describing a particular problem, a fragment of reality or a commentary or an assessment of reality or problems, introducing the emotional component.

Analyzed text units within a wide range of phraseology, which constitute a component which organizes the text and influences the global semantics of the message, but above all as a part of the structured experience is to demonstrate the type, their status, value of applied text modifications, share in the linguistic interpretation of the world, the axiological dimension, as well as the interpretative possibilities taking into account the (inter)cultural and communicative competences of the participants in the communication – members of a particular linguistic, cultural, interpretative and communication community. The analyses present characteristic features of the phraseological elements found in the press (co-)creating in discourse media point of view, while exposing the possibilities of their modification.

Key words: *press discourse, phraseological units, reproducibility, modification of phraseological units, semantic*

1. Medialna przestrzeń dyskursywna – wprowadzenie

Na współczesny dyskurs prasowy składają się teksty zróżnicowane i ciekawe ze względu na różnorodność tematyczną oraz gatunkową, a przede wszystkim walory językowe. W tej otwartej, wielowymiarowej i dynamicznej przestrzeni komunikacyjnej, jak podkreśla Małgorzata Kita (2013: 215), „stosunek do nadawcy przejawia się jako sposób obrazowania i eksprezji, co wiąże się ze stylistycznym ukształtowaniem tekstu”. Współczesny dyskurs prasowy wyróżnia się także niezależnością językową dziennikarzy oraz wyrazistym i zmiennym komponentem aksjologicznym (Lisowska-Magdziarz 2008; Piekot 2006; Pisarek 2008; Skowronek 2013), skorelowanym ze swoistą ideologią tej medialnej przestrzeni dyskursywnej w rozumieniu

Katarzyny Skowronek i Bogusława Skowronka, a więc „społecznymi systemami przekonań oraz zbiorami przeświadczeń i wyobrażeń na temat rzeczywistości, które bywają wykorzystywane w praktykach komunikacyjnych do tworzenia jednostkowych i ponadjednostkowych modeli rozumienia świata” (Skowronek, Skowronek 2009: 314). Stanisław Gajda (2000; 2016: 21), wskazując na coraz bardziej dominującą pozycję dyskursów medialnych w polskiej przestrzeni dyskursywnej, uznaje dyskurs prasowy za swoisty tygiel stylistyczny. Maria Wojtak dostrzega również decydującą o trudnościach interpretacyjnych polimorficzność prasy i stwierdza, iż

W prasowym tyglu stylistycznym mieszają się różne jakości i kategorie. Paradoksalność stylu wypowiedzi prasowych polega jednak na tym, że owo zderzenie nie jest przypadkowe i chaotyczne, lecz ujęte w ramy elastycznych gatunkowych normalizacji, gier między tradycją i konwencją a ostentacyjnie manifestowaną redakcyjną swobodą (Wojtak 2015: 61).

Ważne miejsce w dyskursie prasowym zajmują jednostki frazeologiczne (frazematyczne – utarte i odtwarzalne ciągi wyrazowe, nie przez wszystkich badaczy ujmowane w ramach standardowej teorii frazeologicznej) jako atrakcyjne sformułowania, celnie ujmujące problem czy fragment rzeczywistości, bądź też stanowiące komentarz lub ocenę realiów lub sytuacji, wprowadzające zwykle komponent emocjonalny (Chlebda 2005; 2007; 2010; Łaskowska 2009; Pajdzińska 1991; Pstyga 2019). Występują one zatem w różnych funkcjach, a jako elementy ustrukturyzowanego doświadczenia zwykle stają się komponentem tekstopiszącym, wpływającym na globalną semantykę oraz wymiar aksjologiczny przekazu. Ich częsta obecność w tekście prasowym nie jest przypadkowa. Interpretacja tekstów składających się na dyskurs prasowy oraz obecnych w nich jednostek tekstowych – w tym frazematyycznych – jako przypadków skontekstualizowanego użycia wykraczających poza opis samego języka. Konieczne jest szerokie ich ujęcie jako jednostek tekstowych, które pozwala na wyeksponowanie ich wielorakich powiązań z pragmatyką aktu komunikacyjnego, pragmatyką mówienia i rozumienia, tłem społecznym i kontekstem kulturowym, odniesieniem do innych tekstów kultury i śladów nawiązań do wcześniejszych wypowiedzi (zob. Chlebda 2005; 2010; Bartmiński, Niebrzegowska 2009; Pstyga 2019).

2. Reprodukwalność jednostek frazeologicznych

Zagadnienie reprodukwalności jednostek frazeologicznych (w szerskim rozumieniu) rozważam w artykule na podstawie polskiego dyskursu prasowego, a jego podstawą materiałową stanowi korpus tekstów wyekszer-

powanych z tygodnika „Polityka” oraz dziennika „Gazeta Wyborcza” z lat 2017–2018. Obserwacje tych jednostek w aktualnym polskim dyskursie prasowym – analiza tekstów i stopnia odtwarzalności zawartych w nich jednostek frazematycznych, w które wpisana jest specyfika językowa i kulturowa – wykazuje swoistość wyzyskiwanych w polskiej prasie elementów frazeologicznych (współ)kreujących w poszczególnych dyskursach medialną rzeczywistość tekstu i medialny punkt widzenia. Podkreślić należy przy tym jednostkowe, indywidualne, zależne od kontekstu i tematyki, możliwości ich modyfikacji. Z tego względu różne w swej istocie problemy łączy kategoria punktu widzenia oraz wymiar aksjologiczny tekstu. Konstrukcje frazematyczne jako jednostki dyskursu prasowego ujmowane w perspektywie językowej interpretacji świata, z uwzględnieniem procesów kategoryzacji i wartościowania, w konkretnej wypowiedzi wykazują bowiem szerokie możliwości ich wyzyskania w strukturze tekstu, aktywizując sferę konotacyjną i aksjologiczną, pozwalając tym samym na przekazanie treści dodatkowych i tworzenie podtekstu. Właściwie dobrane, stają się semantycznym jądrem wypowiedzi, potwierdzając rolę w semantycznej organizacji tekstu oraz konstruowaniu rzeczywistości medialnej¹. Z tej perspektywy rozważając problem reprodukowalności (odtwarzalności) jednostek frazematycznych oraz ich regularności i innowacyjności (sklaniającej do refleksji nad odtwarzalnością czego i względem czego) we współczesnym dyskursie medialnym, należy brać pod uwagę charakter podejmowanej w prasie problematyki, najczęściej związanej z wybranym aktualnym wydarzeniem, zróżnicowanie gatunkowe, wymóg atrakcyjności medialnej oraz kompetencje nadawców i odbiorców.

Rozpatrując zjawisko reprodukowalności, podobnie jak status frazemów – reproduktów, odwołuję się przede wszystkim do ustaleń Wojciecha Chlebdy. Autor ten proponuje rozróżnienie między terminami frazem a reprodukt w ramach szerokiego, nie zaś klasycznego rozumienia frazeologii (Chlebda 2005; 2010). W jego ujęciu frazem to

[...] taki twór verbalny, który w określonych sytuacjach jest typowym (bywa, że jedynym) środkiem verbalizowania pewnego potencjału treściowego, co sprawia, że twór ten jest w owych sytuacjach dla nazywania określonej wiązki tekstów odtwarzany. W związku z tym praktyczną drogą weryfikowania granic frazemu jest przegląd odpowiednio dużej liczby kontestów i ustalenie, jaki ciąg wyrazów faktycznie podlega w nich reprodukcji (Chlebda 2005: 226).

¹ Problem ten szerzej, z odniesieniem do literatury (zob. m.in. Bralczyk, Wasilewski 2010; Nowak, Tokarski 2007; Tabakowska 2004), omawiam w (Pstyga 2017).

Reprodukt zaś stanowi

jednostkę języka (składnik systemu danego języka etnicznego) wyodrębnioną z tekstuów, sformułowanych w tym języku, w rezultacie stwierdzenia jej regularnej powtarzalności w tych tekstuach w funkcji werbalizatora [...] pewnej wiązki sensów, intencji, emocji, określonego zespołu treściowego (Chlebda 2010: 15).

Uznając oba terminy za bliskoznaczne, W. Chlebda dodaje, że „każdy z nich podkreśla nieco inny aspekt tego samego zjawiska: «frazem» wpisuje dany wielowyrazowiec w system frazeologiczny danego języka, «reprodukt» bardziej uwypukla cechę odtwarzalności (powtarzalności rozumianej jako reprodukowalność) danego wielowyrazowca w tekstuach wypowiedzi ludzkich” (Chlebda, *Podręczny idiomytikon polsko-rosyjski*, t. 10: *Frazemy z poczekalni, maszynopis*²).

Pewne zawiłości, na które wskazują badacze (Chlebda 2005; 2010; Wierzchoń 2010), powodują, że niejednoznaczność rozróżnień między stosowanymi terminami i brak ścisłej ich definicji uzasadniają niejako stosowanie różnych terminów (podsumowanie zob. Borysowski 2018): reprodukt prototypowy, reprodukt nieprototypowy, ciąg podejrzany o bycie produktem, co dodatkowo utrudnia brak jednoznacznych rozróżnień między terminami jednostka języka, frazeologizm, frazem, reprodukt, formuła językowa itd.

Zgodnie z interpretacją Wojciecha Chlebdy (2010: 139) odtwarzalność (reprodukowalność) stanowi

konstytutywną cechę reproduktów [...] jedno- i wielowyrazowych: zdolność wielokrotnego występowania w tekstuach różnych nadawców w różnym miejscu i czasie, ale we względzie tej samej postaci graficznej i/lub fonicznej, uwarunkowanej istnieniem w pamięci językowej mówiących w formie już uprzednio ukształtowanej, wyspecjalizowanej w werbalizowaniu powtarzalnych zespołów treściowych.

W innym miejscu Chlebda (*Podręczny idiomytikon polsko-rosyjski*, t. 10, maszynopis) dopowiada, iż

chodzi tu nie o samą powtarzalność, nie o mechaniczną reprodukowalność tej sekwencji komponentów [powtarzalność tej sekwencji komponentów w możliwie dużej ilości tekstuów w możliwi długim przedziale czasowym i spektrum gatunkowym i różnych autorów – A.P.], ale o jej zwielokrotnienie dla werbalizowania tego samego potencjału treściowego w powtarzalnych uwarunkowaniach sytuacyjnych.

² W tym miejscu chciałabym podziękować Profesorowi Wojciechowi Chlebdzie za wyrażenie zgody na wykorzystanie i odwołanie się do recenzowanego przeze mnie tomu.

W odniesieniu do tekstów prasowych nie może chodzić jedynie o wyodrębnialność kształtową. Zasadne staje się więc pytanie o to, co podlega odtwarzaniu, ewentualnie odtwarzaniu względem czego, jeśli dominują frazemy w postaci zmodyfikowanej? Jeśli reprodukty są jednostkami języka (Chlebda 2010: 140) i termin reprodukt „używany jest w opozycji do terminu «produkt językowy», oznaczającego proces i efekt konfigurowania produktów (jednowyrazowych i wielowyrazowych) w akcie tworzenia wypowiedzi”, to czy modyfikacje świadczą o stopniu reprodukowalności wyodrębnianych kanonicznych ciągów wyrazowych? Można bowiem zadać kolejne pytanie: czy są to konstrukcje innowacyjne powstające w przestrzeni komunikacyjnej w ramach mechanicznego, ale świadomego reprodukowania, czy świadomego i zamierzonego nawiązania tylko do postaci kanonicznej frazemu? Warto więc zastanowić się nad ich poprawnością oraz zgodnością z normą frazeologiczną.

3. Reprodukowalność frazemów: modyfikacje a norma frazeologiczna

Katarzyna Kłosińska (2018) podkreśla, że innowacje, które nie powstały jako zamierzone zwykle są uznawane za odstępstwa od normy językowej, a zatem błędy językowe. Jednak zdaniem Kłosińskiej należy wziąć pod uwagę złożoność aktualnej rzeczywistości komunikacyjnej, w której granice normy charakteryzują się wyjątkową zmiennością. W tej sytuacji, jak zauważa,

Być może więc współczesne okoliczności (kultura hipertekstu, nastawienie na teraźniejszość i ludyczność) bardziej sprzyjają tworzeniu siatek frazeologicznych niż posługiwaniu się jednostkami nieciągłymi w ich kanonicznych postaciach. Być może to, co dotychczas sytuowało się raczej na obrzeżach normy językowej (aściślej: normy frazeologicznej) lub wykraczało poza jej granice, obecnie stanowi centrum zachowań komunikacyjnych. (Kłosińska 2018: 22–23)

Jeśli więc frazemy i ich postaci zmodyfikowane „zaczynają dominować w pewnym typie kontaktów i tym, co jest dla nich wspólne” (2018: 23), to nieprzewidywalność formy (przewidywalne jest tylko jądro) i zachowania językowe, w efekcie których dochodzi do przekształceń frazeologizmów, zdaniem badaczki (2018: 23–24)

wskazują być może na coś jeszcze innego – na rozwijanie się nowego bytu frazeologicznego: siatki frazeologicznej powstałej w wyniku obudowywania jądra frazeologizmu (czyli jego elementu motywującego znaczenie) leksemami, które wchodzą z wyrazami tworzącymi to jądro w różne relacje syntagmatyczne

i paradygmatyczne. Jednostką frazeologiczną byłby zatem nie tradycyjnie pojednany frazeologizm o stałej formie, lecz element siatki frazeologicznej, czyli derywat istniejącego (kanonicznego, należącego do invariantu normatywnego) frazeologizmu mający z nim wspólne jądro motywujące sens globalny, obudowane elementami leksykalnymi pozwalającymi, także dzięki nadanej mu formie gramatycznej, być nośnikiem znaczenia odpowiadającego aktualnej potrzebie komunikacyjnej.

Badany materiał staje się podstawą wyrażenia przypuszczenia (2018: 24), iż

Być może obecnie nie są to innowacje, tylko realizacje określonego schematu frazeologicznego, na który składa się jądro i jego obudowa. Inaczej mówiąc – być może mamy do czynienia z nowym typem jednostek frazeologicznych: niemających ścisłej struktury, lecz złożonych jedynie z elementu centralnego, obudowywanego elementami, które odpowiadają potrzebom komunikacyjnym i pozwalają na dopasowanie frazeologizmu do „tu i teraz”.

4. Frazemy w dyskursie: modyfikacje i aksjologiczna niejednoznaczność

W aktualnym dyskursie prasowym w przeważającej mierze w taki sposób – na zasadzie dostosowania do sytuacji komunikacyjnej – zaznacza się obecność frazematyki. W teksthach prasowych, w komentarzach pojawiają się dokładne lub zmodyfikowane wersje znanych już, względnie ustabilizowanych jednostek frazematycznych, jak np. *nasza chata z kraju, kiełbasa przedwyborcza, nie chcę, ale muszę, gruba kreska, zmowa milczenia, odwracanie kota ogonem, puszczać oko, paradoks goni paradoks, punkt widzenia i punkt siedzenia, mieć serce do, rozlało się mleko, mniejsze зло, wrzucać do jednego worka, afera Rywina, grupa trzymająca władzę, afera taśmowa, zdobyć się na chwilę szczerości, grupa wsparcia, wylała się fala hejtu, walka z dopalaczami, postawić kropkę nad i* – w różnych kontekstach. Dzięki nowym kontekstom, innym sytuacjom („tu i teraz”), a przede wszystkim transformacjom, jakim są poddawane, wywołują pożądane skojarzenia i konotacje.

Polski dyskurs publiczny, w tym dyskurs prasowy, zdominowała polityka (Gajda 2000; Pisarek 2008; Kołodziej 2011). Wypowiedzi o polityce, komentarze, cała publicystyka, koncentrują się wokół spraw ważnych dla Polski, które w społeczeństwie nie zyskują pełnej aprobaty. W języku polskiej debaty politycznej za sprawą partii rządzącej (tzw. *obozu dobrej zmiany*) kształtuje się zatem nowa frazematyka: *obywatele gorszego sortu, mordy zdradzieckie, ubeckie wdowy, upiory bolszewickie, ulica i granica* – wszystkie wypowiadane bez żadnego trybu, 27:1, wolne sądy, czarny protest, nie składamy parasolek, wina Tu-

*ska, to opozycja, zielone ludziki, polityka klimatyczna, pozytyczni symetryści, pozytyczni idioci, pięćset plus, mieszkanie plus, sędzia dubler, kłamstwo smoleńskie, kryzys uchodźczy, uszczelnianie podatku VAT, ustawa o IPN, dobra zmiana, TK „dobrej zmiany”, demokracja suwerena, alarm smogowy, przemoc legislacyjna, kryzysowy kandydat, wschodnia flanka NATO, pisowski walec, danina solidarnościowa, o frazematyczność można podejrzewać również obiecali – oszukali czy ja sam negocjowałem (z wypowiedzi premiera Morawieckiego). Jednostki te wymieniam jako cytaty (tak też pojawiają się one w prasie – zob. m.in. „Polityka” nr 31, 32, 33 z roku 2018); stanowią one również podstawę analiz językoznawczych, a znaczna ich część została uwzględniona w 10 tomie Podręcznego idiomatykonu polsko-rosyjskiego. 1700 jednostek języka polskiego (pośród których są też wyżej wymienione) umieścił Wojciech Chlebda w części zatytuowanej *Frazemy z poczekalni*.*

Przywołane struktury frazematyczne mają moc wartościującą. Jak wiadomo, wartościowanie wyróżnia teksty prasowe, zwłaszcza publicystyczne, w których informacja jest tłem dla wyrażenia oceny (zob. Bartmiński 2003; Laskowska 2008; Pużynina 1992; 2003). Z punktu widzenia nadawcy istotny jest więc sposób, w jaki może on skłonić odbiorcę do przyjęcia zawartego w tekście przekonania wartościującego, oceny (z reguły wyrażanej syntetycznie). Jednostki frazematyczne odgrywają w tym względzie ważną rolę i chętnie są wyzyskiwane w wypowiedziach publicznych. W tym wypadku, zwłaszcza zaś w odniesieniu do wielu z wymienionych wyżej jednostek, dochodzi problem swoistej dychotomii w sferze komunikacji publicznej, która staje się wyznacznikiem aksjologii publicznego dyskursu (zob. Chlebda 2007; Głowiński 1986; Kołodziej 2011; Pajdzińska 1991). Niektóre z przywołanych jednostek frazematycznych są bowiem obiegami³ kierowanymi pod adresem *totalnej opozycji* i osób ją popierających (jak *spacerowiczów i turystów* w roku 2017) – tak wynikałoby z próby ustalenia wartości semantycznej wymienionych kolokacji, opisu słownikowego przynajmniej niektórych wchodzących w ich komponentów i aktywizacji konotacji utrwalonych w pamięci językowej Polaków.

Traktując dyskurs medialny jako zdarzenie komunikacyjne⁴ zachodzące w określonych uwarunkowaniach społeczno-kulturowych i politycznych, uwzględniając też aktualne realizacje tekstowe wskazanych ciągów wyrazowych – również w ramach zabiegów transformacyjnych, chciałabym podkre-

³ Na temat debaty publicznej wypowiadała się wielokrotnie Rada Języka Polskiego.

⁴ Ograniczone ramy szkicu nie pozwalają na omówienie bogatej problematyki dyskursu. W tym miejscu odwołuję się zatem do ustaleń zawartych m.in. w pracach (Bartmiński, Niebrzegowska-Bartmińska 2009; Gajda 2016; Pisarek 2008).

ślić ich aksjologiczną niejednoznaczność (niejednowartościowość, dwuwartościowanie, aksjologiczną enantiosemicznosć) w warunkach aktualnego dyskursu medialnego (siłą rzeczy odzwierciedlającego polityczną polaryzację), przedstawiając jako wartościującą przeciwwstawne w sytuacji kreowania specyficznej (bo *jedynie słusznej*) aksjologii politycznej tzw. *obozu dobrej zmiany*.

Perspektywę politycznej aksjologii⁵ ilustruje rozpatrywany poniżej materiał, w którym ważny staje się proces reprodukowania oraz status reprodukowanych konstruktów.

Wybrany przykład stanowi fragment komentarza Marka Borowskiego (polityka, ekonomisty) po zawetowaniu dwóch reformujących sądownictwo ustaw PiS przez prezydenta Andrzeja Dudę, w którym z łatwością można rozpoznać klasyczną skrzydlatą frazę *Proletariusze wszystkich krajów, łączcie się!* – zdanie z *Manifestu komunistycznego* Marksа i Engelsа, które doczekało się licznych transformacji. W tym wypadku modyfikację⁶ stanowi zastąpienie pierwszej części skrzydlatej frazy (obciążonej oczywistymi konotacjami) nowym frazemem *zdradzieckie mordy* (z wypowiedzi sejmowej Jarosława Kaczyńskiego): *Zdradzieckie mordy wszystkich miast i wsi – łączcie się!*:

Rubryka: *Tydzień w Polityce [Komentuje Marek Borowski]*

Tytuł artykułu: *Zdradzieckie mordy – łączcie się!*⁷

Lid: Adrian opuścił przedpokój Prezesa i udał się w nieznanym kierunku. Czy tylko na chwilę?

[...] Pisowski walec toczył się wartko do przodu, rozjeżdżając konstytucję i sądownictwo, opozycja dzielnie walczyła, suweren szkował się lub był na wa-

⁵ Zdaniem Jacka Kołodzieja interpretowane jako system wartości i ocen „Wartości polityczne to „jakości”, idee, które ze społecznego punktu widzenia stanowią symboliczne, kulturowo uwzględniane zasoby, instrumentalizowane przez człowieka w działaniach politycznych (na przykład w relacji władzy), ujawniające się w kontekście symbolicznych konfliktów o tożsamość. Podstawową materią ujawnianiącą się wartości politycznych jest język, istotną formą ich realizacji we współczesnym świecie – komunikacja społeczna, domeną – sfera publiczna, a środowiskiem zmediatyzowana kultura polityczna” (Kołodziej 2011: 166). Opisując ich naturę, autor ten wskazuje na szereg współzależności i napięć w sferze aksjologii i stwierdza, że „podstawowym nośnikiem wartości politycznych jest język”, a „jedną z podstawowych możliwości ich rekonstrukcji jest analiza języka w polityce – publicznego repertuaru środków ekspresji służących uprawomocnieniu tożsamości politycznej” (Kołodziej 2011: 168). W tej sferze komunikowania publicznego reprodukowalność wiąże się zatem z odwołaniem i naśladowaniem (reprodukowaniem właśnie, przejmowaniem) form zachowań językowych (doświadczenia językowego) utrwalonych we wcześniejszych wypowiedziach, które zyskują znaczące miejsce w przestrzeni informacyjnej.

⁶ O technikach strukturalnego transformowania reproduktorów i wskaźnikach reprodukowania zob. (Chlebda 2010: 21–32).

⁷ We wskazanym fragmencie pojawiają się również inne symboliczne jednostki dla polskiej rzeczywistości, jak np. *Adrian i przedpokój Prezesa z programu Ucho Prezesa, długopis* (od *być czyimś długopisem/notariuszem*, czyli bezrefleksyjnie podpisywać ustawy).

kacjach. Wszystko jak zwykle. Aż tu nagle... Tłumy na ulicach, młodzi ludzie nie tylko w dużych miastach, a na koniec jak grom z jasnego nieba dwa weta. Ciekawa sprawa z tymi wetami. Co właściwie powoduje prezydentem? [...] I co dalej? Parafraszując Marksą: obaj panowie [Janicki i Władysław] – autorzy artykułu *Pozytyczni symetryści*, który ukazał się na łamach tygodnika „*Polityka*” – A.P.] tylko objaśniają sytuację, rzecz jednak w tym, aby ją zmienić. Młodszym czytelnikom wyjaśniam, że Karol Marks nie był komikiem, jednym z braci Marx ani tym od Marks&Spencer, ale XIX-wiecznym ekonomistą i myślicielem, kiedyś uważanym za wybitnego. Dziś wiemy, że była to opinia błędna, bo nie przewidział ani pojawiienia się bolszewików w Rosji, ani postbolszewików, czyli PiS, w Polsce. Zostawmy więc Marksę, ale pytanie pozostaje aktualne: co powinna zrobić opozycja [...]. [...] Hasło na dziś i jutro: „Zdradzieckie mordy wszystkich miast i wsi – łączcie się!”.

(„*Polityka*” nr 31, 2–8.08.2017, s. 8)

W tekście reprodukowana zmodyfikowana jednostka dodatkowo ujęta została w cudzysłów, który w tym wypadku jest wskaźnikiem reprodukowania, ale również samoświadomości językowej autora wypowiedzi. Jeśli uwzględnimy, że jej adresatem jest środowisko nie-PiS (czy antypis), że uczestnikami protestów są ludzie młodzi, a protesty w małych miejscowościach szczególnie razły partię rządzącą, to rozszerzona wersja w zakończeniu znajduje uzasadnienie, obie wyróżnione frazy (w tytule i zakończeniu) na bazie aktualnych konotacji w danym kontekście zyskują więc zupełnie inną wartość.

Problem niejednoznaczności aksjologicznej nie występuje natomiast w wypadku kolejnych tekstów i ich tytułów, z modyfikacją dostosowującą tę samą skrzydlatą frazę do przedstawianej w artykułach sytuacji i tematyki:

Rubryka: *Świat*

Tytuł artykułu: Burmistrzowie wszystkich miast, łączcie się!

Lid: Wiele miast stara się dziś robić to, czego nie potrafią państwa. Stały się wielkim tyglem nowych idei i inicjatyw społecznych, wylansowały odmienny gatunek polityków.

[...] „To właśnie w sferze lokalnej powstają i są przezywane wielkie wyzwania globalne” – pisze Subirats. [...] Niektóre z miast umiały, dodaje politolog, w innowacyjny sposób odpowiedzieć na wyzwania. A mimo społecznych i politycznych różnic są to problemy bardzo podobne niezależnie od szerokości geograficznej.

(„*Polityka*” nr 33, 16–22.08.2017, s. 53–55)

Rubryka: *Rynek*

Tytuł artykułu: Rozmówcy z całej Unii, łączcie się!

Lid: W czerwcu rozmowy komórkowe w UE mają być tak tanie jak w ojczyźnie. Szkoda, że polscy operatorzy próbują obejść przepisy. („*Polityka*” nr 21, 24–30.05.2017, s. 41)

W obu wypadkach, a podkreślić należy, że modyfikowane frazemy pojawiają się w silnej pozycji tekstopowej – w tytule, a teksty zawierają uzasadnienie każdej z transformacji. Z obu kontekstów wynika, iż konotacje kryjące się za kanoniczną postacią skrzydlatej frazy są czytelne (nawet jeśli miałyby spełniać jedynie wymóg atrakcyjności medialnej) i sens zmodyfikowanej frazy, podobnie jak sama sytuacja związana z jej użyciem, jest podobny (jednoczenie się).

Odwołując się do doświadczenia potencjalnych odbiorców, publicyści przywołują znane frazemy w nowych kontekstach, chętnie wykorzystują nowe jednostki frazematyczne, ich znaczenia konotacyjne, emotywne, skojarzenia i modyfikują je stosownie do aktualnych potrzeb komunikacyjnych, również w odniesieniu do kolejnych nowych sytuacji, w tym do obcej rzeczywistości. Identyfikacja frazemów (a zatem prawidłowa interpretacja w ramach konkretnej aktualizacji tekstopowej) zakłada odwołanie się do wspólnej pamięci i wspólnej wiedzy o świecie. Przykłady (powyżej i poniżej) potwierdzają, że odtwarzalne ciągi wyrazowe mogą stać się kluczowymi komponentami tekstów, a umiejętnie ich wyzyskanie umożliwia tworzenie podtekstów, czyniąc z nich elementy (nośniki) wartościowania w tekście. Tę sytuację – z perspektywy polskiego odbiorcy – ilustruje fragment kolejnego tekstu, w którym niektóre spośród wskazanych wcześniej jednostek frazematycznych zostały użyte w silnej pozycji tekstopowej (w śródtytułach):

Rubryka: *Świat*

Tytuł artykułu: *Jak to się robi (w Wenezueli)*

Lid: Nicolas Maduro pokazuje, jak w dzisiejszych czasach być dyktatorem i zachować demokratyczną fasadę. Nie wszystko jednak musi pójść zgodnie z jego planem.

Telewizyjne migawki z Caracas ukazujące starcia demonstrantów z siłami porządku wywołują wrażenie, że mamy do czynienia z jeszcze jednym protestem przeciwko jakiejś złej władzy lub decyzji, która nie podoba się obywatelom. [...]

Ulica, nie zagranica

[...] Maduro nie boi się zagranicy, zwłaszcza gdy krytykuje go Waszyngton – Wuj Sam nie ma wśród wielu Latynosów dobrej prasy. Krytyka ze strony Unii Europejskiej też go nie wzrusza – czemu miałyby słuchać „dyktatu z Brukseli”? Ale już pod presją ulicy, jak niemal każdy satrapa, Maduro – owszem – ugina się. [...]

Bez żadnego trybu

By sięgnąć po władzę absolutną, Maduro nie zawahał się wyrzucić do kosza konstytucji uchwalonej za rządów ojca założyciela rewolucji boliwarskiej – Hugo Chaveza. [...] Przeciwnicy Madura chcieli odwołać go w takim samym trybie w połowie kadencji, tj. na początku tego roku, ale Maduro – już bez żadnego trybu – do referendum nie dopuścił. Wiedział, że przegra. [...]

Długopis się wypisał

[...] Oto przeciwko prezydentowi autokracie zbuntowała się kilka tygodni temu prokurator generalna Luisa Ortega – do tej pory „pani długopis” całkowicie lojalna [...]

Zmiana po trupach?

Opozycja zbiera siły do dalszych protestów – tym razem w obronie legalnego parlamentu. Jednak teraz wyjście na demonstrację to już nie spacer, lecz ryzykowanie życiem. Jak długo ludziom starczy odwagi? Jeśli dotychczasowi parlamentarzyści nie wystraszą się i stawią opór, jak totalnej opozycji przystało, Maduro będzie musiał zniszczyć demokratyczną fasadę swoich rządów, którą wznosił z mozołem. Wtedy suweren, ulica i zagranica zobaczą represje, nagą siłę i zwyczajną dyktaturę – a tego Maduro bardzo by nie chciał. [...] („Polityka” nr 32, 9–15.08.2017, s. 44–46)

W przywołanym tekście związane z polską rzeczywistością polityczną frazematyczne jednostki, wyraziste aksjologicznie na gruncie polszczyzny, z modyfikacjami dopasowującymi je do sytuacji i rzeczywistości tekstowej, sugerują czytelnikowi ocenę relacjonowanych zdarzeń (wenezuelskiej rzeczywistości medialnej), ale dają dziennikarzowi możliwość oceny nie wprost. Formuła *bez żadnego trybu* podkreśla sposób postępowania prezydenta Maduro w Wenezueli, *długopis się wypisał* czy *pani długopis* wpisują się w ocenę lojalności prokurator generalnej, zaś *suweren, totalna opozycja* i jej *spacer, ulica, nie zagranica* odnoszą się do protestujących w Wenezueli. *Ulica i zagranica*, podobnie jak w Polsce, dostrzegają i obserwują skutki demokracji pozornej. Jest to jednak tekst napisany dla polskiego odbiorcy, dla którego przejęte z polskiej rzeczywistości frazemy – odtwarzane, wykorzystywane są ze względu na wartość aksjologiczną i problemem będzie znalezienie dla nich odpowiedników w innym języku.

Frazemy mogą też przekraczać granice swego *locum*: tak można oceniać na gruncie polszczyzny frazem *zielone ludziki*. *Zielone ludziki*, których pojawienie się związane jest z działaniami Rosji na Ukrainie i komentarzem Władimira Putina, poza przywoływanymi cytatami z wypowiedzi prezydenta Rosji, jest wykorzystywany w kontekstach, które zwykle wiążą się z obszarem działań wojennych i w nowych kontekstach stają się synonimem czy eufemizmem nieoznakowanych żołnierzy:

Jak donosi agencja Reutera, generał Breedlove stwierdził jednoznacznie, że NATO odpowie na działania o charakterze wojskowym skierowane przeciwko któremukolwiek z krajów członkowskich, nawet jeżeli będą one prowadzone przez nieoznakowanych żołnierzy, tak jak to miało miejsce na Krymie. Jednakże, realizacja zobowiązań wynikających z Traktatu Północnoatlantyckiego w takich warunkach może być utrudniona, między innymi ze względu na brak możliwości jednoznacznej identyfikacji zagrożenia.

Niekonwencjonalny charakter zagrożenia

Problem potencjalnej agresji, w której udział brać będą nieoznakowani żołnierze („zielone ludziki”) dotyczy przede wszystkim krajów bałtyckich, w których zamieszkują liczne mniejszości rosyjskojęzyczne. Istnieją obawy, że użycie wrogich sił zbrojnych (w tym specjalnych) przeciwko Litwie, Łotwie czy Estonii mogłoby się odbyć w trakcie zamieszek z udziałem mniejszości. [...]

Najbardziej niebezpieczna wydaje się właśnie sytuacja, w której działania *zielonych ludzików*, w tym blokowanie baz wojskowych oraz przejmowanie kontroli nad budynkami rządowymi czy elementami infrastruktury miałyby miejsce się w czasie niepokojów społecznych. Odbywające się demonstracje z pewnością utrudniłyby działania sił zbrojnych i służb porządkowych [...] (<https://www.defence24.pl/zielone-ludziki-problemem-dla-nato-artykul-5-nie-wystarczy>).

Frazem ten pojawia się również w zapowiedzi na pierwszej stronie gazety:

Zielone ludziki Trumpa Wspierają Saudów, których armia zabija tysiące cywilów – s. 7 („Gazeta Wyborcza” 5–6 maja 2018, s. 1)

Na s. 7 „Gazety Wyborczej” frazem ten wprawdzie się nie pojawia w tekście, jest jednak wiele nawiązań do sytuacji podobnej jak w relacjach Rosja – Ukraina, a ważny okazuje się przy tym kolor beretów, jakie noszą komandosi amerykańscy:

Tytuł artykułu: *Americans in Yemen*

Lid: Na prośbę saudyjskiego następcy tronu komandosi z USA pomagają zwalczać szyickich rebeliantów w Jemenie.

[...] O udziale Zielonych Beretów w wojnie pisze „New York Times”, powołując się na tajne informacje od arabskich i europejskich dyplomatów oraz oficjeli z armii USA i administracji Donalda Trumpa.

Rewelacje dziennika zaprzeczą powtarzanej przez Pentagon, że amerykańska pomoc wojskowa dla Saudyjczyków w Jemenie ogranicza się wyłącznie do logistyki i wywiadu. [...] (Marta Urzędowska, „Gazeta Wyborcza” 5–6 maja 2018, s. 7).

Inny charakter ma frazem *zielone ludziki* jako komponent opublikowanego w dwutygodniku „Forum” artykułu *Majonezowi mówimy NIET!*, będącego relacją Rosjanki, która zamieszkała we Wrocławiu (na podstawie tekstu rosyjskiego). Pojawia się on w podpisie pod zdjęciem jednego z krasnali wrocławskich:

WROCŁAWSKIE KRSNALE nie boją się „zielonych ludzików”. Goście ze Wschodu są zachwyzeni („Forum” nr 20, 29.09–12.10.2017, s. 15).

W kontekście prezentowanego tekstu – jako element dodany przez tłumacza lub redakcję – wprowadza on w sferę wartościowania negatywnego, innej niż wynikałoby to z oryginału. Można by przypuszczać, że *zielone ludziki* odnoszą się do gości ze Wschodu. Ta identyfikacja nie jest pożądana, a konotacje, jakie uruchamia frazem, nie są właściwe.

5. Podsumowanie

W dyskursie prasowym wybór określonych środków frazematycznych, podobnie jak wybór samego tematu, oznacza selekcję i wartościowanie informacji, świadczy też o ich medialnej wartości. Przedstawiony materiał dowodzi bowiem, że poprzez przekaz medialny i sposób konstruowania wypowiedzi, przywoływania, komentowania, wyjaśniania i oceny zdarzeń, tworzą się fakty pamięci zbiorowej, a określone frazemy jako jednostki reprodukowalne i reprodukowane (dla użytkownika posiadającego niezbędną wiedzę) stają się podstawą gry z czytelnikiem i gry przewartościowań. W ramach reprodukwalności, która, jak podkreśla Wojciech Chlebda,

nie oznacza mechanicznego kopiowania raz na zawsze ustalonych wzorców kształtowych [...]. Każdy akt użycia języka zachodzi w innym od wszelkich poprzednich kontekście sytuacyjnym, w każdym akcie reprodukcji zawarty jest więc pierwiastek produkcji, tworzenia, innowacyjnego dostosowania się czy dopasowania do detali nowego układu sytuacyjnego. Reprodukcja może, ale nie musi być kształtowo zbieżna z oryginałem [...] (Chlebda 2010: 17–18).

Jako jednostki tekstu (i elementy konstruowanej rzeczywistości medialnej) frazemy niosą nie tylko treść semantyczną, lecz również zespół konotacji, współtworzących sens. W prasie, zwłaszcza w publicystyce, chętnie wykorzystywane i poddawane różnym modyfikacjom, często dodatkowo opatrywane znakiem graficznym lub metaoperatorem ułatwiającym ich wyodrębnianie, wpisują się one w techniki dyskursywne przypominania. Kanoniczna postać kształtowa frazemu, nawet jeśli zostaje zredukowana do pewnego śladu, pozostaje jądrem, bazą przypominającą sens podstawowy i pewną sytuację użycia wraz konotacjami, która pod wpływem innowacyjnego użycia i modyfikacji, zyskując nową obudowę, komunikuje nową jakość. Problemem może być jednak aksjologiczna niejednowartościowość, co podkreśla wagę pytania o płaszczyznę odniesienia, czynnik czasu czy zasięg społeczny reprodukwalności.

Literatura

- Bartmiński, Jerzy. 2003. *Miejsce wartości w językowym obrazie świata*. In: Bartmiński, Jerzy (ed.). *Język w kręgu wartości*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 59–86.

- Bartmiński, Jerzy. Niebrzegowska-Bartmińska, Stanisława. 2009. *Tekstologia*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Borysowski, Daniel. 2018. *Dwutekst i wielotekst a problemy leksykografii przekładowej*. Uniwersytet Opolski. [Niepublikowana rozprawa doktorska].
- Bralczyk, Jerzy. Wasilewski, Jacek. 2010. *Język w mediach. Medialność języka*. In: Bauer, Zbigniew. Edward Chudziński (eds.). *Dziennikarstwo i świat mediów*. Kraków: UNIVERSITAS, 379–401.
- Chlebda, Wojciech. 2005. *Szkice o skrzydlatych słowach. Interpretacje lingwistyczne*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego.
- Chlebda, Wojciech. 2007. O tekstowych wykładnikach wartościowania. „Przegląd Humanistyczny” 1, 25–34.
- Chlebda, Wojciech. 2010. *Nieautomatyczne drogi dochodzenia do reproduktów wielowyrazowych*. In: Chlebda, Wojciech (ed.). *Na tropach reproduktów. W poszukiwaniu wielowyrazowych jednostek języka*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 15–35.
- Gajda, Stanisław. 2000. *Media – stylowy tygiel współczesnej polszczyzny*. In: Bralczyk, Jerzy. Mosiołek-Kłosińska, Katarzyna (eds.). *Język w mediach masowych*. Warszawa: Rada Języka Polskiego, 19–27.
- Gajda, Stanisław. 2016. *Współczesna polska przestrzeń dyskursywna*. In: Witosz, Bożena. Sujkowska-Sobisz, Katarzyna. Ficek Ewa (eds.). *Dyskurs i jego odmiany*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 15–21.
- Głowiński, Michał. 1986. *Wartościowanie w badaniach literackich a język potoczny*. In: Sawicki, Stefan. Panas Władysław (eds.). *O wartościowaniu w badaniach literackich*. Lublin: Wydawnictwo KUL, 180–190.
- Kita, Małgorzata. 2013. *Dyskurs prasowy*. In: Malinowska, Ewa. Nocoń, J.?. Źydek-Bednarczuk, Urszula (eds.). *Style współczesnej polszczyzny. Przewodnik po stylistyce polskiej*, Kraków: UNIVERSITAS, 199–288.
- Kłosińska, Katarzyna. 2017. *Czy jeszcze istnieje norma frazeologiczna?* In: Pstyga, Alicja. Kananowicz, Tatiana. Buchowska, Magdalena (eds.). *Słowo z perspektywy jazykoznawcy i tłumacza*. T. VII: *Frazeologia z perspektywy jazykoznawcy i tłumacza*. Gdańsk: Wydawnictwo UG, 17–26.
- Kołodziej, Jacek. 2011. *Wartości polityczne. Rozpoznanie, rozumienie, komunikowanie*. Kraków: Księgarnia Akademicka.
- Krzeszowski, Tomasz. 1999. *Aksjologiczne aspekty semantyki językowej*. Toruń: Wydawnictwo UMK.
- Laskowska, Elżbieta. 2009. *Wartościowanie w dyskursie publicznym*. In: Awdiejew, Aleksy. Habrajska, Grażyna (eds.). *Rozmowy o komunikacji językowej*. T. 3. Łask: Oficyna Wydawnicza Leksem, 55–71.
- Lisowska-Magdziarz, Magdalena. 2008. *Media powszednie. Środki komunikowania masowego i szerokie paradygmaty medialne w życiu codziennym Polaków u progu XXI wieku*. Kraków: Wydawnictwo UJ.

- Nowak, Paweł. Tokarski, Ryszard. 2007. *Medialna wizja świata a kreatywność językowa*. In: Nowak, Paweł. Tokarski, Ryszard (eds). *Kreowanie światów w języku mediów*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 9–35.
- Pajdzińska, Anna. 1991. *Wartościowanie we frazeologii*. In: Pużynina, Jadwiga. Anusiewicz, Janusz (eds.) *Język a kultura*. T. 3: *Wartości w języku i tekście*. Wrocław: Wiedza o Kulturze, 15–28.
- Piekot, Tomasz. 2006. *Dyskurs polskich wiadomości prasowych*. Kraków: UNIVERSITAS.
- Pisarek, Walery. 2008. *Wstęp do nauki o komunikowaniu*. Warszawa: Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne.
- Pstyga, Alicja. 2017. *Rzeczywistość medialna i medialny punkt widzenia a przekład*. In: Pstyga, Alicja. Patocka-Sigłowy, Urszula (eds.) *Międzyjęzykowe i międzykulturowe konteksty współczesnego dyskursu publicznego*. Gdańsk: Wydawnictwo UG, 125–142.
- Pstyga, Alicja. 2019. Z badań nad polskim dyskusem medialnym: konotacja wartościująca frazematyycznych struktur tekstowych. In: Kananowicz, Tatiana. Klimkiewicz, Aleksandra (eds). *Gramatyka. Styl. Dyskurs*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 227–234.
- Pużynina, Jadwiga. 1992. *Język wartości*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Pużynina, Jadwiga. 2003. *Wokół języka wartości*. In: Bartmiński, Jerzy (ed.). *Język w kręgu wartości*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 19–34.
- Skowronek, Bogusław. 2013. *Mediolingwistyka. Wprowadzenie*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe UP w Krakowie.
- Skowronek, Katarzyna. Skowronek, Bogusław. 2009. *Ideologia przekazu telewizyjnego (na przykładzie stacji telewizyjnej AXN)*. In: Filiciak, Mirosław. Ptaszek, Grzegorz. (eds.) *Komunikowanie się w mediach elektronicznych*. Warszawa: Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne, 314–239.
- Tabakowska, Elżbieta. 2004. *O językowych wyznacznikach punktu widzenia*. In: Bartmiński, Jerzy. Niebrzegowska-Bartmińska, Stanisława. Nycz, Ryszard (eds.). *Punkt widzenia w języku i kulturze*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 47–64.
- Tokarski, Ryszard. 2014. *Światy za słowami. Wykłady z semantyki leksykalnej*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Wierzchoń, Piotr. 2010. *Pięć bardzo skutecznych (sprawdzonych) sposobów na masowe wyodrębnianie wielowyrazowych segmentów podejrzanych o frazematyczność (czyli reproduktów)*. In: Chlebda, Wojciech (ed.). *Na tropach reproduktów. W poszukiwaniu wielowyrazowych jednostek języka*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 87–125.
- Wojtak, Maria. 2015. *Rozłożone gazety. Studia z zakresu prasowego dyskursu, języka i stylu*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.

Reproducibility of phraseological units in contemporary press discourse

Summary

Contemporary Polish press discourse are composed of texts that are diverse and interesting due to the linguistic qualities, including the present phraseological units – that obligatory element, which they constitute, are attractive wordings describing a particular problem, a fragment of reality or a commentary or an assessment of reality or problems, introducing the emotional component.

The analysis of the selected press material – text units within a wide range of phraseology, which constitute a component which organises the text and influences the global semantics of the message. The phraseological units of language and text are also entangled in the cultural and pragmatic context, which in the specific utterance show wide possibilities of their exploitation in the structure of the text, also allow to transfer the additional content and creating a subtext. Properly selected, they are often the semantic nucleus of statements, confirming their text-creating possibilities and role in the semantic organisation of the text and the construction of media reality. The sender and the receiver, when transforming the meaning of the parts of the text into a global sense, must refer to the context, i.e. the broadly understood cultural background, the way of valuation, the perspective and the viewpoint of both the sender and the receiver. The problem of appealing and imitating forms of linguistic behaviour and linguistic experience in earlier statements, texts.

The interpretation of the text and discourse, as well as of the textual units as the cases of contextualized use – always in some physical, mental, social or cultural context – goes beyond the description of the language itself. For this reason, is necessary to expose their multiple connections with the pragmatics of the communication act, pragmatics of speaking and understanding, social background and cultural context, reference to other cultural texts and traces of earlier utterances.

Арчан Шаркар
Калькутский университет
Индия
<https://orcid.org/0000-0002-9402-8762>

Исходные положения воспроизводимости и долголетие фразеологических оборотов

Аннотация. Автор настоящей работы показывает, что каждый фразеогизм индивидуален по своей семантике и что его своеобразие ярко выявляется даже в синонимическом ряду. Таким образом, обнаруживается невозможность замещения фразеогизмов, что способствует их длительной жизни. Обнаруженный факт с особой яркостью проявляется при рассмотрении процесса архаизации, когда устаревшие слова вытесняются из состава активной лексики синонимами, тогда как из-за невозможности замещения синонимами фразеогизмы воспроизводятся в неизменяемом виде и продолжают жить веками. Данная работа подчёркивает также значительную роль десемантизации в выявлении несходного понимания воспроизводимости в словах и в фразеогизмах. В данном исследовании лексике, т.е. самой подвижной части языка, противопоставляется контекстуальная неподвижность фразеогизмов, и при этом по-разному раскрывается сущность воспроизводимости данных языковых единиц – в возобновлении в случае слов, в стереотипии в случае фразеологических оборотов. Настоящий очерк обращает внимание на обобщающую и экспрессивно-образную функции фразеогизмов наряду с номинативной и сопоставляет эти разнофункциональные единицы с однофункциональными словами, обнаруживая, что они занимают разноправную позицию в лексико-семантической системе русского языка.

Ключевые слова: *семантическое поле, архаизация, редукция смысла, воспроизводимость*

1. Вводные замечания

Единицы языка распределяются по категориям и ярусам языка. Слово – единица лексического уровня и является основной номинативной единицей языка. Фразеогизмы же, имея функциональную близость к слову, всё же выявляют межъярусный характер и отличаются от них также степенью сложности строения. Важной особенностью фразео-

логизмов, сближающей их со словами, является из воспроизведимость. Употребляемые как готовые единицы в системе языка, и те, и другие закрепляют содержание народного сознания. Исследование показывает, однако, что воспроизведимость по отношению к словам и фразеологизмам понимается по-разному, причем исключительную роль играет при этом их смысловая сторона. Семантика слова – это специфическое языковое отражение в нём явлений объективного мира, а в основе семантики фразеологизмов лежит десемантизация. Настоящая работа показывает, что каждый фразеологизм индивидуален по своей семантике и своеобразие его заключается в разнообразии десемантизированной лексики. Следует упомянуть, что при десемантизации наблюдается противоположная направленность изменений в смысловой структуре лексической единицы:

- уменьшение или редукция смысла;
- расширение смысла и развитие полисемии.

2. Семантика и воспроизведимость

Указанные изменения происходят на периферии семантического поля, куда входит множество слов, образующих тематический ряд объединённых общей семой (архисемой). Наблюдение за процессом десемантизации выявляет, что часто слово, нарушая своё единство с архисемой, пересекает перефирию семантического поля. В названии рассказа “Белая любовь” Евгений Замятин, следуя понятию прототипного оборота ‘белая ворона’ (букв. *white crow*), выражает основную мысль своего сочинения о существовании необычной любви:

- (1) “... что полюбить черненькой или серенькой любовью дано всякому, и лишь немногим под силу трудный путь иной – белой любви”.

Однако, при этом лексическая единица ‘белая’ перестаёт быть единицей семантического поля цветообозначений, как в следующем примере:

- (2) “Ближе к вечеру на озере появился белый пароход” (Айтматов, *Белый пароход*).

Десемантизированное слово *белая* в обороте *белая любовь*, лишённое своего собственного лексического значения, является компонентом фразеологического оборота, новая семантика которого не вытекает из значе-

ний его компонентов. В результате десемантизации форма слова становится дисфункциональной, но деформации его не наблюдается. Следует подчеркнуть, что семантика слова возникает в условиях предметно-логических и закономерна в лексико-семантической системе русского языка. Семантическая мотивация же фразеологического оборота, в составе которого имеются десемантизированные лексические единицы, во многом определяется элементами национально-культурного плана. Кроме этнокультурных и антропологических аспектов исторический и духовный опыт русского народа являются основными факторами, оказывающими непосредственное и посредственное влияние на фразеообразование. Таким образом, относительная сводка от ограничений лексической и семантической сочетаемости и возможность образно-ассоциативного восприятия реального мира привносят, с одной стороны, разнообразие в фразеологию и, с другой, создают уникальность каждого оборота. Своебразие это явно выявляется в синонимическом ряду: например, *баращек в бумажке* (букв. *a lamb in a paper*) и *безгрешные доходы* (букв. *sinless earnings*).

Несмотря на сходства их смыслового содержания, они отличаются оттенком значения. Оба выражения означают подкуп, однако первое из них указывает на время, когда ещё не было денежной системы. Именно баран и другие домашние животные были весьма ходовыми товарами и использовались в качестве доступной валюты. Подношения брались натурай, например, баранами. А концепцию взяточничества без ссылки на какие-либо конкретные средства несёт оборот *безгрешные доходы*. Так, данные фразеологизмы отличаются друг от друга оттенками смысла по признаку “абстрактность-конкретность”:

- (3) “Я прошлого года попытался не послать ему на именины баращка в бумажке, так он чуть меня совсем погубил” (Загоскин, *Кузьма Рощин*);
- (4) “Человек он был новой породы: Исключительно честь понимал, И безгрешные даже доходы Называл воровством, либерал!” (Некрасов, *Маша*).

Смысль каждой из упомянутых устаревших фразеологических единиц продолжает быть актуальным и для настоящего момента. Фразеологические синонимы отличаются друг от друга также интенсивностью проявления признака действительности, как, например, *чуть свет* (букв. *a little light*) и *ни свет, ни заря* (букв. *no light*):

- (5) “Утром, чуть свет, когда ещё отец и тётка крепко спали в соседних комнатах, я поднялся и пошёл в сад” (Беляев, *Старая крепость*);

- (6) “На другой день, ни свет ни заря, Лиза уже проснулась. Весь дом ещё спал” (Пушкин, *Барышня-крестьянка*).

Примеры показывают, что указанная пара адвербиональных фразеологизмов, выступающих в приведённых предложениях в качестве обстоятельства времени, при очевидной семантической близости отличаются градацией изображения определённого отрезка суток. Ср. также tolкование фразеологического словаря: *чуть свет* – очень рано, на рассвете; *ни свет ни заря* – в самую рань, до рассвета.

Выше было сказано о роли десемантизации слов при образовании фразеологических оборотов, а также о том, что каждый фразеологизм индивидуален по своей семантике. Необходимо упомянуть, что на протяжении всего процесса, когда тот или иной словесный комплекс набирает коннотативный импульс и на основе его переосмыслиния формируются устойчивое семантически неделимое сочетание слов и его обобщённо-переносное значение, воспроизведимость остаётся актуальной и активной. В переосмыслённом сочетании слов, получившем название фразеологизма, воспроизводятся звуковая оболочка и буквальная форма указанного комплекса:

- (7) “Если человек прикусил язык пока ел салат, то его ожидает хорошая новость от родственников” (<http://primel.ru>);
- (8) “Кто-то из молодёжи, сославшись на традицию, предложил «обмыть» нового токаря, но мастер посмотрел на знатока традиций так, что тот сразу прикусил язык” (Соловьев, *Будни милиции*).

Таким образом, свободное сочетание слов *прикусил язык* (в значении ‘слегка укусишь, сжать’) в первом предложении является прототипом фразеологизма *прикусил язык* (‘замолчать внезапно, воздержаться от высказывания’; букв. *to shut up*) во втором предложении. Возникновение фразеологизма в результате воспроизведения словесного комплекса в его привычной форме и образного переосмыслиния его первоначального значения обнаруживается также в следующих примерах:

- (9) “Трудно назвать жизнь приятной или комфортной, когда у вас каждую минуту чешутся руки до локтя. Причины этого неприятного симптома могут быть самыми различными” (<http://chebo.pro>);
- (10) “– У людей руки чешутся, а работы нет... все бока отлежали! Как бы скучки не стали оглобли поворачивать!” (Чаковский, *У нас уже утро*).

Анализ показывает, что с течением времени десемантизация допускает больше возможностей воспроизводиться скорее всего в словах, чем в фразеогиазмах, при которых указанный процесс происходит чаще всего при их появлении в языке. Обнаруженный факт с особой яркостью возникает при рассмотрении процесса архаизации, когда устаревшие слова не только вытесняются синонимами из состава активной лексики, но и воспроизводятся с новыми представлениями в изменённых контекстах.

Например, смысьль многих эпизодов в художественной литературе эпохи модернизма выясняется словами, вытесненными после их употребления в летописях старинных веков. В качестве примера можно взять роман “Мы” Евгения Замятиня (“мы’ при этом – не столько совокупность людей, сколько сатирическим мотивом в утопическом мире единого государства). Обратим внимание на раздел “Житие Блоха” этого романа, являющегося первым примером антиутопического литературного направления середины XX века. Будучи семантическим архаизмом, слово *житие* отсылает к произведениям житийного жанра духовной литературы древнерусского периода. Как известно, основной канонической чертой жития является рассказ о жизни и действиях святого от рождения и до смерти, как, например, “Житие Александра Невского”, “Житие протопопа Аввакума” и т.д. Именно таков план сюжетной линии “Жития Блоха” Замятиня. Однако, в нём раскрывается жизнь от рождения до смерти не святого, а злого человека, это пародия на коммунистическое общество, а также предупреждение о тоталитарной идее.

Древнерусские памятники свидетельствуют о том, что слово *тьма* означало – кроме отсутствия света – количество, а именно ‘десять тысяч’ или ‘сто тысяч’ в зависимости от характеристики выражений, в которых оно используется:

- (11) “И увидел он воев своих, тьмою от него прикрытых Солнце дорогу ему тьмой заступило....” (*Слово о полку Игореве*).

Давно вышедшее из употребления указанное значение слова *тьма* становится символом великого множества у Александра Блока:

- (12) “Милльоны – вас. Нас – тьмы, тьмы, и тьмы”.

Указанное значение слова *тьма* сохраняется в пассивном запасе русского языка и в стихотворении “Двести пятьдесят миллионов” Павла Антокольского воспроизводится в другой историческом перспективе:

- (13) “Нас тьмы и тьмы и тьмы, с тех самых пор,
И вышли с лозунгом ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ...”.

А фразеологизм *тьма тьмуящая* (букв. *dark of darkness*) просторечного характера продолжает воспроизводиться в одном же виде и контексте и не может быть заменена оборотами ‘туча тучей’ (букв. *cloud of clouds*) и ‘сорок сороков’ (букв. *forty forties*) из-за того, что они отличаются большой образностью, которая возникает из переноса названий: то от ста-ринной единицы счёта на Руси, то из мира природы и т.д., вследствие чего сказанные обороты различаются по соотнесённости с ситуацией:

- (14) “Сперва попирали, как следует, а там и отправились за заставу. Народу сбежалось тьма тьмущая” (Тургенев, *Однодворец Овсяников*);
- (15) “Лет двадцать назад, помню тут и гуси были, и журавли, и утки, и тетерева туча тучей! И куда оно всё девалось!” (Чехов, *Свириль*);
- (16) “А в Москве дома большие, каменные, – говорила она, – церквей много-много, сорок сороков” (Чехов, *Мужики*).

Каждый из них уникален по своей экспрессивности, что порождает их долговечие в языке.

3. Парадигматика, синтагматика и воспроизведимость

Среди факторов, оказывающих влияние на воспроизведимость фразеологизмов, на устойчивость их состава, важными, кроме семантики, являются их парадигматические и синтагматические возможности. Следует упомянуть, что парадигматические формы служат для формального выражения отношений и связей фразеологизма со словами в предложении. Как правило, они отмечаются не у всех фразеологизмов, так же, как и не у всех слов. Парадигматические формы совсем отсутствуют у адвербиальных фразеологических оборотов. Связи таких оборотов со словами в предложении выражаются не парадигматическими формами, а синтаксическим способом, и фразеологические обороты при этом всякий раз в готовом неизменном виде:

- (17) “Он может и я не могу! На все убеждения Денисова не ездить, Петя отвечал, что он тоже привык всё делать аккуратно, а не наобум лазаря, и что он об опасности себе никогда не думает” (Толстой, *Война и мир*);

- (18) “– Наобум лазаря выметывали... косяки, наверное, разметал шорт. Раз столько времени их не нашли, – значит, надо было выметывать сети вследую” (Чаковский, *У нас уже утро*).

Постоянство компонентного состава фразеализма и его воспроизведимость ярко отражаются при адъективных фразеологизмах, у которых парадигматические формы отсутствуют частично. Анализ примеров показывает, что парадигма данного типа фразеологических оборотов ограничена формами числа и иногда рода:

- (19) “Запросили они сто рублей, запросили и не верили, что может это сбыться: голы как соколы были оба, а ста рублей и в глаза за всю жизнь не видели” (Попов, *На исходе ночи*);
- (20) “Это всё Ирина придумывает, кругом травой посыпала. – Марфа оглянулась. – А вот и она! Лёгкая на помине” (Бабаевский, *Кавалер Золотой Звезды*);
- (21) “А-а! Вот это кто! Лёгок на помине, – сказал он, выходя из-за стола и протягивая Воронько руку. А я как раз о тебе сейчас думал” (Горбатов, *Донбасс*).

Словоизменительная падежная форма при этом, как правило, отсутствует:

- (22) “Канашев понял: У мужика спалили маслобойку, имущество описано фин-инспекцией, и сам хозяин завода стал гол как сокол; у него полторы тысячи недохватки” (Кочин, *Девки*);
- (23) “И если бы тебе вздумалось потакать немцам и ходить всюду, куда тебя приглашают, ты бы оттуда вышел гол как сокол” (Шолом-Алейхем, *Мариенбад*).

Адъективный фразеологизм *не от мира сего* (букв. *not of this world*) в следующих примерах выполняет синтаксическую функцию определения и при нулевой падежной флексии данный фразеологизм воспроизводится в устойчивом лексико-грамматическом составе с закреплённой за ним семантикой:

- (24) “Это был совсем не от мира сего человек и доброды редкой” (Станюкович, *Маленькие моряки*);
- (25) “Дядя этот был в полном смысле слова человеком не от мира сего” (Ковалевская, *Воспоминания*).

Следует подчеркнуть, что принадлежность того или иного фразеологизма к тому или иному типу определяется прежде всего семантикой,

а не наличием или отсутствием в нём компонента, соотносимого с той или иной частью речи. Так, фразеологизм *себе на уме* относится к адъективному типу, несмотря на то, что в его составе нет прилагательных. Полное отсутствие парадигмы у данного оборота усиливает его долголетнюю жизнь в одном и том же виде:

- (26) “Четвёртый год живу с тобой, матушка, душа в душу, а каковы твои сокровенные помыслы касательно дел важных – не ведаю. Ты себе на уме, матушка” (Шишков, *Емельян Пугачев*);
- (27) “Это человек опытный, себе на уме, не злой и не добрый, а более расчётыливый; это третий калач, который знает людей и умеет ими пользоваться” (Тургенев, *Певцы*);
- (28) “Они, старики-то, все такие: себе на уме. Мой-то родитель... был тем же миром мазан. Все скрытничал” (Марков, *Соль земли*).

Нижеследующий пример и предложения выше доказывают воспроизводимость этого фразеологизма, компонентный состав которого строго фиксирован и при выражении различной семантики (в данном случае мы имеем дело с семантикой предметности и семантикой признака предмета):

- (29) “Негров, конечно, не принадлежал к особенно умным людям, но он обладал вполне нашей национальной сноровкой, этим особым складом практического ума, который так резко называется: ‘себе на уме’” (Герцен, *Кто виноват?*).

Повышение частоты воспроизводимости фразеологических оборотов в результате их неполной парадигмы раскрывается также при изучении морфологических категорий глагольных фразеологизмов. Указанный факт наиболее ярко выявляется на примере категории вида. Следует заметить, что глаголы, имеющие видовую пару в свободных сочетаниях в предложении, став компонентами фразеологических единиц, становятся глаголами одновидовыми, что безусловно способствует росту воспроизводимости этих оборотов в неизменяемом виде:

- (30) “До волости пятнадцать верст и все лесом, одни волки да сосны кругом. Поп говорит проповеди о пришествии антихриста. Вчера Вавила рассказывал, будто к одной бабе забралась под череп лягушка, а святой угодник вырезал её оттуда хлебным ножом, – и рассказчика слушают и верят! Подобным Вавилам хорошо рыбу в мутной воде ловить” (Конин, *Девки*);
- (31) “Уезжая, он дал себе слово забыть о московских делаах, выкинуть из головы все заботы и тревоги...” (Нагибин, *БезлюбыЙ*).

Уже было сказано, что отнесённость фразеологизма к определённому разряду во многом определяется его семантикой. Семантические же факторы образуют характеристики его парадигмы, что в свою очередь оказывает влияние на его воспроизведимость:

- (32) “И начал кашлять кровью, И, видно скоро ноги протяну. Но я оплакиваю не здоровье, Не молодость, а Францию одну” (Антокольский, *Два портрета*);
- (33) “А сколько ты трудодней наработал? – спросил Фёдор Игнатьевич. – Да сколько мне наработать? Больная сверху до самых пяток. – А на своём огороде работаешь? – Через силу, батюшка. Кабы на огороде не работала, так и вовсе ноги бы протянула” (Антонов, *Поддубенские частушки*).

Для того, чтобы передать смысль завершенности действия, данный фразеологический оборот воспроизводится в единственной форме совершенного вида глагола в своём составе. Нижеследующий же оборот, выражая безрезультативность действия, воспроизводится как одновидовый фразеологизм несовершенного вида:

- (34) “Ходил сюда целое лето, ел, пил, обнадеживал, балысы тут с девчонками от зари до зари точил, и вдруг на тебе, уезжаю!” (Чехов, *Жених и папенька*);
- (35) “С судомойками можно по вечерам было точить лясы” (Федин, *Братья*).

Замеченные характеристики хорошо видны в нижеследующих фразеологических единицах, которые воспроизводятся в близких друг другу планах выражения, однако имеют в своих составах разные видовые формы одного и того же глагола для обозначения разных смысловых оттенков, т.е. завершенности, результивности, с одной стороны, и, с другой, неоднократности, продолжительности и т.д.:

- (36) “Таких и подбирал себе Григорий, чтобы шли за ним “в огонь и в воду”, такими, выдержанными ещё в германской войне, и окружал себя” (Шолохов, *Тихий Дон*);
- (37) “Он чувствовал, что от одного слова этого человека зависело то, чтобы вся громада эта пошла бы в огонь и в воду, на преступление, на смерть или на величайшее геройчество” (Толстой, *Война и мир*);
- (38) “Это все записи про хорошего человека, отличного зама, с которым прошли огонь и воду” (Александров, *Звезда волоцкого*).

Следует подчеркнуть, что в отличие от сочетаемости слов, при которой наблюдается предметно-логическая связь, связь того или иного слова

с тем или иным фразеологизмом определяется не логикой, а языковой традицией, узусом, нормой. Анализ примеров доказывает, что способность фразеологических оборотов сочетаться со словами в предложении определяется предсказанными синтагмами. Например, фразеологизм *как рыба в воде* (букв. *like a fish in water*) сочетается преимущественно с глаголом *чувствовать себя*, хотя 'совершенно свободно, непринужденно' (как характеризуется данный оборот) можно также работать, проводить время и т.д.:

- (39) "Нужно было потерять всякий вкус, чтобы находить какой-нибудь интерес в этом отребье. А между тем Антон Иваныч чувствовал себя как рыба в воде" (Мамин-Сибиряк, *Человек с прошлым*);
- (40) "Семен часто спотыкался в темноте и ругался себе под нос, а низенький коренастый Лукашка чувствовал себя как рыба в воде. Шёл он лёгкой, бесшумной под脚步кой крадущейся рыси" (Седых, *Даурия*).

Синтагматическое своеобразие фразеологического оборота *комар носа не подточит* (букв. *a mosquito doesn't undermine smb.'s nose*) заключается в том, что он употребляется в сочетании с союзами *что* и *чтобы*, которые, как правило, предшествуют данному обороту:

- (41) "Он плавку, что сам выпускать будет, ведёт так, что комар носа не подточит, а если видит, что другому эту плавку выпускать, обязательно свинью подложит" (Попов, *Сталь и шлак*);
- (42) "Заказ был дорогой, важный и условие было: закалить деталь так, чтобы комар носа не подточил" (Чаковский, *Это было в Ленинграде*).

Так, устойчивость повторяющегося компонентного состава фразеологизмов является важнейшим свойством не только самой их структуры, она наблюдается и в их синтагматических возможностях. Строго фиксированная синтагма, таким образом, ещё усиливает явление воспроизведимости фразеологизмов, что безусловно продлевает их жизнь в языке в неизменяемом виде.

3. Выводы

Из сказанного следует, что сущность воспроизводимости слов и фразеологических единиц раскрывается по-разному – в возобновлении в случае слов, в стереотипии – в случае фразеологических оборотов. В све-

те воспроизведимости обнаруживается большая значимость экспрессивно-образной функции фразеологизмов (кроме номинативной) и при этом слова как единицы однофункциональные противопоставлены разнофункциональным фразеологизмам и они в лексико-семантической системе русского языка занимают неравноправные места. Возникновение фразеологизмов на основе переосмыслиния исходного словесного комплекса, постоянство их состава, функционирование и воспроизведимость на протяжении десятилетий, а даже столетий обусловлены как культурными традициями того или иного языкового коллектива, так и самой языковой традицией.

Библиография

Словари

- Молотков, Александр И. (ред) 1987. *Фразеологический словарь русского языка*. Москва: Русский язык.
- Черных, Павел Я. 1993. *Историко-этимологический словарь*. Москва: Русский язык.
- Ожегов, Сергей И. *Словарь русского языка*. 1986. Москва: Русский язык.
- Жуков, Влас П. et al. 1987. *Словарь фразеологических синонимов русского языка*. Москва: Русский язык.
- Шанский, Николай М. 1987. *Опыт этимологического словаря русской фразеологии*. Москва: Русский язык.

Книги

- Шахматов, Алексей А. 2011. *История русского летописания*. Санкт-Петербург: Наука.
- Новиков, Лев А. 1987. *Современный русский язык. Лексикология*. Москва: Русский язык.
- Кохтев, Николай Н.; Розенталь, Дитмар Э. 1986. *Русская фразеология*. Москва: Русский язык.
- Трофимова, Нина В. 2000. *Древнерусская литература*. Москва: Флинта, Наука.
- Солодуб, Юрий П.; Альбрехт, Федор Б. 2003. *Лексика и фразеология*. Москва: Флинта, Наука.

Монография

- Панкина, Марина Ф. 2012. *Десемантизация как способ развития значения слова*. Воронеж: Истоки.

Кандидатская диссертация

Ковалевская, Лариса А. 2010. *Внутренняя форма как источник семантической мотивации и культурной коннотации фразеологизмов русского языка*. Московский педагогический государственный университет.

**Preliminary Remarks on Reproducibility and Longevity
of Phraseological Units****Summary**

The present work describes how every single phrase is special in its semantics and its uniqueness is highlighted even in its synonym series. Thus it reveals the impracticability of replacement which facilitates considerable growth in the life span of phrases. The said finding becomes more evident while studying the process of archaizing, when the obsolete words are replaced by synonymous words from the active stock of lexis, whereas due to aversion towards replacement, the phrases are reproduced in the unchanged form and thus their age-old life continues. The given work also emphasizes the significant role of desemantization in unfolding a dissimilar display of reproducibility in words and in phraseological units. The present research puts in contrast the lexis i.e. the most mobile part of a language and the contextual immobility of phrases. Thus it unfolds the concept of reproducibility differently in different language units – in regeneration of words and in stereotypy of phrases. The proposed paper considers the common as well as the graphically expressive functions of phrases besides their nomenclatorial function and compares these multifunctional units with the unifunctional words. Thus it concludes, that in the lexico-semantic system of Russian language they co-exist as elements of unequal ranks.

Ядвиги Тарса
Опольский университет
Польша
<https://orcid.org/0000-0002-4381-2637>

Воспроизведимость сетевых фразеологизмов – универсальное и национальное

Аннотация. Статья посвящена выявлению и описанию универсального и национального в воспроизведимости сетевых фразеологизмов. Автор статьи делит сетевые фразеологизмы на три группы: а) фразеологизмы, которые или воспроизводятся в исходной форме (т.е. на английском языке), или являются кальками с английского языка, б) фразеологизмы, которые не являются кальками английских выражений, они возникли независимо в разных сегментах Интернета, отличаются планом выражения, но у них одинаковый план содержания, воспроизводятся в них одинаковые смыслы, в) фразеологизмы, функционирующие только в определенном сегменте Интернета.

Ключевые слова: воспроизведимость, сетевой фразеологизм, Интернет, универсальное, национальное

1. Введение

Близкие международные контакты, возможность жить и работать заграницей, появление Интернета привели к языковой глобализации. Это «процесс взаимопроникновения языков в условиях глобализации. “Языковая глобализация” находит выражение прежде всего в широком и повсеместном распространении английского языка, в проникновении в национальные языки англизмов (американизмов)» (Баско 2016: 59).

В Интернете тоже господствует английский язык, который для интернет-пользователей стал своего рода лингва франка. По данным статистик за 2017 год, 51,2% всех сайтов были на английском языке¹ и 25,3% (т.е. свыше свыше одного миллиарда человек) пользователей говорят на

¹ https://w3techs.com/technologies/overview/content_language/all

английском языке, причем для статистики был принят только первый язык пользователей². Неудивительно, что именно из этого языка происходит большинство мемов, демотиваторов и фразеологизмов, которые «путешествуют» по Сети, хотя их авторы необязательно англоязычные.

Чтобы говорить об универсальном и национальном в воспроизведимости сетевых фразеологизмов, сначала надо определить, какие единицы языка будут входить в эту группу. На наш взгляд, сетевые фразеологизмы – это устойчивые словосочетания, источником которых является Интернет (мемы, демотиваторы, любительские видеоролики, жаргон падонков и т.п.), а также выражения, происходящие из речи известных лиц, популярных фильмов, литературных произведений, фразеологизовавшиеся в Интернете. Часть из них прочно вошла в язык интернет-пользователей, другие из них пользуются популярностью краткое время и после пика популярности их можно редко встретить. Их популярности способствует то, что очень часто они являются вербальной частью поликодовых текстов (мемов и демотиваторов).

Благодаря различным сайтам можно проследить путешествие сетевых фразеологизмов, которое иногда бывает длинным, а во время этого пути значение некоторых единиц меняется. Иногда трудно найти их источник, так как разные сайты могут приводить разные версии происхождения сетевых фразеологизмов. Примером пусть послужит мем Feels Guy (Wojak), который в Рунете известен как «Я знаю это чувство». Как сообщает сайт memepedia.ru, «это мем-фейс польского происхождения, на котором изображен лысый мужчина с морщинами на лбу»³. Дальше на этом сайте можно прочитать, что впервые этот мем появился в октябре 2009 году на немецком имиджборде Krautchan.net, и сразу получил большую популярность среди англоязычных пользователей. Его авторство приписывают британскому пользователю Falco, который нарисовал его для троллинга польского пользователя Wojak, писавшего на ломаном английском. Другим пользователям этот рисунок понравился, они стали его использовать в комиксах и со временем Wojak стал шаблонным лицом, которые все знают как Feels Guy. Этот мем «символизирует сочувствие или сопереживание, используется в ситуациях когда нам знакомо чувство говорящего»⁴. В свою очередь на сайте knowyourmeme можно прочитать, что автором этого мема является поляк у которо-

² <https://www.internetworldstats.com/stats7.htm>; <http://nauchkor.ru/media/samye-populyarnye-yazyki-interneta-59e51d415f1be76c059e98be>

³ <https://memepedia.ru/feels-guy-wojak/>

⁴ <https://memepedia.ru/feels-guy-wojak/>

го был никнейм Wojak. Этот интернет-пользователь разместил рисунок лица на немецком имиджборде в мае 2010 года и с этого времени мем этот стал популярен среди других интернет-пользователей и стал появляться на итальянском имиджборде Pastachan и российском Dobrochan⁵. Эта краткая история одного мема показывает, что иногда трудно точно определить страну автора данного выражения⁶.

2. Англоязычные сетевые фразеологизмы

Как кажется, сетевые фразеологизмы можно разделить на три группы. Первая группа – это фразеологизмы, которые или воспроизводятся в исходной форме, или являются кальками с английского языка. Как уже было раньше сказано, английский язык господствует в Интернете и оттуда большое количество англоязычных сетевых фразеологизмов.

Среди самых популярных интернетовских устойчивых английских словосочетаний можно назвать фразу *This is Sparta!* Фраза эта появилась в фильме «300 спартанцев», а произносит ее спартанский царь Леонид, сбрасывая в колодец персидского послы. Чаще всего она появляется в инвариантне под разного рода графикой, являющейся или кадром из фильма, или ассоциирующейся с этим кадром. Так как в этом выражении очень легко заменить последний компонент, то интернет-пользователи, актуализируя значение этого фразеологизма, вместо слова Спарта употребляют другие слова *This is Cavia!*, *This is gniazdooo!*, *This is RZĄD!*, *This is пятниницаа!!!*, *This is экзамен!!!* Только в нескольких демотиваторах эта фраза была использована в переведном варианте.

⁵ <https://knowyourmeme.com/memes/wojak-feels-guy>

⁶ О проблемах с определением источника мемы пишет Барбара Коцур-Волек в статье *Memy internetowe wobec umowy ACTA* (Wolek-Kocur 2012).

Другой пример – это выражение *будет весело, говорили они* (*będzie fajnie, mówili*). На сайте netlore.ru можно прочитать, что фраза *It will be fun, they said* возникла не позже 2009 года и применяется к странным картинкам. «Одна из наиболее распространенных картинок – персонаж, известный как прачечный викинг, молодой человек, плывущий в тазу по затопленной прачечной. Надпись гласила: «Мне сказали: «постирай, будет прикольно», – они сказали». Макрос подразумевает, что персонажа спровоцировали на некое необдуманное действие, приведшее к неожиданному печальному результату»⁷. Можно сказать, что инвариант этого фразеологизма состоит из двух частей: первая это – *сделай что-то говорили они*, а вторая – *будет весело говорили они*. В польском и русском сегментах Интернета можно найти демотиваторы, в которых воспроизводится не только калькированный фразеологизм, но и графика, к ко-

⁷ <http://www.netlore.ru/it-will-be-fun>

торой он относится (например фотография огромного паука на стенке палатки или человека, у которого под ногтем крючок для рыбалки). В Рунете в первой части этого фразеологизма появляются названия туристического поселка Лосево и деревни Ивантеево, в которой на 2015 год были три улицы, а население (по данным на 2013 г.) составляло 3 человека. В польских демотиваторах появляются названия городов (Лодзь, Нова-Хута), которые ассоциируются с большой преступностью.

Интересным примером англоязычного сетевого фразеологизма является выражение *Bill umnnyj. Budъ kak Bill*. Его автором является живущий в Милане молдавский интернет-предприниматель Евгений Кройтору. В январе 2016 года он создал картинку с текстом «*Bill is on the internet. Bill sees something that offends him. Bill moves one. Bill is smart. Be like Bill*» («Билл сидит в интернете. Билл видит что-то, что его задевает. Билл проходит мимо. Билл умный. Будь как Билл»). В Рунете уже 22 января 2016 года появилась серия картинок с Биллом, который в русскоязычном Интернете получил имя Петя. Это были картинки с переведенными с английского текстами, напр.: *Это Петя. Петя веган. Петя не рассказывает всем об этом. Петя умный. Будь как Петя.; Это Петя. Петя просыпается и видит, что на улице идет снег. Петя не пишет об этом в соцсети, потому что он знает, что у его друзей тоже есть окна. Петя умный. Будь как Петя.* В скорое время у Пети появилась спутница – Маша. В польском Интернете у Билла нет одного имени. На первых картинках, которые появились в начале 2016 года у него имя Марцин. Но потом появляется много других имен: Войтек, Богдан, Бартек, Янек. И в польском Интернете есть умная девушка, которая дает советы, как правильно вести себя в виртуальном и реальном мире. И у нее тоже нет одного имени – это может быть Марлена, Мартына, Мариола или Магда. Причем интересно тоже, что в Рунете имена Петя и Маша были придуманы не интернет-пользователями, как это было в Польше, а официальными сайтами. Билла решил адаптировать сайт «Медуза», а Маша это идея сайта cosmo.ru. и редакторов независимого журнала о PR Mediabitch.

Примерами других сетевых фразеологизмов-интернационализмов могут быть: *сильная, независимая женщина (silna, niezależna kobieta)*, *это неловкое чувство (to niezręczne uczucie)*, *то чувство, когда (to uczucie, gdy)*. Чаще всего эти фразеологизмы используются в качестве вербальной части демотиваторов.

Конечно, не все англоязычные сетевые фразеологизмы получают популярность в других сегментах Интернета. К примеру, в России «фраза «Спасибо, Кэп» вошла в сленг и активно используется как в интерне-

те, так и в устной речи. Ее произносят, чтобы дать понять, что человек сказал то, что все и так давно знают». Она связана с Капитаном Очевидностью (персонажем, олицетворяющим человека, говорящего банальные вещи, которые все давно знают и без него) очень популярным в Рунете, а практически отсутствующим в польском сегменте Интернета. О нем можно только прочитать на сайте nonsensopedia⁸.

То, что появляется в Интернете может стать толчком для возникновения фразеологизма в одним из его сегментов. Так было в случае польского фразеологизма *co ja paczę*. В 2010 г. на английских имиджбордах появилась фотография кошки породы британская золотая шиншилла из российского питомника. Ее «изображение используется в качестве выражения удивления и несогласия с чем-либо. В России же – считается, что она любит играть в игрушки и охотится на пассивных мужеложников»⁹. Хелия (так зовут кошку) стала мемом и получила название Grafics Cat, Starecat, а в Рунете ее зовут Котенька и она является мемом-картинкой. В польском сегменте Интернета Котенька породила фразеологизм *co ja paczę*. Эта стилистически и фонетически неправильная фраза стала очень популярная и многократно трансформировалась. Сайт memo-wisko.com приводит 45 разных вариантов: «*Co ja sucham?*; *Co ja susze?*; *Co ja kisze?*; *Co ja wiecze?*; *Co ja ucze?*; *Co ja burze?*; *Co ja piere?*; *Co ja siedze?*; *Co ja liczę?* (dziwnym zbiegiem okoliczności napisane bez błędów); *Co ja miele?*; *Co Ty paczysz?*; *Co ja pale?*; *Co ja rządze?*; *Al paczino*; *Co ja czymam?*; *Co ja krzycze?* (inspirowane grą The Elder Scroll V: Skyrim); *Co ja fprowadzam?* (w rocznicę rozpoczęcia stanu wojennego); *Zaopaczenie*; *Matka wie że paczysz?* (odniesienie do pytania o wiedzę rodziców pytanego na temat jego kontaktów z substancjami odurzającymi); *Lubię gdy paczysz jak pacze*; *Co ja szprecham?*; *Cóż żem ja obaczył?*; *Co ja pacze? A nie, dobrze pacze*; *Podać coś?* *Nie pacze tylko*; *Co ja studjuje?*; *Kiedy pacze tak na Ciebie jesteś fajna...*; *Chłopaki nie paczą*; *Wyznaje cojapaczaizm* (nawiązanie do pastafarian?); *Miej serce i paczaj w serce* (Paolo Kotehlo); *Zdaje ze widziałem kotecka* (z gościnnym udziałem Twitty'ego); *Co ja płace?*; *Co sie paczysz?*; *Zakaz paczenia*; *Kot "Co ja pacze?" z wizytą w miejscowości Paczyna*; *Paczność koty!*; *Co ja szczelam* (a.k.a. lizaki szczelające); *Co cię nie zabije, to cię wypaczzy*; *Tupacz* (1971–1996); *Co ja tocze?*; *Która godzina? Czynasta. Nie, co ja pacze, czecia*; *Co ja płacze?*; *Co ja głosuje?* (nawiązanie do głosowania nad ACTA); *Co ja pacze* (wydanie na tłusty czwartek

⁸ <https://memepedia.ru/kapitan-ochevidnost/>;
http://nonsensopedia.wikia.com/wiki/Kapitan_Oczywisty

⁹ <http://www.netlore.ru/starecat-grafics-cat>

ze strony paczaizmu na FB); *Ściana paczu; Margaret Paczer*»¹⁰. Конечно, это не все возможные варианты этого сетевого фразеологизма. Хотя пик его популярности прошел, то время от времени появляются его новые модификации.

3. Универсальные концепты в сетевых фразеологизмах

Вторая группа – это фразеологизмы, которые не являются кальками английских выражений, они возникли независимо в разных сегментах Интернета, отличаются планом выражения, но у них одинаковый план содержания, воспроизводятся в них одинаковые смыслы.

Одним из них является выражение *кто-то/что-то 80 lvl*, имеющее свои корни в компьютерной игре. Как можно прочитать в *Антологии сетевого фольклора*, «восьмидесятый уровень до недавнего времени максимально достижимый для развития персонажа в World of Warcraft популярнейшей игре MMORPG. Эльф или паладин восьмидесятого уровня до недавнего времени был стереотипом до крайности понруженного в интернет гика, утратившего все связи с реальностью. Однако, относительно недавно у восьмидесятого уровня появилось новое значение – высочайшая степень какого-либо мастерства»¹¹. В демотиваторах эта фраза может или действительно означать похвалу мастерства (как в демотиваторе, в котором очень удачно спряталась кошка) или иронически характеризовать какое-либо явление. В польском Интернете существует выражение *kto/co poziom ekspert* (*кто/что на уровне эксперта*), которое используется в таких же ситуациях, как и русское выражение *80 lvl*, но оно не связано с конкретной компьютерной игрой.

Среди сетевых фразеологизмов есть и такие, которых этимологию трудно определить, они возникли независимо друг от друга в разных сегментах Интернета и характеризуются одинаковым планом содержания. В русском Интернете функционирует выражение *школоте не понять*, а в польском – *gimby nie znajo*. Школота – это «оскорбительное наименование лиц школьного возраста и им подобных персонажей, имеющих низкий уровень интеллектуального развития»¹². Gimby – это уничижительное название учеников гимназий. Оба эти выражения употребляют-

¹⁰ <http://www.memowisko.com/2011/12/co-ja-pacze-czyli-starecat-po-polSKU.html>

¹¹ <http://www.netlore.ru/80-lvl>

¹² <http://novopedia.net/wiki/%D0%A8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%82%D0%B0>

ся обычно в демотиваторах, которые выражают ностальгию по молодости и отношение старшего поколения (т.е. людей, которым в настоящее время сорок или тридцать лет) к современным школьникам или указывают на низкий уровень образования и интеллекта молодого поколения. Их иконический элемент составляют фотографии предметов, которые были частью жизни в 80-х и 90-х годах. Это могут быть детские игрушки, старые компьютерные игры, уже не производимые марки машин, орфографические словари и т.п. Существование такого рода фразеологизмов можно объяснить эмоциями, которые для представителей разных национальностей одинаковы. «Универсальные черты фразеологической системы обнаруживаются, прежде всего, благодаря общности человеческих эмоций. Поскольку легко воспроизводимые единицы языка связаны в большинстве случаев с эмоциями, базовые эмоции психики человека универсальны для любого индивида, они характерны для всего человечества в целом, их не всегда можно контролировать, они возникают как ответная реакция на раздражитель. Поэтому эмотивная фразеология в первую очередь представляет яркий межкультурный уровень» (Сопова 2011: 174).

Упомянутое раньше устойчивое словосочетание *сильная, независимая женщина* (*silna, niezależna kobieta*) тоже показывает, что образ женщины, у которой нет ни мужа, ни детей, в холодильнике только шоколад и вино, а единственный спутник жизни это кошка (или несколько кошек) является общим для разных культур. В нем видим стереотипное видение мира и ироническое отношение к одиноким женщинам, которым за сорок. Хотя в последнее время стали появляться демотиваторы с вер-

бальной частью сильный, независимый мужчина, который тоже живет с кошками, вечера проводит у компьютера, а питается он китайской лапшой быстрого приготовления и запивает ее коньяком.

4. Национальные сетевые фразеологизмы

Как в польском, так и в российском сегментах Интернета, третью группу сетевых фразеологизмов, имеющих свои источники в Сети составляют слова, прозвучавшие в любительских роликах (*Дверь запили!*; *chytra baba z Radomia*), высказывания интернет-пользователей (*Moped (мотороллер) не мой, я просто разместил объяву; to je amelinium*), выражения, происходящие из речи известных лиц, популярных фильмов, литературных произведений, фразеологизовавшиеся в Интернете. В Польше из любительских видео происходят фразы *jestem hardkorem, daj kamienia, będę grał w grę i ale urwał*. Слова *jestem hardkorem* произносит герой краткого фильтика, который пытается подняться на крышу пятиэтажного дома по молниевому отводу. Его начинает ругать женщина, живущая на первом этаже этого дома. Парень спускается вниз с высоты третьего этажа и возмущенной женщине говорит *jestem hardkorem*. В настоящее время слова эти употребляются (часто с ироническим оттенком) человеком, который совершает какие-то экстремальные действия или глупости. У этого видео несколько миллионов просмотров, на его основе возникла компьютерная игра, а сама фраза вошла в молодежный лексикон.

Когда бывший польский президент Польши Лех Валенса в 2016 году написал на Фейсбуке, что именно он в 2010 году посоветовал Дональду Трампу баллотироваться в президенты, в Интернете сразу появилась целая серия демотиваторов, вербальную часть которых составляли слова

i wtedy ja tu mówię (I wtedy tu mówię, bierz tabliczkę i pisz. 1. Nie będziesz miał bogów cudzych przede mną; I wtedy ja tu mówię Luke, I am Your Father). Этот сетевой фразеологизм не теряет своей актуальности и до сих популярен среди интернет-пользователей. Так было и в случае слов *Просто нет денег. Найдем деньги – будет индексация. Вы держитесь здесь, вам всего доброго, хорошего настроения и здоровья, произнесенных Дмитрием Медведевым на встрече с жителями Феодосии.* Этот сетевой фразеологизм появляется в демотиваторах как в инварианте, так и разнообразных модификациях: *клея нет, но вы держитесь* (Как клеить обои. Мастер-класс от Д. Медведева), *свободных дорог нет, но вы там держитесь, удачи, добра и хорошего настроения; бумаги нет, но вы держитесь, всего доброго, хорошего настроения и здоровья.*

5. Выводы

Возникновение и популярность сетевых фразеологизмов можно объяснить возможностями, которые предоставляет Интернет (неограниченное количество пользователей, мгновенность обмена информацией), а также характером общения в Сети. Н.Б. Мечковская замечает, что в значительной части компьютерных жанров «преобладает шутливо-ироническое и/или игровое (по некоторым оценкам, даже “игроделическое”) отношение к самой сетевой коммуникации, к собеседнику, теме и языку Сети» (Мечковская 2006: 168). На игровой характер общения в Интернете указывает тоже Н.Г. Шаповалова: «Обратим внимание, что online-мир уже есть некоторое “иное бытие”, технические возможности которого значительно усиливают игровой эффект общения. Кроме того, Интернет как новая ментальная культура связан с миропониманием эпохи постмодерна, для которой характерны атомизация социального, отстаивание права на альтернативный образ жизни, образование множества гибких сетей языковых игр как следствия этого процесса» (Шаповалова 2007: 171).

Можно заметить, что в сетевых фразеологизмах, независимо от их источника отображается карнавальный характер общения. В разных сегментах Интернета воспроизводятся те устойчивые словосочетания, которые несут в себе юмор, шутку, иронию, стеб. Приведенные в данной статье примеры показывают тоже стереотипность мышления интернет-пользователей, независимую от национальности и общие источники новых фразеологизмов (высказывания политиков, фразы прозвучавшие в любительских видеороликах и т.п.).

Библиография

- Баско, Нина В. 2016. Фразеологические неологизмы русского политического дискурса. *Политическая лингвистика* 1 (55): 58–65.
- Мечковская, Нина Б. 2006. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета. *Русский язык в научном освещении* № 2: 165–185.
- Сопова, Ирина В. 2011. Фразеологические единицы: связи языка, культуры и мышления. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*, № 1 (13): 173–178.
- Шаповалова, Надежда Г. 2007. Карнавальное общение в Интернете (на материале сайта www.udaff.com). *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*. Выпуск 16, № 20 (98): 169–173.
- Wolek-Kocur, Barbara. 2012. Memy internetowe wobec umowy ACTA. *Teksty z Ulicy nr 14. Zeszyt memetyczny*: 71–80.
- <http://www.netlore.ru/starecat-grafics-cat>
- <http://mydocx.ru/8-76225.html>
- https://lurkmore.co/Категория:Отечественные_мемы
- <https://memepedia.ru/memoteka/>
- <https://memepedia.ru/feels-guy-wojak/>
- <https://www.youtube.com/watch?v=uCgEW4ZokxU> то чувство когда
- <http://lgz.ru/article/N5--6356---2012-02-08-/Globalizatsiya-i-sudyb%D1%8B-yaz%D1%8Bkov18254/>

Reproducibility of Internet idioms – universal and national

Summary

This article discusses the problem of idioms reproducibility on the Internet. The Author tries to define internet idioms, answering the question which of them have the biggest chance of becoming known by almost all Internet users and which will remain in only an item of communication in the national Internet segments. The research has proved the thesis claiming that idioms which have appeared in an English-speaking environment have the biggest chance of entering the lexicon of the wide range of users. They can be found in various segments due to the fact that in most cases they are the verbal part of demotivators. Generally, they are used in the source language or they are calqued. The second group of idioms are such units which are not the English language calques, they have appeared autonomously in the different segments of the Internet, they vary in their figurativeness but their meaning is the same. The third group is formed by idioms characteristic for one segment of the Internet for they relate to the events, realities and statements of various people connected with a given country. The conducted analysis has also proved that Internet idioms, regardless of their origin, mirror the carnivalisation of Internet communication.

Marta Wójcicka
UMCS
Polska
<https://orcid.org/0000-0002-9846-9776>

Reprodukcia wytworów i praktyk jako warunek pamięci zbiorowej

Abstrakt. Pamięci zbiorowej, definiowanej jako zawarty w teksthach kultury obraz przeszłości danej grupy społecznej, przypisywane są różne cechy, m.in. dynamiczność, mitologizacja przeszłości, zdarzeniowość, emocjonalność, ale także językowość (ujęzykowienie – W. Chlebda). Z ostatnią związaną jest zjawisko reprodukcji rozmianej w myśl ustaleń A. M. Lewickiego jako „utrwalenie społeczne”, ale także jako powtarzalność wytworów i praktyk (Olick 2008). Artykuł jest próbą ukazania reprodukcji – wspieranej przez formułyczność oraz powtarzalność wytworów i praktyk (głównie językowych) – jako warunku pamięci zbiorowej. Podstawę materiałową artykułu stanowią wielokodowe, zróżnicowane gatunkowo, teksty kultury: opowieści wspomnieniowe, ballada ludowa, reportaż folklorystyczny oraz memy internetowe.

Słowa kluczowe: *pamięć zbiorowa, wytwory, praktyki pamięci, reprodukcja, tekst kultury*

1. Wprowadzenie. Pamięć zbiorowa w ujęciu lingwistyczno-kulturowym

Pamięć zbiorowa – kategoria interdyscyplinarna – analizowana jest na gruncie nauk społecznych i humanistycznych. Jest to „zawarty w teksthach kultury zbiór wyobrażeń członków zbiorowości o jej przeszłości” (Wójcicka 2015: 68), „obrazy przeszłości aktywowane w procesie komunikacji społecznej w celu zaspokojenia kulturowych i politycznych potrzeb teraźniejszości” (Czachur 2018: 11), a właściwie potrzeb danej grupy społecznej w teraźniejszości.

Te obrazy przeszłości danej grupy społecznej, utrwalone w formie jedno- lub wielokodowych teksthach kultury (werbalnych, ikonicznych, fonicznych...), zwanych nośnikami lub wytworami pamięci, przekazywane są poprzez praktyki pamięci: zapisu i wcielania. Teksty kultury, które przekazują interpre-

tację przeszłości danej grupy społecznej, można podzielić na strukturalne (np. pomniki, cmentarze, książki, foldery, pamiętniki) i procesualne (obrzedy, obchody). Strukturalne teksty kultury to nośniki pamięci zbiorowej, podczas gdy procesualne stanowią praktyki, przede wszystkim praktyki wcielania. Pamięć zbiorowa istnieje dzięki komunikacji: bezpośredniej, najczęściej ustnej (tzw. pamięć komunikatywna) oraz pośredniej, najczęściej niewerbalnej lub multimodalnej (tzw. pamięć kulturowa).

Mimo, że w tworzeniu i przekazywaniu obrazów przeszłości biorą udział różne kody, to dominującym i niezbędnym do transmisji jest język. Pamięć zbiorowa jest – jak podkreśla Wojciech Chlebda – ujęzykowiona, przy czym język pełni tu dwie zasadnicze funkcje:

Formującą siła werbalności [...] jest dwuwektora i działa w dwu przeciwnych kierunkach: „do wewnątrz” kiedy kształtuje treść (zawartość) pamięci samej w sobie (wektor dośrodkowy) oraz „na zewnątrz”, kiedy kształtuje oddziałuje na postać późniejszych relacji tej treści (wektor odśrodkowy) (Chlebda 2018: 60).

W pamięci zbiorowej, podobnie jak w indywidualnej, wyróżnić można cztery fazy: zapamiętywanie, pamiętanie, przypominanie i zapominanie. Trzy pierwsze fazy mogą zaistnieć tylko wtedy, gdy wystąpią praktyki zapisu i wcielania. Zapominanie następuje wtedy, gdy zanikają praktyki wcielania, czyli komunikacja. Warunkiem pamiętania i przypominania jest reprodukcja, której pamięcioznawcy do tej pory nie poświęcali należytej uwagi.

Pamięć zbiorowa jest to zatem reprodukowany obraz przeszłości danej grupy społecznej, przekazywany i komunikowany w różnych mediach z wykorzystaniem różnych praktyk i wytworów.

2. Reprodukcja – od frazeologii do tekstologii

Andrzej Maria Lewicki definiuje reprodukcję jako

świadome powtórzenie połączenia wyrazów, które było już użyte w innej sytuacji komunikatywnej. Świadome powtórzenie to takie, przy którym reprodukowany fragment jest strukturalnie, znaczeniowo lub stylistycznie niespójny z resztą wypowiedzi. Niespójność ta jest sygnałem wyodrębnienia go przez nadawcę i powinna zmusić odbiorcę do zwrócenia uwagi na dany fragment wypowiedzi (Lewicki 2003: 120).

Celem artykułu jest aplikacja teorii sformułowanej na gruncie frazeologii syntaktycznej na potrzeby pamięcioznawstwa. Reprodukcja – trawestując

definicję A.M. Lewickiego – oznacza świadome powtórzenie tekstu kultury – wytworu (czyli strukturalnego TK: verbalnego, ikonicznego lub verbalno-ikonicznego) lub praktyki (czyli procesualnego TK). Reprodukowany fragment (tekst językowy, obraz, gest, fragment muzyczny lub obrzędowy) jest strukturalnie, znaczeniowo lub stylistycznie niespójny z resztą nowego tekstu kultury.

Andrzej M. Lewicki wyróżnia dwa typy reprodukcji: indeksowaną oraz nieindeksowaną. Sądzę, że oba terminy i definicje można zaaplikować do semiotycznych badań pamięci zbiorowej.

Reprodukcia indeksowana to cytat, tzn. fragment reprodukowany odsyłający do konkretnego dzieła, do konkretnej sytuacji komunikatywnej, podczas gdy **reprodukcia nieindeksowana** odsyła nie do konkretnej sytuacji, do konkretnego dzieła, ale ma charakter ogólny odesłania do stylu, do pamięci ogólnej, do zasobu obrazowania właściwego wszystkim członkom danej wspólnoty językowej (czy szerzej kulturowej) (Lewicki 2003: 121).

Przenosząc tę koncepcję na grunt tekstologii, można powiedzieć, że reprodukcia oznacza świadome powtórzenie (fragmentu lub całości) arche/prototekstu lub hipotekstu (tekstu wcześniejszego) w hipertekście (tekście późniejszym). Hipotekst umieszczony w innym niż pierwotny kontekście tworzy wraz z nim hipertekst. Hipotekst – stanowiąc część hipertekstu – jest strukturalnie, znaczeniowo lub stylistycznie niespójny z nowym kontekstem.

3. Rola reprodukcji nieindeksowanej w pamięci zbiorowej

Trzeba podkreślić, że w przypadku badania funkcjonowania pamięci zbiorowej, reprodukcia nie musi oznaczać tylko prostego powtarzania tematów/formuł/obrazów i interpretacji przeszłości. Dotyczy ona bowiem samej istoty pamięci zbiorowej i wynika z jej językowego charakteru. Ujętykowiony obraz przeszłości wyrażany jest poprzez – jak ująłby to Michaił Bachtin – gotowe schematy komunikacyjne (Markowski 2006: 159). Interpretacja przeszłości zawsze kształtowana jest (a zarazem także ograniczana) przez gatunek (mowy), przez Jeffreya Olicka nazywany gatunkiem pamięci.

Gatunek pamięci traktowany jest jako pewna szczególna forma pamięci (Kobielska 2010: 186). Gatunki pamięci Olick definiował jako swego rodzaju trajektorie, na których spotykają się (a także zderzają) poszczególne realizacje zbiorowej pamięci (Kobielska 2010: 187). Są one swoistymi „wzorami mówienia [o czymś], ustrukturywanymi jako zespół konwencji, w ramach których lub przeciwko którym tworzone i odbierane są konkretne wypowiedzi (Olick 2007). W koncepcji Jeffreya Olicka gatunki pamięci są histo-

ryczno-społeczno-kulturowymi konstruktami, które nie tylko mogą reprodukować pamięć w nowym kontekście, ale także fundamentalnie ją zmieniać (Olick 2007: 107).

Gatunki pamięci traktować można więc jako przykład nieindeksowanej reprodukcji, która realizowana jest podwójnie, tzn.:

- gatunek jako wzorzec tekstu służy do zapamiętywania (ksztalutowania) i pamiętania (przekazywania) obrazów przeszłości (przeszłość odlewa się w nim), reprodukuje więc ten obraz,

a zarazem:

- gatunek mowy stanowi treść pamięci zbiorowej, sam jest reprodukowany w procesie komunikacji społecznej.

Pierwszą funkcję gatunku w procesie reprodukcji zobrazować można przykładami zaczerpniętymi z folkloru. Trzy przywołane poniżej przykłady odwołują się do jednego autentycznego wydarzenia z przeszłości. Wydarzenie to ujęte jest w konwencję trzech różnych gatunków, które – jak za chwilę zobaczymy – wpływają na kształt i treść pamięci.

Historia dotyczy nieszczęśliwej miłości dwojga młodych ludzi: bogatego Janka i biednej Janki. Wydarzyła się we wsi Wólka niedaleko Lublina. Nieakceptowany przez rodziców, z powodu różnic majątkowych, związek dwojga młodych ludzi, zakończył się ich samobójczą śmiercią. Tak o tych wydarzeniach opowiadają świadkowie:

- (1) *Siegieda był bogaty gospodarz – wspomina [Edward Wójcik, sąsiad Bednarków, kolega Janki – przyp. MW] – powiedział: za dziadówkę syna nie dam! Bednarek dowiedział się i ujął honorem. Pewnie uważały, że w niczym nie jest gorszy od Siegedy, zaparł się i koniec... i nie dał... A mogli żyć, mogli uciec, wyjechać... To była wielka sensacja. Przyjeżdżali ludzie z daleka popatrzyć. Był u mnie człowiek, który wypytywał o wszystko, spisywał. Nie tylko u mnie... Później na jarmarku w Łęcznej usłyszałem pieśń o naszej wsi. Ten co robił notatki śpiewał i sprzedawał wydrukowane na kartach słowa. Zrobił na tym niezły interes.*
- (2) *Dzieci nigdy nie były bite. Ojciec nie wyróżniał żadnego z nas, był bardzo wymagający, ale nikogo nie tyranizował. Śmierć Janka przyjął jako wielką niezrozumiałą tragedię. Czy zabraniał mu żenić się z Bednarkówną? Nie padło ani jedno słowo na ten temat! Janek nie wspominał o ożenku. Chodzenie z Janką traktowało się u nas jak przejściowy romans młodego chłopaka [relacja siostry Janka].*

Na podstawie relacji świadków powstał tekst ballady ludowej¹, który zawiera inny obraz przeszłości:

¹ Historia miłości i samobójczej śmierci Janiny Bednarek (ur. 1914) z Wólki Nowej i Jana Siegedy (ur. 1915) z Zezulina wydarzyła się w 1933. Tekst ballady ukazał się w druku ulotnym pt. *Straszne piekło pod Lublinem. Krwawa zemsta w Zambrowie* wydanym w Łomży już w rok

- (3) 1. *Trzy mile od miasta, pięknego Lublina
w parafii Kijany, jest Wólka wioszczyna.
Jest tam i kolonia, Zezulinem zwana
gdzie mieszkał Siegieda, co miał syna Jana.*
2. *I w Wólce Bednarek miał córkę Janinę,
Janek z Janką dali światu tę nowinę.
Osiemnaście latek miał młodziutki Janek,
a już upłótł Jance swojej miłości wianek.*
3. *Janka też kochała kochaneczkę czule,
lecz im zabraniali kochać się matule.
A ojcowie młodym schodzić się nie dali,
Janka i Janeczkę bili, przeklinali.*
4. *Lecz młodzi złączeni swoimi sercami
schodzili się ze sobą tylko ukradkami.
Kiedy już dwa lata szczerze się kochali,
ślubem się połączyć wspólnie rozmyślali.*
5. *Janka jęła płakać, prosić matuleczki,
żeby okazała litość dla córeczki
i wesele skromne córce szykowała
a Janka Siegiedę zięciem swym nazwała.*
6. *Matka jak lucyfer w sercu kamień miała,
zakochaną córkę kijem okładała.
Jankowi rodzice też zgody nie dali
i porzucić Jankę na zawsze kazali.*
7. *Bez żadnej litości ten chciwy Siegieda
klął, że biednej Jance swego syna nie da.
„Mój Janeczek ziemi, złota ma w dostatku,
a Janka otrzyma trzy mordzyny w spadku”.*
8. *Zasmucił się Janek i zalał się łzami,
poszedł do Janeczki polnymi ścieżkami.
Przyszedł pod dom Janki, stuknął w okieneczko,
„Wyjdź do mnie, kochana moja jagódeczko.”*

po tragicznych wydarzeniach, w roku 1934. Autorem pieśni (liczącej 42 strofki) jest Waclaw Tchorek. Wydaje się, że historia ta nadal jest żywa w pamięci zbiorowej mieszkańców okolicznych miejscowości, o czym może świadczyć np. umieszczenie jej na stronie internetowej gminy Spiczyn: <https://www.spiczyn.pl/gmina/informacje-o-gminie/miejscowosci-w-gminie/wolka-nowa.html>. Życotność tej historii oraz wpływ pieśni na wspomnienia wymagają jednak dalszych badań.

9. Janka kądziel przedła, gdy sygnał spostrzegła
i zaraz czym przedzej do Janka wybiegła.

Przez całą godzinę z sobą rozmawiali,
i nad swoją dolą rzewnie zapłakali.

10. „Po cóż jest nam życie, smutno mnie i tobie,
nie chcą nas za życia, niech połączą w grobie.”

I przysięgli sobie śmierć zrobić kulami,
zasmucić rodziców własnymi trupami.

11. Rozeszli się z sobą, każde do swej chatki
szykować do grobu; śmiały się z nich matki.
Janka koleżankom śmiercią się zwierzyła,
każdej upominek ze łzów zostawiła.

12. Janek też sąsiadom opowiadał szczerze,
że już jego duszę wartko Bóg zabierze.
Był w związku strzeleckim, broń mu była znana,
przede wszystkim strzelba śruteł nabijana.

13. Własną dubeltówkę nosił ciągle z sobą,
ona mu pomoże iść z Janką do grobu.
Kiedy już nadciągnął wieczór umówiony,
wyły psy nieznośnie, zakrakały wrony.

14. Przyszedł Janek z bronią w wieczór pod dom Janki
i przyniósł ze sobą dwa cierniste wianki.
Janka wyszła z izby, skarb swój powitała,
swe życie w ręce Janeczka oddała.

16. Poszli bardzo smutni, pod krzyż murowany,
by odmówić pacierz dla każdego znany.
Spod krzyża odeszli, poszli w Janki pole,
stanęli pod lasem, za góreczką w dole.

17. Tam po raz ostatni z sobą się żegnali
i do strasznej zbrodni zaraz się zabrali.
Janka się plecami na śnieg położyła
i do strzelby głowę spod chustki odkryła.

18. Huknął ogień szturmem, twarz się rozleciała
a Janka ze słowem – kocham cię – skonała.
Janek znów przystawił broń sobie do brody,
kijem cyngiel spuścił dla lepszej wygody.

19. Huknęło, jęknięło, z wiatrem echo leci,
tak przez chciwość ojców zmarło dwoje dzieci.
Leżą młodzi w polu, wrony ich targają,
oczy, twarz i piersi rwą i pożerają.

20. *Śmieją się rodzice, dzieci nie szukają,
aż im wieść żałobną myśliwi podają.
Matki musem poszły ujrzeć sztywne ciała,
lecz podejść do trupów każda z nich się bała.*

21. *Ojcowie tych dwojga blado wyglądałali,
byli się ze wstydu pod ziemię schowali.
Patrzyli ze twogą na swoje pociechy,
wrócili do domów płakać za swe grzechy.*

22. *Rozkazano ciała zabrać i pochować,
rodzice nie chcieli, wołeli się schować.
Więc Związek Strzelecki i Koło Młodzieży
zrobili im pogrzeb taki jak należy.*

23. *Lecz ksiądz proboszcz także staje im w przeszkozie,
trzymał ciała dwa dni w kościołowym odwodzie.
Młodzi się na księdza strasznie rozgniewali
i gdzie chcieli, Jankę z Jankiem pochowali.*

24. *Legli obok siebie, wspólnie w jednym grobie,
cieszcie się rodzice i żartujcie sobie.
Strzelecka orkiestra marsz żałobny grała,
przy mogile ciemnej młodzież zaśpiewała.*

25. *Wiatr wieje tak smutno, jak młodzieńców niesie,
którzy zmarli wspólnie, przez miłość, przy lesie.
Niech się więcej na świat nie rodzi nowina,
by od kul ginęły chłopiec i dziewczyna.*

Wydarzenia z Wólki przypominały fabułę typowych ballad ludowych. Gatunek ten ukształtował więc obraz przeszłości Janka i Janki. Konwencje gatunkowe spowodowały, że historia Janka i Janki została poddana fabularyzacji. W obrazie tych wydarzeń ukazanym w balladzie pojawił się zatem typowy dla ballady element modelu fabularnego tego gatunku (zob. Jagiełło 1975), czyli postawienie zakazu (rodzice zakazywali, bili itd.). Innym, nieznanym z przekazów bezpośrednich, elementem, w który ballada wyposażała tę historię, jest informacja o przekroczeniu zakazu, która dociera do rodziców obojga młodych ludzi (*aż im wieść żałobną myśliwi podają*). Gatunek kształtuje więc obraz przeszłości. Albo inaczej: przeszłość zostaje wpisana w konwencje danego gatunku.

Jeszcze inny obraz tych wydarzeń, ukazujący wiele punktów widzenia, przekazuje reportażysta. Opowiada o nich barwnym poetyckim językiem. Uzupełnia inne przekazy (relacje bezpośrednie, tekst ballady) o odniesienia do podobnych literackich motywów nieszczęśliwej miłości:

(4) Bardzo oni się kochali... być może „wpadli sobie w oko” już w szkole, w Januszówce? Może na zabawie?... Trudno powiedzieć. Nikomu do tego, skąd się „TO” między chłopcem a dziewczyną bierze. On był „szprync”. Przystojny. Smukły jak trzcinka, szybki, pracowity. Lubił zażartować. Znali go. Jak strzała przelatywał na rowerze przez okoliczne wioski. Mówili, że drogę do Lublina pokonywał w czterdzieści pięć minut. Było nie było – trzy mile! Sławy przydawały mu rowerowe rajdy z Zezulina do Wólki Kijańskiej. Od ukochanej oddzielał go rów wypełniony wodą, zwany dziś „samocieczką”. Za kładkę służył gruby, dębowy okrąglak. Janek z zawrotną szybkością, przejeżdżał po nim na rowerze. Podobało się... Ona... szara dziewczuszka... lekko przy kości... nic specjalnego. Zapracowana. W wolne chwile – Koło Młodzieży, od święta – aktorka w amatorskim teatrze. Podobała się... [...] O wielkiej miłości Janka Siegiedy do Bednarkówny krakały wszystkie wrony w okolicy. Jak to na wsi: podśmiewania, zaczepki, docinki. Trudno, żeby do ojców nie dotarły. Siegieda synowskie amory traktował jak katar. – „Przejedzie przez te i przez następne, skończył ledwie osiemnaście lat. Życie przed nim”. Bednarek przejął się. W swojej wsi był gospodarzem. Przy Siegiedzie – dziadem. Niewiele trzeba, by wzięli na języki, jako tego, co córkę chce w majątek wziąć. Siegieda miał majątek oraz poważanie, więc syna mógł traktować lekce. Bednarek tylko poważanie, od łaski ludzkiej zależne, a ta jak wiadomo – na pstrym koniu jeździ. Bednarek nie mógł ryzykować: Córki do posłuchu przyuczone – jedno słowo starczy. Zabronił! Świat się walił, córka nie słuchała. Do Bednarka docierały wieści: o kolejnych z Jankiem randkach, o wspólnych spacerach, o wizytach u ciotki, co kątem, na komornem u Wójcików siedziała. Zabronił ciotce, córkę z chłopakiem gościć. Lipy zamknąć nie mógł, łąki nie upilnował, nie mógł być wszędzie. A Jance nie brakło sprytu, zostawiała między sztachetami kartkę dla Janka, żeby wiedział, kiedy do okna zapukać, kiedy sama, kiedy ojciec w domu. Świat się walił: córce po cichu wtórowała matka. Bednarek zaczął karać. Zdarzało się, że Jance nie pozwolił mleka wypić. Zakazy stare jak świat stosował – „będziesz siedzieć w domu”... zdarzało się – żonie przylał – bez skutku: wiosna, lato minęło – amory trwały. Mało! Janka zaczęła przebąkować o żeniaczce. – Jak Siegieda przyjdzie do mnie sam i o żonę dla syna poprosi – ucinał rozmowy Bednarek. I prał... Siegieda przyjść nie mógł, z prozaicznego powodu: nie wiedział, że sprawy tak daleko zaszły. O Jankowej pannie słuchał we wsi, o nocnych wypadach do Wólki wiedział, o żeniaczce syn nie wspomniał. Trudno było, żeby się fatygował, zwłaszcza że... z pewnością byłby przeciwny. Panna niezamożna, Janek młodzik – osiemnaście lat.. Z pewnością byłby przeciw... Bednarkówna zwierzyła się koleżance. Powiedziała Bronce, że skończy ze sobą. Ta zaczęła płakać, odwodzić ją od zamiaru, Janka roześmiała się, obróciła rozmowę w żart, widziały się ostatni raz... [...] Dziś trudno rozróżnić, kto zna fakty, a kto wersję wtórną, z pieśni. **Pamięć jednakowo napędzają już obydwa źródła.** Jarmarczny reporter pracował solidnie. Topografię terenu, szczegóły, przebieg wydarzeń przedstawił uczciwie. Zadbał o handlową stronę dzieła, o odpowiedni sztafarz: jest wielkie uczucie, czarne i białe charakterystyki, bidea przeciwko bogactwu, gotyckie elementy grozy, jest pikantny konflikt z proboszczem... Mniszkówna, Shakespeare, Dostojewski...

Wybrany, świadomie lub nie, do „opowiadania” gatunek mowy „podpowiada” zatem pewne rozwiązania strukturalno-fabularne, które wpływają na

kształt i treść pamięci zbiorowej. Wtórne gatunki, jakimi w tym przypadku są ballada oraz literacki reportaż, oparte są na reprodukcji (indeksowanej odsyłającej do) zasobów opowieści wspomnieniowych oraz na reprodukcji nieindeksowanej, opartej na konwencjach gatunkowych, które jednocześnie kształtują pamięć zbiorową o historii Janka i Janki. Wspomnienia, zarówno indywidualne, jak i zbiorowe, przybierają bowiem kształt znanych i reprodukowanych od lat gatunków mowy. Gatunki te stanowią formę, w której odlewają się treści pamięci zbiorowej.

4. Reprodukcja indeksowana w pamięci zbiorowej (na przykładzie memów internetowych)

W tej części artykułu chciałabym skupić się na reprodukcji indeksowanej traktowanej jako prototypowa, niezbędna do trwania i życia pamięci zbiorowej.

Reprodukcia indeksowana może być wiernym odtworzeniem fragmentu hipotekstu albo odtworzeniem z innowacją. Ta druga, jak zauważa A.M. Lewicki, może mieć dwie postaci, polegające na zmianie: nieświadomej lub świadomiej.

Dla funkcjonowania pamięci zbiorowej ważne są obie postaci reprodukcji indeksowanej, wskazującej (pośrednio) na kategorię „użytkowników”, niezależnie od tego czy będą to transmity, czytelnicy (zob. Frank 2011: 10), kolekcjonerzy (Kamińska 2017: 45), czy też depozytariusze i reproduktorzy pamięci zbiorowej.

Reprodukcia indeksowana (bez innowacji) dotyczy sytuacji, w której dany tekst (mem internetowy), którego istotną część (werbalną lub ikoniczną) stanowi reprodukowany w nim klasyczny tekst kultury, jest dalej reprodukowany bez zmian. Taka reprodukcja indeksowana bez zmian, szersząca się w sieci – jak zauważa M. Kamińska – zmienia myślenie kulturoznawców o kulturze. Transmity trudno dziś określić jako biernych konsumentów wytworów kultury. Udostępniając, komentując gotowe wytwory (np. memy), „są głównym motorem rozwoju kultury” (Kamińska 2017: 45), a zatem także i pamięci zbiorowej. Istotą memów jest – jak zauważał Dawkins – ich „zaraźliwość”, czyli właśnie reprodukcja. Reprodukcję, rozumianą tu jako transmisję gotowych wytworów kultury w niezmienionej formie (popularne udostępnianie), rejestruje licznik odsłon, np. mem określany jako „napuszony Jarosław” (tu jeden z 2592 wariantów zamieszczonych na jednej tylko stronie <https://fabrykamemow.pl/szablon/57/memy>) uzyskał w mediach społecznościowych (na Facebooku) 164 „polubie-

nia”, które wpłynęły na jego rozpowszechnianie, a na wspomnianej stronie – 277². Warto nadmienić, że funkcjonuje na tej stronie od 21 listopada 2011 roku.

(5)

O reprodukcji indeksowanej z innowacją celową świadczy liczba wariantów jednego tekstu (np. wspomnianego memu). „Fragment zapamiętany przez odbiorcę i fragment charakteryzujący się wymiennocząłowością są względem siebie wariantami” (Lewicki 2003: 122).

W reprodukcji indeksowanej funkcjonuje wzorzec idealny – tekst, który mógłby decydować o normie reprodukcji. Powtarzalność dokładnie w tej samej formie danego tekstu kultury przez lata czy wieki świadczy o tym, że dany tekst kultury jest mocno utrwalony w pamięci danej wspólnoty kulturowej.

Reprodukcia polegająca na wielokrotnym odwołaniu do inwariantu tekstu pokazuje, że twórczość internetowa (określana jako netlor) nie jest – jak sądzono do pewnego momentu – przetwórczością. „Anonimowy transmitemer – jak podkreśla Kamińska – powinien być uważany za faktycznego twórcę cyberkultury” (Kamińska 2017: 45). „Popularyzacja [memu] wiąże się z daleko idącym przetworzeniem, poddaniem wielokrotnym translacjom, grom intertekstualnym i obudowywaniem kolejnymi warstwami komentarzy, które mogą całkowicie zmieniać jego pierwotny sens” (Kamińska 2017: 44).

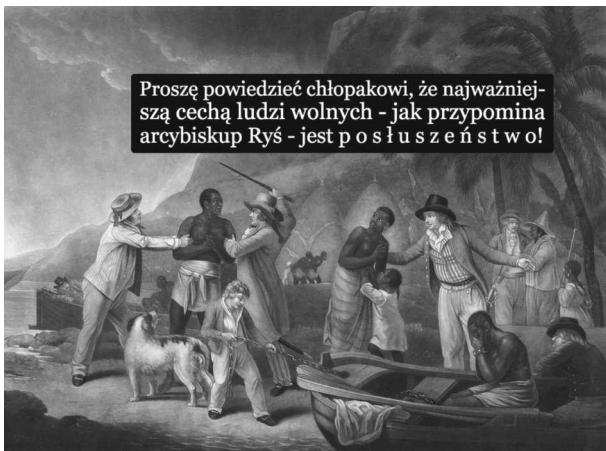
Warto zadać zatem pytania: co (jakie zasoby – treści i formy pamięci zbiorowej) oraz w jakim celu (funkcje) podlega reprodukcji w memach internetowych?

² Dane z września 2018.

Jeśli reprodukcję indeksowaną uznamy za A.M. Lewickim jako cytat, to pierwsze pytanie dotyczy cytowanych (przywoływanych) z zasobów pamięci treści. Przegląd memosfery pozwala na wskazanie kilku najczęściej reprodukowanych wytworów pamięci zbiorowej³. Są to głównie:

- **dzieła malarskie**, np. Sztuczne fiołki:

(6)

John Raphael Smith (1751–1812) – angielski malarz, pastelista i rytownik

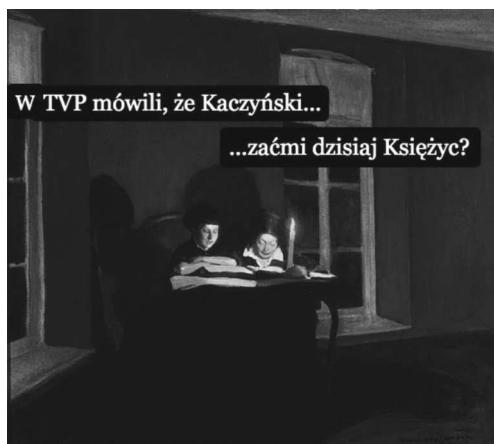
(7)

Honoré Daumier (1808–1879) – francuski malarz, grafik, rysownik i rzeźbiarz.

³ Kompletny i wyczerpujący przegląd reprodukowanych w memach internetowych wytworów kultury – wobec nieustającej produkcji – jest praktycznie niemożliwy. Nie było to zresztą celem niniejszej prezentacji. Chodziło w niej raczej o zarysowanie tendencji i pokazanie funkcji reprodukcji.

(8)

Konrad Krzyżanowski (1872–1922)

(9)

Anton van Dyck (1599 –1641) – flamandzki malarz epoki późnego baroku

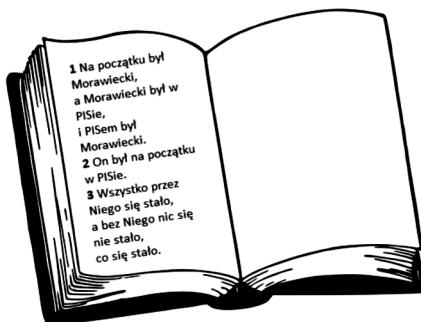
- kadry z tzw. kultowych filmów:

(10)

- fragmenty klasycznych **dzieł literackich**, np. Biblii:

(11)

- **przysłowia, związki frazeologiczne**, formuły tekstowe, np.

(12) *Kto pod kim kopie* (oparte na homonimii zachodzącej między zaimkiem osobowym (kim) a nazwą własną przywódcy Korei Północnej Kim Dzong Una):

(13)

(14)

Przywołane – dla przykładu – podlegające w memach internetowych reprodukcji teksty kultury (przysłówia, obrazy, kadry z filmów itp.) stanowią dorobek kultury – popularnej (kadry z filmów) lub klasycznej (czasem zapomniane i przypomniane – użytkownikom kultury popularnej – w memach). Można na nie spojrzeć, stosując funkcjonujące w pamięcioznawstwie typologie pamięci zbiorowej. Według koncepcji Aleidy Assmann, reprodukowane w memach internetowych, przywołane wyżej teksty kultury stanowią zasoby pamięci magazynującej, w której znajduje się to, co utraciło żywego związek z rzeczywistością (A. Assmann 2009: 128). W innej typologii są to nośniki pamięci kulturowej, której podstawą – jak pisze A. Assmann –

są takie artefakty, jak teksty, obrazy, rzeźby obok innych kompozycji przestrzennych: pomników, architektury, krajobrazu, jak również porządkи czasowe: święta, zwyczaje, rytuały. Razem kodują one pewien zasób przekazów, który w toku przemian historycznych wymaga ciągłego odczytywania, dyskusji i odnawiania, aby dało się go dostosować z potrzeb i wymogów do każdej teraźniejszości (A. Assmann 2009b: 171).

Drugi typ reprodukcji w memach stanowią te teksty kultury, które przywoływane są i kopowane z niedalekiej przeszłości, w której twórcy i odbiorcy memów brali bezpośredni udział, np.

- **fotografie prasowe** osób publicznych, np. polityków lub aktorów:

(15)

Jaki prezydent taka Mairlyn Monroe.

(16)

W przywołanych wyżej przykładach reprodukowalne w memach są zdjęcia:

- prezydenta Andrzeja Dudy podczas Gali 25-lecia istnienia „Super Eks-presu” w listopadzie 2016 roku⁴;
- Donalda Tuska z napisem „zakotwiczącym”, czyli odsyłającym do głosowania na szefa Rady Europejskiej w marcu 2017 roku (spośród 27 państw członkowskich tylko Polska głosowała przeciw⁵);

⁴ <http://www.newsweek.pl/polska/prezydent-duda-na-gali-z-okazji-25-lecia-istnienia-super-expressu,artykuly,400974,1.html>

⁵ <https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/swiat/1697180,1,donald-tusk-ponownie-wybrany-na-szefa-rady-europejskiej-tylko-polska-byla-przeciw.read> (8.09.2018).

- byłego prezydenta Aleksandra Kwaśniewskiego i jego „choroby filipińskiej”,
 - fotografii aktorki Angeliny Joli i jej nogi – podczas Gali rozdania Oscarów w lutym 2012 roku.
- **sparodowane fragmenty wypowiedzi polityków i celebrytów, np.**

(17) „Szanowni państwo, ja sam negocjowałem przystąpienie do UE 20 lat temu, i doskonale wiem, jak w UE negocjuje się najlepsze transakcje”

– te słowa padły 19 sierpnia z ust premiera Mateusza Morawieckiego na sandomierskim rynku w trakcie spotkania wyborczego Prawa i Sprawiedliwości⁶.

Teksty kultury współczesnej (druga grupa) stanowią nośniki pamięci funkcjonalnej lub zamieszkanej, którą cechuje odniesienie do grupy, selektywność, normatywność i zorientowanie na przyszłość (A. Assmann

⁶ Czytaj więcej: <https://dziennikbaltycki.pl/mateusz-morawiecki-memy-20-lat-temu-negocjowalem-wejście-polski-do-ue-co-zrobił-morawiecki-a-my-o-tym-nie-wiemy-internet-sie/ar/13429641>, memy ze strony <https://www.facebook.com/MitomanMorawiecki/photos/rpp.1070195443137950/1077236752433819/?type=3&theater>.

2009a: 128). Są selektywnie wybierane – głównie ze względu na swój potencjał humorystyczny i grupotwórczy – do reprodukcji w memach internetowych, ale ich odczytanie wymaga znajomości kontekstu – czyli bieżących wydarzeń społecznych, kulturalnych i politycznych. Są to zarazem nośniki pamięci określonej jako komunikatywna, która

obejmuje wspomnienia dotyczące najbliższej przeszłości. Człowiek dzieli je ze swoimi współczesnymi. Typową jej odmianą jest pamięć pokoleniowa. Grupa społeczna zyskuje ją w procesie historycznym; pamięć ta powstaje w czasie i przemija wraz z nim, a dokładniej rzecz biorąc – wraz z członkami grupy, czyli nosicielami pamięci. Kiedy ci, którzy ją ucieleszniają, wymrą, ustępuje ona miejsca nowej pamięci (J. Assmann 2008: 66).

Mem internetowy jest gatunkiem, którego istotą jest reprodukcja. Stanowi nośnik pamięci, w którym łączą się pamięć zamieszkana i niezamieszczana, funkcjonalna i magazynująca, komunikatywna i kulturowa.

5. Konkluzje

Podsumowując, reprodukcja jest warunkiem transmisji treści społeczno-kulturowych. W pamięci kulturowej można mówić zatem o **reprodukcií wytworów pamięci (magazynującej i funkcjonalnej) jako o praktyce pamięci**. Czynne reprodukowanie treści pamięci i przekształcanie ich w memy internetowe stanowi praktykę zapisu, natomiast udostępnianie wytworów tak rozumianej reprodukcji jest przykładem praktyki wcielania.

Reprodukcia czepiąca z zasobów pamięci magazynującej powoduje odnowienie wiedzy kulturowej (A. Assmann 2009: 136). Zasoby tejże pamięci (dzieła literackie, malarstkie, frazeologizmy) mogą weryfikować, wspierać czy korygować aktualne treści, stanowiące zasoby pamięci funkcjonalnej (A. Assmann 2009: 139).

Reprodukcia jako praktyka rozpowszechniająca wytwory pamięci pełni funkcje grupotwórcze i konsolidacyjne. Reprodukowane wytwory pamięci zbiorowej jednoczą ludzi wokół znanych im wytworów kultury, a jednocześnie na nowo przypominają owe teksty kultury.

Bibliografia

- Assmann, Aleida. 2009. Przestrzenie pamięci. Formy i przemiany pamięci kulturowej. W: Saryusz-Wolska, Magdalena (red.). *Pamięć zbiorowa i kulturowa. Współczesna perspektywa niemiecka*. Kraków: Wyd. Universitas. 101–142.

- Assmann, Jan. 2008. *Pamięć kulturowa. Pismo, zapamiętywanie i polityczna tożsamość w cywilizacjach starożytnych*. Traba, Robert (red.). Kryczyńska-Pham, Anna (tłum.). Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Bachtin, Michaił. 1970. *Problemy poetyki Dostojewskiego*. tłum. Modzelewska, Natalia. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Chlebda, Wojciech. 2012. Pamięć ujęzykowiona. W: Adamowski, Jan: Wójcicka, Marta (red.). *Tradycja dla współczesności*, t. 6, *Pamięć jako kategoria rzeczywistości kulturowej*. Lublin: Wyd. UMCS. 109–119.
- Chlebda, Wojciech. 2018. Pamięć a język. Zarys relacji. W: Czachur, Waldemar (red.). *Pamięć w ujęciu lingwistycznym. Zagadnienia teoretyczne i metodyczne*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. 56–67.
- Czachur, Waldemar. 2018. Lingwistyka pamięci. Założenia, zakres badań i metody analizy. W: Czachur, Waldemar (red.). *Pamięć w ujęciu lingwistycznym. Zagadnienia teoretyczne i metodyczne*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. 7–55.
- Dawkins, Richard. 1996. *Samolubny gen*. Skonieczny M. (tłum). Warszawa: Wyd. Prószyński i S-ka.
- Frank, R. 2011. *Newslore: Contemporary Folklore on the Internet*. Jackson: University Press of Mississippi.
- Jagiełło, Jadwiga. 1975. *Polska ballada ludowa*. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk: Wyd. Ossolineum.
- Kamińska, Magdalena. 2017. *Memosfera. Wprowadzenie do cyberkulturoznawstwa*. Po znań: Wyd. Galeria Miejska Arsenał.
- Kobielska, Maria. 2010. Pamięć zbiorowa w centrum nowoczesności. Ujęcie Jeffreya K. Olicka. *Teksty Drugie*. 6: 179–194 (http://rcin.org.pl/Content/49692/WA248_67024_P-I-2524_kobielska-pamiec.pdf).
- Lewicki, Andrzej Maria. 2003. *Studia z teorii frazeologii*. Łask: Oficyna Wydawnicza Leksem.
- Markowski, Michał Paweł. 2006. Bachtin. W: Burzyńska, Anna: Markowski, Michał Paweł. *Teorie literatury XX wieku. Podręcznik*. Kraków: Wyd. Znak. 153–172.
- Michalec, Grzegorz. 1992. Ballada o Janku Siegiedzie (Reportaż folklorystyczny). *Twórczość Ludowa*. 1–2: 81–84.
- Olick, Jeffrey K. 2008. From Collective Memory to the Sociology of Mnemonic Practices and Products. In: Erll, Astrid: Nünning, A (eds.). *Cultural Memory Studies An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin: Walter de Gruyter. 151–162.
- Olick, Jeffrey K. 2018. Pamięć gatunkowa i gatunki pamięci. W: Majewski, Paweł: Napiórkowski, Marcin (red.). *Antropologia pamięci. Zagadnienia i wybór tekstów*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. 458–470.

- Olick, Jeffery K.. 1999. Genre memories and memory genres: A dialogical analysis of May 8, 1945 commemorations in the Federal Republic of Germany. *American Sociological Review*. 64(3): 381–402.
- Wójcicka, Marta. 2014a. *Pamięć zbiorowa a tekst ustny*. Lublin: Wyd. UMCS.
- Wójcicka, Marta. 2014b. Lubelska ballada ludowa. Symbolika wybranych elementów świata przedstawionego. W: Bartmiński, Jerzy: Maksymiuk-Pacek, Beata (red.). *Lubelska pieśń ludowa na tle porównawczym*. Lublin: Wyd. UMCS. 193–208.
- Wójcicka, Marta. 2015a. Media i nośniki pamięci zbiorowej w praktykach wcielania i zapisu. *Forum Socjologiczne*. 6: *Pamięć a przestrzeń*. 6: 299–315.
- Wójcicka, Marta. 2015b. Wartości a pamięć zbiorowa. W: Adamowski, Jan: Wójcicka, Marta (red.). *Tradycja dla współczesności*, t. 8: *Wartości w języku i kulturze*. Lublin: Wyd. UMCS. 65–72.
- Wójcicka, Marta. 2017. Memy internetowe jako teksty folkloru. W: Kajfusz, Jan: Marcol, Katarzyna (red.). *Językowe i kulturowe modelowanie świata*. Czeski Cieszyn: Wyd. UŚ. 271–288.
- Wójcicka, Marta. 2018a. Język pamięci zbiorowej (w kontekście kultury oralności, piśmienności i elektralności). Prolegomena. W: Czachur, Waldemar (red.). *Pamięć w ujęciu lingwistycznym. Zagadnienia teoretyczne i metodyczne*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. 68–93.
- Wójcicka, Marta. 2018b. Memy internetowe jako nośniki pamięci zbiorowej. W: Buryła, Sławomir: Gąsowska, Lidia: Ossowska, Danuta (red.). *Popkulturowe formy pamięci*. Warszawa: Wyd. IBL PAN. 159–172.

Reproduction of figments and practices as the condition of collective memory

Summary

Different features such as dynamism, mythologization of the past, eventualization, emotionalism but also linguistic character (W. Chlebda) are ascribed to collective memory defined as an included in texts of culture image of the past of a particular social group. A phenomenon of reproduction understood according to A.M. Lewicki's findings as 'social consolidation' but also as repetitiveness of figments and practices (Olick 2008) is associated with the linguistic character. The article is an attempt of showing reproduction – supported by formulaic discourse and repetitiveness of figments and practices (mainly linguistic) – as the condition of collective memory. The material basis of the article consists of multi-code, diverse in genre texts of culture like remembrance tales, folk ballad, folklore reportage and Internet memes.

Włodzimierz Wysoczański

Uniwersytet Wrocławski

Polka

<https://orcid.org/0000-0003-3516-3240>

Сложности воспроизведимости. Репродуктивность фразем в свете инноваций (на материале выбранных единиц)

Аннотация. Принимаемый в направлении фразеологии отправителя критерий воспроизведимости, а более точно, репродуктивности, значит изложение её как дефиниционного свойства репродуктов, определяет основное переориентирование воспроизведимости с “как таковой” по памяти на инновационное приспособление к ситуативному контексту. Наше изложение, основанное на материале из разных источников, главным образом словарных и массмедиа, концентрируется на контекстной проблематике репродуктивности выбранных многословесных единиц языка по отношению к инновациям. Основную ось рассуждений составляет рассмотрение репродуктивности с точки зрения коррелятивности и процесса стабилизации в общественном языковом обычай и в традиции компонентной структуры с подобающим смысловым наполнением.

Ключевые слова: *фразеология, фразема, репродукт, воспроизведимость, репродуктивность*

1. Воспроизведимость. Репродуктивность.

Введение в проблематику

О воспроизведимости во фразеологических исследованиях речь идёт о дефиниционном свойстве фразеологизма¹. Не представляя здесь многочисленных констатаций такого рода, стоит отметить, что воспроизведимость упоминается в дефинициях обычно как одна из нескольких либо даже более десяти других обязательных свойств, определяющих специфику фразеологической единицы. Не входя также в неклассические

¹ Хотя есть позиция, по которой ее не возводят в ранг конститutивного свойства фразеологии.

каноны фразеологии, нужно заметить, что воспроизведимость воспринималась как «фактор, сопутствующий стабильности фразеологических единиц»² либо как «результат устойчивости словосочетания» (см. Chlebda 2003: 178–182), объяснялась многообразно, кроме прочего, как «намеренное повторение словосочетания, которое было уже использовано в другой коммуникативной ситуации» (Lewicki 2003: 120).

В предложенной в своё время Войцехом Хлебдой прагматической фразеологии основным вопросом было «поведение» («образ действий») фразеологизма в процессе формирования высказывания, то есть захват «фразеологии в движении» (см. Chlebda 1997: 9–10). В этом направлении – позже называемом также фразеологией адресанта или фразематикой – в упомянутом функционировании фразеологизма в конкретном акте высказывания самая существенная установка сводится к различению двух единовременных процедур, а именно: части воссоздаваемой, репродуцированной, а также части создаваемой самостоятельно, формированной в чрезвычайном порядке, поэтому в результате здесь имеется в виду подчёркивание воспроизведимости «в данной ситуации и для выражения данного содержательного потенциала» ввиду повсеместно указываемой в дефинициях фразеологизма «воспроизведимости-вообще» (см. Chlebda 1994: 109–110). По отношению к фразеологии, помещенной в ситуативный и коммуникативный контексты, воспроизведение является тем, что дано «в уже оформленном виде, а значит относительно готовой», причём по мнению автора этой концепции воспроизведимость признаётся (вместе с многословесностью) достаточным критерием дефиниции фраземы (см. Chlebda 1994: 109; Chlebda 2003: 49)³. Видение, в соответствии с которым «единственными надёжными и глобальными критериями фразеологичности словосочетаний являются многословесность и референциальность вместе с закреплением в языке», воспроизведимость (вместе с запоминанием и ситуативностью, исполняющей функцию модификатора семантики) является проявлением закрепления (см. Müldner-Nieckowski 2007: 117).

² Здесь и далее перевод с польского языка наш – W.W.

³ Принимая, что «любой фразеологизм должен обладать устойчивостью», именно в устойчивости выделяется структурный аспект, характеризующий выражение с точки зрения его внутреннего устройства и аспект узуальный (социальный), относящийся «к восприятию и воспроизведству выражения в языковом сообществе», вследствие чего, например, выражение *сыграть в ящик 'умереть'* является, с одной стороны, идиомой потому, что «оно переинтерпретировано и не вполне прозрачно» и одновременно – с другой стороны – потому, что «оно устойчиво со структурной точки зрения и постоянно воспроизводится носителями языка именно в такой форме (и тем самым узуально)» (см. Баранов, Добровольский 2013: 62).

В свете вышеуказанных приближений можно констатировать, что понятие воспроизведимости по отношению к фразеологии понимается не однозначно. Указывается возможность непрерывного воспроизведения в той же самой форме в длинных периодах, напр. сочетания на польском языке *wziąć nogi za pas* [пуститься наутёк] в том самом составе в течение трёх веков, что свидетельствует о его сильном закреплении «в словарном составе языка в памяти польской языковой среды», причём «принимая оборот, компоненты которого являются высказываниями, каждое поколение будет вынуждено понять его заново, будет вынуждено попробовать его, переживая фигуральность или остроту его нереальности и проверяя, в какой сфере допустимы здесь инновации»⁴ (Lewicki 2003: 122). Воспроизведимость во фразематике обозначает «готовность» фраземы, отождествляемой с «готовностью к преобразованиям», более точно – сотни тысяч или миллионы «готовых» единиц «готовых» к видоизменениям, перенесениям (Chlebda 2003: 257–258, 262). Воспроизведимость, или вернее репродуктивность как дефиниционное свойство фразем (по новейшей терминологии – репродуктов) не обозначает однако «механического копирования раз и навсегда установленных форм образцов», многословесные репродукты могут быть употреблены в конкретных высказываниях “в виде модифицированной формы”, или же перенесены «в новый для себя контекст», что приводит к сдвигу его значения и созданию неологизма (см. Chlebda 2010: 17–18)⁵. Согласно другим позициям, запоминание и воспроизведение таких единиц, как, например, *odsyłać do domu* [отсылать домой], «не опирается на элементы, только на факторы, которые являются продуктами распада многословесных единиц и в уме сохраняют статус “свободного интегрирования”». В таком понимании «текстовые сочетания слов являются там лишёнными слитности», всё же в их соседстве «сохранён след их связанности», что содействует разным конфигурациям и слиянию с «похожими факторами, принадлежащими к другим единицам языка», а также наруше-

⁴ Сравни здесь мнение, что основной понятийный класс фразеологии отправителя – это стереотипы, т.е. многословесные единицы, воспроизводимые по памяти (без изменений или обновляемые) (см. Lewicki 2003: 30).

⁵ Существенным вопросом считается обращение внимания на многословесные единицы по отношению к явлению лакунарности, то есть конструкциям, не имеющим эквивалентов в форме постоянного словосочетания в целевом языке, в особенности имея в виду, что «разноязычные реализации отдельных значений, которые имеют вид многословесных сочетаний, носящих характер репродуктов, принадлежат трём традиционно выделяемым группам эквивалентов; которыми являются эквиваленты абсолютные, частичные и параллельные» (см. Szerszunowicz 2016: 40–46, 164).

ниям, что объясняет «лёгкость возникновения фразеологических инноваций», а также неправильную подборку субститутов (см. Müldner-Nieckowski 2007: 110).

В связи с сигнализированными вопросами основной целью нашего изложения будет рассмотрение контекстной репродуцированности многословесных единиц языка по отношению к инновациям. Конкретно, в опоре на текстовый корпусный материал (*Национального корпуса польского языка*, см. NKJP) разных жанров, особенно публицистических, будет показано фактическое «поведение» фразеологии, действительная воспроизведимость в пределе многословесных репродуктов, что разрешит – как предполагается – обнаружить частные и общие закономерности репродуцированности⁶.

2. Воспроизводимость. Аналитический материал репродуктов

Выборочно будут представлены некоторые фраземы польского языка, причём указание их словарных образов совершается в опоре на четыре печатных словарей по фразеологии, изданных в 1961–2002 годах и актуального он-лайн словаря⁷. Выбранные единицы можно сгруппировать в трёх собраниях.

(I.) Первую группу представляют единицы, появляющиеся как экземплификации репродуктов в работах, посвящённых фразематике (репродуктам):

(1) *na biednego nie trafiło* [на бедного не попало] – словарная форма и значение: *na biednego nie trafiło* 'ktoś jest na tyle zamożny, że nie odczuje dodatkowych obciążień materialnych, niespodziewanych strat finansowych [кто-то настолько обеспеченный, что не ощутит дополнительных материальных нагрузок, неожиданных финансовых затрат]' (WSFJP);

(2) *przykłady można by tnożyć* [примеры можно бы приумножать] – из готовых фраз;

⁶ Помимо обобщающего характера данных изысканий, не направленных на представление конкретного типа многословесных единиц, нужно в этом месте отметить указываемые замечания по отношению к корпусным исследованиям в описании определённых конструкций ввиду недостаточного количества текстовой презентации, содержащей их, а особенно для проверки степени повторяемости отдельных единиц данного рода, напр., потех (см. Koziol-Chrzanowska 2012: 255).

⁷ Bąba et. al. 2005 (PSFJP); Kłosińska et. al. 2005 (WSF); Müldner-Nieckowski 2003 (WSFJP); Skorupka 1967 (SFJP); (WSJP).

(3) jeszcze czego ci się zachciewa! [вот чего тебе еще хочется!];

(4) trzeba było widzieć jego minę! [нужно было видеть его выражение!] – из фатизмов и эмотивов.

(II.) Второй комплекс представляют некоторые другие, также выбранные нами в случайном порядке многословесные единицы из фразеопаремического запаса польского языка.

(5) (5.1) *porusza/poruszyć niebo i ziemię* [взволновать небо и землю] – словарная форма и значение: *porusza, poruszyć niebo i ziemię* ‘использовать всевозможные средства, влияния для достижения чего-либо’ (PSFJP); (5.2) *poruszyć niebo i ziemię* – словарная форма и значение: *poruszyć niebo i ziemię* ‘забегая о кошмаре, использовать всевозможные возможности’ (WSFJP); *poruszyć niebo i ziemię* ‘использовать всевозможные способы, звернуться до всевозможных возможностей для достижения чего-либо’ (WSF); (5.3) ktoś *poruszył niebo i ziemię* – словарная форма и значение: ktoś *poruszył niebo i ziemię* ‘кто-то использовал всевозможные способы, чтобы что-то достичь’ (WSJP);

(6) (6.1) *czas goi/leczy rany* [время залечивает/лечит раны] – словарная форма и значение: *czas goi/leczy rany* (SFJP); (6.2) *czas leczy/goi [wszystkie] rany* – словарная форма и значение: *czas leczy, goi [wszystkie] rany* ‘преждевременное утоляет болезненные переживания, даёт о них забыть’ (WSF); (6.3) *coś leczy rany* – словарная форма и значение: *coś leczy rany* ‘что-то помогает забыть о проблемах, ошибках, проблемах, проблемах’ (WSFJP);

(7) (7.1) *biednemu wiatr w oczy; biednemu zawsze wiatr w oczy* [бедному ветер в глаза; бедному всегда ветер в глаза] – словарная форма и значение: *biednemu [zawsze] wiatr w oczy [wieje]* ‘бедному ветер сильнее, чем богатому’ (WSFJP); (7.2) *biednemu zawsze wiatr w oczy [wieje]* – словарная форма и значение: *biednemu zawsze wiatr w oczy [wieje]* ‘человек бедный всегда вынужден считаться с препятствиями судьбы’ (WSF);

(8) (8.1) *wyjść obronną ręką z opresji* [выйти оборонительной рукой с затруднительного положения – словарная форма и значение: *wyjść obronną ręką z opresji* ‘из тяжёлого, хлопотливого положения’ (SFJP); (8.2) *wychodzić obronną ręką z opresji* – словарная форма и значение: *wychodzić obronną ręką z opresji* ‘ратовать от трудной, неизбежной, опасной ситуации’ (WSFJP);

(9) *nie ustępować komuś [ani] na krok* [не уступать кому-то [ни] на шаг] – словарная форма и значение: *nie ustępować komuś [ani] na krok* ‘дорównывать, не давать себя опередить, преодолеть в чем-то [равняться, не дав-

вать обогнать, обогнать в чём-то]’ (WSFJP); *nie ustępować komuś ani na krok* – словарная форма и значение: *nie ustępować komuś ani na krok* ‘быć упартым, ani troche, ani na chwilę nie ulegać комуś, nie признавать комуś racji’ (WSF);

(10) *ze mną jak z dzieckiem* [со мной как с ребёнком] – словарная форма и значение: *ze mną jak z dzieckiem* ‘zwrot oznaczający: łatwo mnie przekonać, zgadzam się [оборот, обозначающий: легко меня убедить, я даю согласие]’ (WSF).

(III.) Дополнительно были исследованы функционирующая с недавнего времени фразема: (11) *parcie na szkło* [напор на стекло] – postać słownikowa i znaczenie: *parcie na szkło* ‘niepohamowana chęć występowania w telewizji lub w ogóle w mediach [неудержимое желание выступать на телевидении или вообще в СМИ]’ (WSJP), а также оформленные со словом (12) *inżynieria* [инженерное дело].

Вышеуказанное сопоставление показывает, что некоторые с названных фразем не зарегистрированы во фразеологических или паремиологических словарях, ср. единицы 2., 3. и 4. из первого списка, а также 12. из третьей группы. Некоторые фраземы зафиксированы в словарях только в одной форме, ср. 10. из второго блока и 11. из третьего набора. Почти все фраземы из второго комплекса зафиксированы в словарях больше чем в одной форме. Наблюдается незначительная разница между вариантами, ср. 5.1, 5.2, 5.3, 8.1, 8.2. Варианты знаменует факультативный член, ср. 9.1 и 9.2. Заменяемые элементы предопределяют о признании единиц как варианты или отдельные, или единицу, то есть с взаимозаменяемыми элементами и с дополнительным факультативным компонентом, ср. 6.1, 6.2, 6.3, 6.4. Выделяются две фраземы с нетождественным составом, или отдельные единицы с дифференцирующими их двумя факультативными элементами – заменяемым и обязательным, ср. 7.1, 7.2. Стабилизирующиеся сочетания со словом “*inżynieria* [инженерное дело]” рассматривать необходимо отдельно.

Относя указанную дифференциацию форм единиц, помещаемых в словарях, к репродуктивности, конкретно – к воспроизведимости фразем в неизмененном виде, уместно установить, которые формы признать каноническими. Разве только те, которые в разных словарях зафиксированы в однозвучном виде? К каким критериям обратиться в поиске оригинала фраземы? К темпоральному ли фактору, а тем самым к форме наиболее рано отмеченной? Мы судим, что в приёме отличительных свойств руководствоваться следует принципами формальной и семантической стабильности структуры. Целесообразным кажется использование следующих определений этих принципов: «принцип стабильно-

сти формальной структуры фразеологии (...) рекомендует воспроизводить его в соответствии с образцом, стабилизированным в обычай и одобренным нормой», а «принцип стабильности семантической структуры фразеологии (...) (правило стабильности значения) велит употреблять фразеологизм в таком значении, которое закрепилось в обычай и фразеологической норме», с необходимой оговоркой, что «в общественном языковом обычай стабилизируются только главные смысловые оттенки отдельных фразеологизмов» (см. Bąba 1989: 82–83). Принимая, что в словарях помещается наиболее распространённая форма или самые типичные вариантные единицы многословесных сочетаний, можно признать, что в случае, когда данная фразема отмечена в словарях больше чем в одной форме с приписаным одним значением, то все эти формы, зафиксированные в языковом обычай и традиции, являются стандартными, стереотипными, поэтому их воспроизводимость в тех образцовых формах и определённых смыслах является воспроизведением в канонической форме.

3. Воспроизводимость. Контекстная репродуцированность.

Немодифицированные единицы

Переходя к рассмотрению воспроизводимости в высказываниях, полученных выборочно из текстового корпуса польского языка нужно подтвердить воспроизведение единиц первой группы фразем в так называемой канонической форме, ср. (1) *Stracił z samochodu radio. – Na biednego nie trafiło – podkreślali wczoraj w kuliach jego koledzy klubowi*; (2) *Ci odnaleźli się dzięki pomocy ochroniarzy, którzy mają ze sobą stały kontakt przez radiotelefony. Przykłady można by mnożyć. Na pewno kartka nie zaszkodzi*; (3) *Jeszcze czego ci się zachciewa... C.*; (4) *Trzeba było widzieć jego minę – powiedział*.

Корпусный материал отражает воспроизведение единиц в образцовом виде также репродуктов второго собрания, ср.:

(5a) *Teraz musimy poruszyć niebo i ziemię, by zmienić plan podziału pieniędzy; (5b) przez ostatnie miesiące starał się poruszać niebo i ziemię, by zwrócić uwagę na kłopoty; (5c) Ktoś poruszył niebo i ziemię, żeby się ich pozbyć; Jaśko poruszył niebo i ziemię, żeby te pieniądze wydzieć z kasy chorych;*

(6a) *Mówi się, że czas goi rany; (6b) Ja nigdy się nie obrażam, a czas leczy rany; (6c) Nie zniknie zaraz serca drżenie. Ale czas goi wszystkie rany; (6d) A co do pytania... czas leczy wszystkie rany... pamiętaj; (6e) Bogactwo wrażeń pozwala zapomnieć o niemilej przeszłości i goi rany;*

(7a) *Jest takie powiedzenie: biednemu wiatr w oczy – pasuje ono do nas;*
 (7b) *na własnej skórze odczuli w tym roku, że biednemu zawsze wiatr w oczy;*
 (7c) *Trzeba przyznać, że w myśl przysłowiowa biednemu wiatr w oczy wieje, gospodarze nie mieli w tym meczu szczęścia;* (7d) *Rzeczywiście ma Pan rację pisząc "biednemu zawsze wiatr w oczy wieje";*

(8a) *W drugim secie polskim siatkarkom udało się jeszcze po nerwowej końcówce wyjść obronną ręką z opresji;* (8b) *ale goście pokazali, że potrafią wychodzić obronną ręką z opresji;*

(9a) *musimy być zjednoczeni – i nie ustępować na krok, bo jeżeli zrobimy nawet mały krocze;* (9b) *Przywódcy zachodni, wśród nich Margaret Thatcher postanowili nie ustępować ani na krok;*

(10) *Ze mną jak z dzieckiem :) doceniam i dziękuję za opiekę.*

Представленное корпусное подтверждение показывает, что все указанные фраземы с обеих групп репрезентированы в текстах, а зарегистрированы в словарях – имеют все формы репродуктов⁸.

4. Воспроизводимость. Контекстная репродуцированность.

Модифицированные единицы

Переходя к единицам намеренно измененных по форме в актах употребления языка, более точно – по отношению к репродуцированности, следует предложить вопрос: как понимать единицы, признаваемые как фразеологические инновации? Это были бы – как считается – те фразеологические инновации, в которых наступило определённое преобразование лексического состава и грамматической структуры, и в которых в конкретном словесном окружении оптимизированы смысловые оттенки, но всё находящееся, безотносительно иногда глубоких трансформаций, в соответствующем «закодировании» образца, целесообразны функционально, всячески не имеющие сильной стабильности, а также имеющие обычно неодинарные удостоверения⁹.

(I.) Как показывает корпусный материал, текстовые модификации учитываемых фразем первой группы представлены многочисленно¹⁰.

⁸ В этом месте надо отметить ситуации, когда «репродукт неизмененный по форме передвигается к новому для себя контексту» (Chlebda 2010: 18).

⁹ Основой рассуждений, касающихся модификации принимается концепция фразеологических инноваций (см. Bąba 1989), ср. тоже инновации, выделенные впоследствии обновления стереотипа (см. Lewicki 2003: 31). Многословесным репродуктам в таком понимании не приписывается фразеологической ошибки.

¹⁰ В действительности часто проявляется не один чистый модификационный тип, а кон-

Относится это в особенности к фразеологическим модифицирующим инновациям.

Репродукты возникают в результате сокращения конститутивных элементов. Процедуру эту отражает только одна из четырёх анализированных единиц, ср. (3) *jeszcze czego ci się zachciewa!* по отношению к: *czego ci się zachciewa; Czego to się zachciewa!*.

Богато представлены обменивающие инновации. Взаимозаменяемость компонентов может происходить в пределе синонимических слов, ср. (1) *na biednego nie trafiło* по отношению к: *na ubogą nie trafiło; wszak na bidotę nie trafiło*. Заменимость может совершаться путём введения любых словесных заменителей определённого компонента фраземы, ср. (1) *na biednego nie trafiło* по отношению к: [*na bezbronnego; na wrażliwca; na świętego; na niewinnych*] *nie trafiło*; (2a) *przykłady można by mnożyć* по отношению к: [*przypadki; pytania; nazwiska; pochwaly; listę postulatów; listę potrzeb; błędy; nazwy; pytania; absurdów; zarzuty pod adresem władz; uwagi i zastrzeżenia*] *można by mnożyć*; (2b) *przykłady można by mnożyć* по отношению к: *przykłady można by jeszcze dugo wymieniać*; (3) *jeszcze czego ci się zachciewa!* по отношению к: *Czegóż to się niewolnikowi zachciewa? Czego się wasm zachciewa?*

Отметить можно примеры развивающих модификаций, ср. (1) *na biednego nie trafiło* по отношению к: *na biednych pewnie nie trafiło*; (2) *przykłady można by mnożyć* по отношению к: *przykłady można by mnożyć w nieskończoność; przykłady można by mnożyć, ale po co?*; *przykłady można by zresztą mnożyć; przykłady można by na pewno mnożyć; przykłady takich postaw można by mnożyć; przykłady te najpewniej można by mnożyć; przykłady zaniedbań i zaniechań można by mnożyć*. Появляются модификации обменивающе-распространительные (развивающие), ср. (2) *przykłady można by mnożyć* по отношению к: *cytaty takie można by mnożyć*; (2b) *przykłady można by mnożyć* по отношению к: *podobne historie można by mnożyć; podobne wypowiedzi można by mnożyć; zresztą plusy można by mnożyć*, особенно когда замена касается элементов, входящих в данное поле, ср. (4) *trzeba było widzieć jego minę!* по отношению к: *trzeba było widzieć jego roześmianą twarz; trzeba było widzieć jego rozradowaną buzię*.

Отмечаются регулирующие инновации. Изменению подлежит форма какого-либо из компонентов, ср. (1) *na biednego nie trafiło* по отно-

кратная процедура встречается с другими процедурами. Ввиду отношения фразеологических инноваций к вопросу воспроизведимости, а не проблематики инновации как таковой, анализ примеров ограничивается указанием главных типов видоизменений без подробного выделения смешанных модификаций.

шению к: *na biednych nie trafiło*; (2) *przykłady można by mnożyć* по отношению к: *podobnych przykładów można by mnożyć; takich przykładów niesłety można by mnożyć*; (3) *jeszcze czego ci się zachciewa!* по отношению к: – *Co też jej się zachciewa*; (4) *trzeba było widzieć jego minę!* по отношению к: *trzeba było zobaczyć jego minę*. Изменению подвергается порядок слов, ср. (2) *przykłady można by mnożyć* по отношению к: *Długo można by mnożyć listę najnowocześniejszych rozwiązań zastosowanych w A380*; (3) *jeszcze czego ci się zachciewa!* по отношению к: *czegoż ci się jeszcze zachciewa?*.

Происходит приспособливание фраземы к ситуационному контексту¹¹, ср. (2) *przykłady można by mnożyć* по отношению к: [*tę wyliczankę; te wątpliwości; jego zasługi*] *móżna by mnożyć*; (3) *jeszcze czego ci się zachciewa!* по отношению к: – *Czego ci się zachciewa?* – *pogroził odbiciu, czując falę ciepła; Czego im się zachciewa?* *Przecież nie będę dyskutował z pielęgniarką, czy mam podać pacjentowi antybiotyk czy aspirynę.*

Отчётливо обозначается тенденция к закреплению репродуктов, возникнувших впоследствии компонентных расширений, ср. (2) *przykłady można by mnożyć* по отношению к: *tak naprawdę przykłady te można by mnożyć; i takie przykłady pewnie jeszcze można by mnożyć*.

(II.) Приступая к характеристике второй группы учитываемых фразем, следует констатировать многочисленную репрезентацию текстовых модификаций репродуктов.

Отмечается замена в пределе синонимических слов или входящих в определенное поле, ср. (6) *czas goi/leczy rany* по отношению к: *czas zabliźnia rany; czas zasklepia rany*, также с дублированием компонентов, ср. (6) *czas zabliźnia i goi rany*.

Богатейшее представление взаимозаменяемости слагаемых, ср. (6a) *czas goi/leczy rany* по отношению к: *czas łagodzi rany; czas zatrze rany*; (6b) *czas leczy/goi [wszystkie] rany* по отношению к: *czas goi te wszystkie nieporozumienia*; (7) *biednemu wiatr w oczy/zawsze wiatr w oczy* по отношению к: [*maluczkim; dzieciom; słabszym; rolnikom; uczciwemu; porządnemu; bogatemu; oszczędnym; spóźnionemu; jemu; tym; nie wszystkim*] *wiatr w oczy*; (8) *wyjść obronną ręką z opresji* по отношению к: *wyjść obronną ręką [z tarapatów; z kłopotów; z romansu; z rynku wej zawieruchy; z rywalizacji; z oskarżeń o koniunkturalizm; z próby wyłudzenia, kradzieży; z niekorzystnego rezultatu; z drugiej konfrontacji; z ogólnego marazmu panującego w branży; z kłopotliwej*

¹¹ В связи с этим ср. особый тип контекстных инноваций (см. Lewicki 2003: 31).

dyskusji; z konfrontacji z mocnymi ekipami]; (9) nie ustępować komuś [ani] na krok по отношению к: [nie odpuścimy; nie odpuścią; nie odpuści] ani na krok; (10) ze mną jak z dzieckiem по отношению к: [z Tobą; z panem; z sojusznikiem; z małpą; z ptakiem] jak z dzieckiem.

Распространительные (развивающие) модификации охватывают, кроме всего прочего, следующие фраземы, ср. (6) *czas goi/leczy rany* по отношению к: *czas nieco goi rany; czas najlepiej goi rany; czas to najlepszy lekarz goi rany na sercu i duszy; czas przecież goi rany; czas jednak goi rany; czas podobno goi rany; czas nie zawsze goi rany; czas goi wszelkie rany;* (7) *biednemu wiatr w oczy/zawsze wiatr w oczy* по отношению к: *biednemu to nawet wiatr w oczy wieje; ale biednemu wieje wiatr w oczy;* (8) *wyjść obronną ręką z opresji* по отношению к: *wyjść obronną ręką [z różnych opresji; z takiej opresji; z poważnych opresji; z największej opresji; z najtrudniejszych opresji; z zaistniałej opresji; z wielu opresji]; trudno wyjść obronną ręką z licznych opresji;* (9) *nie ustępować komuś [ani] na krok* по отношению к: *nie ustępowała jednak ani na krok; jednak nie ustępował ani na krok; nie ustępować ani na najmniejszy krok.*

Многословесные единицы, рассматриваемой группы знаменуют также обменивающие-распространительные инновации, ср. (6) *czas goi/leczy rany* по отношению к: *Czy sam czas uleczy rany?; czy czekać aż czas zaleczy rany;* (7) *biednemu wiatr w oczy/zawsze wiatr w oczy* по отношению к: *biednym ludziom to zawsze wiatr w oczy wieje;* (8) *wyjść obronną ręką z opresji* по отношению к: *wyjść obronną ręką [z trudnej sytuacji; z tak trudnej sytuacji; z nadzwyczaj niebezpiecznej sytuacji; z niezręcznej sytuacji; z tej niezręcznej sytuacji; z fatalnej sytuacji; z różnych zdrowotnych sytuacji kryzysowych];* (10) *ze mną jak z dzieckiem* по отношению к: *[z nim trzeba; z Babcią trzeba czasem; z klientem trzeba] jak z dzieckiem.*

Регулирующие инновации подтверждают изменение порядка слов или структуры, ср. (9) *nie ustępować komuś [ani] na krok* по отношению к: *ani na krok nie ustępowali swojemu eurosceptycznemu gościowi*, а также изменение форм компонентов, ср. (5) *poruszyć niebo i ziemię* по отношению к: *poruszę niebo i ziemię; poruszyła niebo i ziemię; poruszymy niebo i ziemię;* (6a) *czas goi/leczy rany* по отношению к: *czas zagoił rany; czas zagoi rany;* (6b) *czas goi/leczy rany* по отношению к: *czas [wyleczył rany; zaleczył rany; uleczy rany; zaleczy rany];* (7) *biednemu wiatr w oczy/zawsze wiatr w oczy* по отношению к: *biednym zawsze wiatr w oczy;* (9a) *nie ustępować komuś [ani] na krok* по отношению к: *[nie ustępuje mi; nie ustępowała jej; nie ustąpił; nie ustępowali; nie ustępując; nie ustępował; nie ustąpić] ani na krok*, иногда вместе с сопроводительным изменением порядка составных элементов, ср. (9б) *gdyż ani na krok nie ustępował wobec ich*

postulatów; (10) ze mną jak z dzieckiem по отношению к: ze mną jest jak z dzieckiem.

Наблюдаются регулирующие-обменывающие инновации, ср. (8) *wyjść obronną ręką z opresji* по отношению к: *był to ostatni „zamach” na tę szkołę. Żeby wyjść obronną ręką z kolejnego; (10a) ze mną jak z dzieckiem* по отношению к: [z publicznością; z żołnierzem] *jest jak z dzieckiem; (10b) ze mną jak z dzieckiem* по отношению к: *z psem jest jak z dzieckiem; (10c) ze mną jak z dzieckiem* по отношению к: [z pieczeniem; z frekwencją] *jest jak z dzieckiem.*

Рассмотрение многословесных единиц в этом блоке отчётливо подтверждает яркое контекстное приспособление репродуктов, ср.:

(6) *czas goi/leczy rany* по отношению к: *Kto powiedział, że czas goi rany?!*;

(7a) *biednemu wiatr w oczy/zawsze wiatr w oczy* по отношению к: *Podsumowując: biednemu zawsze wiatr w oczy; Wiadomo – biednemu zawsze wiatr w oczy wieje i tyle; małym zawsze wiatr w oczy albo słońce w kark; jednym wiatr w oczy tymczasem innym złoty deszcz?* (7b) *biednemu wiatr w oczy/zawsze wiatr w oczy* по отношению к: *Bo Ty prosty człowiek jesteś. A takiemu zawsze wiatr w oczy; polski wojsk to ma zawsze wiatr w oczy;*

(8a) *wyjść obronną ręką z opresji* по отношению к: *bez tego trudno wyjść obronną ręką z licznych opresji; mają małe szanse, by wyjść obronną ręką z opresji; (8b) wyjść obronną ręką z opresji* по отношению к: *potrafił wyjść obronną ręką z bitwy o tytuł; wiele razy potrafił wyjść obronną ręką z tarapatów; potrafiło wyjść obronną ręką z niekorzystnego rezultatu; potrafiliśmy wyjść obronną ręką z trudnej sytuacji; zdoła wyjść obronną ręką z drugiej konfrontacji z; zdołały wyjść obronną ręką z wytoczonych im ponad 400 spraw sądowych; nie zdołały wyjść obronną ręką z opresji; uda się wyjść obronną ręką z fatalnej sytuacji; uda się wyjść obronną ręką z bardzo jednak realnego ataku; musi też wyjść obronną ręką z romansu; mogą wyjść obronną ręką z rynkowej zawieruchy; można wyjść obronną ręką z najtrudniejszych opresji; mógłby wyjść obronną ręką z tej niezręcznej sytuacji; powinien także wyjść obronną ręką z ogólnego marażmu panującego w branży; pomoże ci wyjść obronną ręką z kłopotliwej dyskusji z; pozwala człowiekowi wyjść obronną ręką z różnych zdrowotnych sytuacji kryzysowych; nie dało się wyjść obronną ręką z wątku; wystarczy wyjść obronną ręką z najbliższej potyczki z;*

(9a) *nie ustępować komuś [ani] na krok* по отношению к: *nie ustępowali w sprzeciwie ani na krok; nie ustępowały licealistom ani na krok; Wisła nie ustępowała gościom ani na krok w walce o środek pola; (9b) nie ustępować komuś [ani] na krok* по отношению к: *moi podopieczni nie odpuścią ani na krok; rywal nie odpuści ani na krok;*

(10a) ze mną jak z dzieckiem по отношению к: Ze mną jak z dzieckiem, bez problemów porozumiałem się z; ze mną jak z dzieckiem... pozdrawiam – LdV; Ze mną, jak z dzieckiem – mogę zmienić, jeśli mi ktoś powie, co miałbym zmienić; Ze mną jak z dzieckiem, zgodzę się na (prawie) wszystko. :); Ze mną jak z dzieckiem dogadamy się jakoś na pewno; Ze mną jak z dzieckiem – mówisz i masz; (10b) ze mną jak z dzieckiem по отношению к: z Tobą jak z dzieckiem. Moja piaskownica najpiękniejsza bo akurat w niej siedzę; Z Tobą jak z dzieckiem, tylko 'GuGuGaga' rodzice są w stanie rozszyfrować; Z Tobą, to jak z dzieckiem, trzeba ustalać coś, co dla każdego jest oczywiste; Z tobą jak z dzieckiem tłumacz a ten jak na złość dalej swoje; (10c) ze mną jak z dzieckiem по отношению к: z panem jak z dzieckiem. Przecież pan wie, że nie wolno panu dźwigać; z Panem jak z dzieckiem |) | trzeba wiele razy powtarzać; (10d) Bo z Babcią trzeba czasem jak z dzieckiem. Spokojnie, cierpliwie, z fałszywą grzecznością w żrenicach; Z publicznością jest jak z dzieckiem – tłumaczą specjalistyci od filmu. Nie ma sensu jej pytać, co chciałaby zobaczyć na ekranie; z sojusznikiem jak z dzieckiem. Obowiązuje zasada ograniczonego zaufania i stałej kontroli; Z żołnierzem jest jak z dzieckiem, bo wszystkiego go trzeba nauczyć; z klientem trzeba jak z dzieckiem. Cierpliwie, łagodnie i ciepło; (10e) ze mną jak z dzieckiem по отношению к: A z małpą, jak z dzieckiem. Trzeba w nocy wstawać, karmić. Utulić; Z ptakiem jak z dzieckiem. Nauczyć mówić można jednak każdego gwarka; Z psem jest jak z dzieckiem, jak się go źle wychowa, to wyrośnie dzikus; (10g) ze mną jak z dzieckiem по отношению к: z pieczeniem jest jak z dzieckiem; z tym awensem, jest tak, jak z dziekiem. Jeden fałszywy ruch może zniszczyć wszystko; Z frekwencją jest jak z dziekiem. Mała frekwencja – mały kłopot, duża frekwencja – duży kłopot.

Отчетливо заметна тенденция к стабилизации некоторых репродуктов, имеющих характер расширяющихся инновации, ср. (5) poruszyć niebo i ziemię по отношению к: [czasem trzeba; postanowili; postanowiła; zamierza; chce; obiecała sobie; choćbyśmy mieli; muszą; musimy; warto; warto jednak było; próbuje; próbowała; usiłują; jest w stanie; byłaby zdolna; umie; potrafi] poruszyć niebo i ziemię; (6) czas goi/leczy rany по отношению к: [Mówi się, że; Mówią, że; Ponoć; Wiadomo, że; Naszczęście; Jednak; nie załamuj się,] czas goi rany; [Jak to się mówi; bo przecież] "czas goi rany"; (7a) biednemu wiatr w oczy/zawsze wiatr w oczy по отношению к: [Mówi się, że; Cóż;; Ale; Jednak; bo przecież; bo – jak to bywa zazwyczaj –; Tak to już widać jest, że; Tylko że] biednemu zawsze wiatr w oczy; (7b) biednemu [zawsze] wiatr w oczy [wieje] по отношению к: [No cóż –; Ale cóż,] biednemu zawsze wiatr w oczy wieje; (8a) wyjść obronną

ręką z opresji по отношению к: pokazał, że można wyjść obronną ręką z naj-trudniejszych opresji; potrafili wyjść obronną ręką z opresji; potrafimy wyjść obronną ręką z największej opresji; [zdołał; zdołali] wyjść obronną ręką z opresji; udaje się wyjść obronną ręką z opresji; (8b) wychodzić obronną ręką z opresji по отношению к: pokazali, że potrafią wychodzić obronną ręką z opresji.

(III.) В добавок проведенного выше анализа репродуктов стоит рассмотреть функционирование единицы *parcie na szkło* [напор на стекло] – зарегистрированной с недавнего времени, свежо включаемой в лексические разработки, а также ново возникающим, устанавливающимся сочетаниям со словом *inżynieria* [инженерное дело]. Уже хорошо закрепленная в польском языке фразема *parcie na szkło*,ср. (11a) *Dziwi mnie to jego parcie na szkło...*; *oraz parcie na szkło doprowadziło ich do aktualnego stanu*, отчётливо стабилизируется в коллокации: *mieć parcie na szkło*, por. (11b) *Miał parcie na szkło i lubił być w centrum uwagi*; *Niby żartem, ale jednak przyznała, że ma „parcie na szkło”¹²*, и вместе с тем распространяется в коллокации: (11c) *jest parcie na*, por. *Poza tym jest duże parcie na nowe inwestycje, a więc sytuacja wprost wymarzona; jest ogromne parcie na podniesienie płacy, którego my nie jesteśmy w stanie spełnić*.

Эта фразема обнаруживает типичные модификационные свойства. Заметные обменивающиеся модификации, ср. (11) *parcie na [szybki wynik sprzedażyowy; maksymalny wynik finansowy; wynik za wszelką cenę; produkcję za wszelką cenę; niekończące się wzrosty sprzedaży; likwidację przywilejów pracowniczych w Europie; oszczędności; sławę; parcie na role]*. Очевидны модификации распространительные, ср. (11) *parcie na szkło (telewizyjne); „parcie na szkło”, telewizyjne oczywisko; ogromne parcie na szkło; nadzwyczajne „parcie na szkło”; nachalne parcie na szkło; skuteczne parcie na szkło; prawdziwe „parcie na szkło”¹³*. Встречаются обменивающие-распространительные модификации, ср. *duże parcie na ceny wywołane przez popyt; zdecydowane parcie na przód*.

Контекстное размещение репродуктов, особенно расширяющих инноваций, доказывает их закрепленное функционирование, ср. (11a) *Poli-*

¹² Свидетельствующее о совершаемой стабилизации сочетания взятие его сперва в текстовых употреблениях в кавычки уже не совершается.

¹³ В связи с тем, что значение выражения *parcie na szkło* ‘непреодолимое желание выступать на телевидении’ подвергается расширению, ср. ‘непреодолимое желание показать себя в СМИ, создавать вокруг себя шум’, его структура модифицируется следующим образом: к элементу *szkło* в значении ‘телевидение’ добавляются слова: *sitko* [ситечко], *mikrofon* [микрофон], *papier* [бумага], ср. напр. *parcie na szkło i sitko*, либо этот же элемент бывает также заменён словами: *monitor* [монитор], *plazma* [плазма], *ekran* [экран], *media* [СМИ], *afisz* [афиша], ср. напр. *Wylacznie to on ma parcie na ekran* (см. Myścawka 2017: 143, 145).

tycy cierpiący na parcie na szkło zgrzytali zębami; Najwyraźniej zapał i parcie na szkło (telewizyjne) nie wystarczą, by rzadzić; którzy wykazują nadzwyczajne „parcie na szkło”; Bo to oni zapłacą za skuteczne parcie na szkło władz miejskich; bo to rodzi ogromne parcie na szkło, u wszystkich. В особенности стабилизируются отнесения к стремлению к успеху, ср. Zawitał do nas wyścig szczurów, parcie na sukces; Im nie przeszkadza parcie na sukces; Może, gdyby miał większe parcie na sukces, byłby jednym z najlepszych zawodników tego pokolenia, а также на достижение славы, ср. Wymagany jest wygląd i parcie na sławę.

В заключение анализа выбранных фразем стоит – как полагается – показать устанавливающиеся новые сочетания со словом *инженерное дело*, которым в качестве образца послужили многочисленные и распространённые термины, кроме всего прочего: *inżynieria* (далее – i.) [инженерное дело] *chemiczna* [химическое], i. *elektryczna* [электрическое], i. *mechaniczna* [механическое], i. *energetyczna* [энергетическое], i. *wojskowa* [военное], i. *przemysłowa* [промышленное], а также новейшие: i. *elektroniczna* [электронное], i. *komputerowa* [компьютерное], i. *oprogramowania* [программирования], i. *genetyczna* [генетическое], i. *biomedyczna* [биомедицинское], i. *wiedzy* [знания]. Из такого рода новых коллокаций можно назвать фраземы: (12) *inżynieria wyborcza* [избирательное инженерное дело]; *inżynieria konstytucyjna* [конституционное инженерное дело]; *inżynieria wymagań* [инженерное дело требований]. Просмотр контекстов их выступления в корпусном материале удостоверяет воспроизведимость канонической формы, ср. (12) „*Dwa w jednym*”, czyli nowa „*inżynieria wyborcza*”, и одновременно позволяет в их репродуктивности заметить появляющиеся инновационные приёмы, ср. (12) *nie traktujemy Ordynacji wyborczej wyłącznie jako inżynierii wyborczej umożliwiającej usprawnienie trybu wyboru parlamentarzystów*.

5. Выводы

Совершенное представление текстовой репродуктивности выбранных многословесных единиц языка по отношению к инновациям в опоре на корпусной материал подтверждает воспроизведимость в данной ситуации и для выражения данной связки смыслов (см. Chlebda 1994: 109–110) всех выбранных для анализа фразем с каждой из отмеченных групп.

Относится это к репродуктивности единиц, имеющих формы, признаваемые как канонические, то есть имеющие формы относительно застывшие, закрепленные благодаря повторяемости. В этом понимании –

как полагается – в языковой коммуникации многословесные репродукты не неизменны, итак – как упоминалось выше – репродуктивность фактически не обозначает «механического копирования раз и навсегда установленных форм образцов», снятие «идентичных копий с неприкосновенного оригинала» (см. Chlebda 2010: 17–18). Репродукты в так называемой неизмененной форме – это, как мы судим, по сути дела единицы «относительно устойчивые»¹⁴, стабильные не в смысле их целостности, только интегрирования, определяемого общественно принципами стабильности с формальной и смысловой позиции.

Текстовая воспроизведимость, о которой говорится, касается также репродуктивности многословесных единиц в видах более отдалённых по форме от признаваемых как образцовые, то есть характеризующихся более сильной и более дифференциированной модификацией словарного состава и структуры, а вместе с тем закреплённых в формах не воспринимаемых как исходные (канонические), однако уполномоченных к функциональной прототипности.

Учет воспроизведимости многословесных единиц в различных условиях контекстного приспособления разрешает констатировать, что «воспроизведимость многословесной единицы в момент конструирования высказывания или актуализации (распознавания понимания) высказывания получаемого» (см. Müldner-Nieckowski 2007: 64) – это несомненно один из критериев фразеологичности (как отмечалось выше в установках вопроса – это один из «достаточных» критериев дефиниции фразеомы, см. Chlebda 1994: 109; Chlebda 2003: 49). Критерий репродуктивности, признаваемый в качестве дефиниционного свойства репродуктов, свойство существенное, всё же – как принимается – их запоминание и воспроизведение «не опирается на элементах, только на факторах, которые являются продуктами распада многословесных единиц»¹⁵, что способствует разным реконфигурациям и интегрированию «с похожими факторами, принадлежащими другим единицам языка» (см. Müldner-Nieckowski 2007: 110).

¹⁴ Можно их – аналогически как пословицы – признать как «многословесные единицы – запоминаемые и воспроизводимые в относительно неизменной форме» (см. Szpila 2003: 93; разрядка – W.W.).

¹⁵ Своебразных рефлексах компонентного строения (композиционных составляющих).

Библиография

- Бąba, Stanisław et al. 1995. *Podręczny słownik frazeologiczny języka polskiego*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Бąba, Stanisław. 1989. *Innowacje frazeologiczne współczesnej polszczyzny*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu.
- Chlebda, Wojciech. 1994. Słownik a „odtwarzalność w danej sytuacji”. In: Wawrzyńczyk, Jan; Małek, Eliza (eds). *Opuscula Polonica et Russica II*. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika. 102–122.
- Chlebda, Wojciech. 1997. W stronę frazeologii pragmatycznej. *Poradnik Językowy*. 2: 1–10.
- Chlebda, Wojciech. 2003. *Elementy frazematyki: Wprowadzenie do frazeologii nadawcy*. Łask: Oficyna Wydawnicza LEKSEM. (Первое издание: Opole 1991).
- Chlebda, Wojciech. 2010. Nieautomatyczne drogi dochodzenia do reproduktów wielowyrazowych. In: Chlebda, Wojciech (ed.). *Na tropach reproduktów. W poszukiwaniu wielowyrazowych jednostek języka*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego. 15–35.
- Kłosińska, Anna et al. (eds). 2005. *Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Kozioł-Chrzanowska, Ewa. 2012. Frazemy, hece i reprodukty – w poszukiwaniu rozstrzygnięć terminologicznych do opisu wybranych konstrukcji wielowyrazowych. *Język Polski*. 4: 249–259.
- Lewicki, Andrzej M. 2003. *Studia z teorii frazeologii*. Łask: Oficyna Wydawnicza LEKSEM.
- Müldner-Nieckowski, Piotr. 2003. *Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego*. Warszawa: Świat Książki.
- Müldner-Nieckowski, Piotr. 2007. *Frazeologia poszerzona*. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Volumen.
- Mycawka, Mirosława. 2017. Nowe frazeologizmy polskie: parcie na szkło. In: Pałchowicz, Małgorzata; Choińska, Krystyna (eds). *Świat słów. Jedność w różnorodności*. Tarnów: Wydawnictwa Państwowej Wyższej Szkoły Zawodowej w Tarnowie. 141–150.
- Skorupka, Stanisław. 1967. *Słownik frazeologiczny języka polskiego*. Vol. 1–2. Warszawa: Wiedza Powszechna.
- Szerszunowicz, Joanna. 2016. *Lakunarne jednostki wielowyrazowe w perspektywie międzyjęzykowej*. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymostku.
- Szpila, Grzegorz. 2003. *Krótko o przysłowiu*. Kraków: Collegium Columbinum.
- Баранов, Анатолий Н.; Добровольский, Дмитрий О. 2013. *Основы фразеологии. Краткий курс*. Москва: Издательство «ФЛИНТА»; Издательство «Наука».

NKJP: *Narodowy korpus języka polskiego* [Национальный корпус польского языка]

www.nkjp.pl

WSJP: Żmigrodzki, Piotr (ed.), *Wielki słownik języka polskiego*. Instytut Języka Polskiego PAN.

www.wsjp.pl

**Complexities of reproducibility.
Reproductionality of phrasemes in the light of innovation
(on the material of selected units)**

Summary

The considerations open the introduction to the issue of reproducibility and reproductionality. Recognizing that reproducibility falls within the definitional range of the phraseological unit, the scope of reproducibility is included in the problem of modification of phraseology. In the following parts, research on the research assumptions was carried out. The analytical material of the reproductions grouped in three sets of selected dictionary units and excerpts from the works devoted to the phraseology has been presented. Reproducibility and contextual reproducibility has been considered in relation to forms unmodified in the light of the corpus resources of the Polish language coming from various sources, mainly the media. Reproducibility and contextual reproducibility in the field of forms modified on the basis of the cited material body were included on a multilateral basis. The results of the examination of the essence of the reproductive phenomenon contain general conclusions. The textual reproducibility of multiword language units in relation to innovation confirms the reproducibility of all selected phrases for analysis from each of the distinguished groups. There are distinguished reproductions in an unchanged form, which are considered to be relatively stable and reproductions in a form more or less distant from the form considered as the starting one, which is characterized by strong and varied modifications. The criterion of reproducibility is validated as an important definition of reproduction, however, in their memorization and reproduction, one must not look at the integrals, but at the factors that are the products of the disintegration of multiword units.

Key words: *phraseology, phrase, reproduction, reproducibility, reproductionality.*